

ед. Смирнов

КИРГИЗЪ-КАЙСАКИ

(ВЪ ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вообще говоря, тщательное изученіе русскими жизни среднеазиатскихъ народовъ, особенно кочевниковъ, мы считаемъ крайне желательнымъ.

Настоящая жизнь среднеазиатскихъ кочевниковъ, какъ кажется, мало чѣмъ отличается отъ жизни, понятій и привычекъ ихъ праотцевъ или родовичей, когда-то владѣвшихъ Россією. Извѣстные путешественники XIII столѣтія: Марко-Поло, Плано-Карпини и Рубриквисъ описали, къ счастью, характеристическія черты монгольской жизни. Мѣткія замѣчанія этихъ путешественниковъ, теперь, спустя шесть вѣковъ, почти во всѣхъ деталяхъ могутъ быть отнесены къ жизни современныхъ киргизовъ. Такимъ образомъ, помимо другихъ соображеній, изученіе Средней Азіи можетъ быть дать отвѣты на нѣкоторые вопросы, касающіеся монгольскаго ига, тяготѣвшаго надъ Россією такъ долго и оставившаго такія тяжелыя, трудно изгладимыя впечатлѣнія на нашей общественной и домашней жизни.

Намъ лично, по крайней мѣрѣ, казалось, на основаніи тщательнаго изученія среднеазиатской жизни, что многое въ русскихъ повѣрьяхъ имѣетъ начало въ монгольскихъ обычаяхъ, которые, за малыми измѣненіями,

удержались у номадовъ, теперь кочующихъ въ степяхъ, принадлежащихъ Россіи.

Чтобы яснѣе изложить наши свѣдѣнія о киргизахъ, мы въ предлагаемой статьѣ сгруппируемъ различныя собранныя о нихъ свѣдѣнія и личныя наблюденія въ слѣдующихъ отдѣлахъ: 1) Историческій очеркъ распространенія русскаго владычества въ Азіи; 2) Образъ жизни, законы и вѣра киргизовъ; 3) Обычай и обряды ихъ; 4) Характеръ управленія киргизами русской властью до 1867 года и 5) Хозяйство, руководѣлія и промышленность киргизовъ.

А. К. Гейнсъ.

I.

Историческій очеркъ распространенія русскаго владычества въ Азіи.

«Казакъ», извѣстные у насъ подъ именемъ киргизовъ, едва-ли могутъ быть производимы отъ какого-либо одного народа или племени, не только въ политическомъ, но даже и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Смуты и войны могли отъ времени до времени забрасывать въ обширныя равнины Средней Азіи бездомныхъ скитальцевъ, которые бродили по степямъ со своими стадами, не подчиняясь никому, и цѣлые вѣка не складываясь въ государство. Ихъ имя, означающее бродяга, свободный скиталець, лучше всего намекаетъ на первоначальное происхожденіе киргизовъ.

Вопросъ о времени, когда кочевники образовали нѣчто похожее на политическое тѣло, разрѣшенъ академикомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ, въ его превосходныхъ «Изысканіяхъ о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». Согласно тому, киргизская орда образовала народъ, подчинившійся двумъ выходцамъ изъ Дешти-Кипчака, братьямъ Гирею и Джанибеку, только въ 1465 г. По свойству казацкаго союза, охватившаго въ первое

время своего образованія разныя кочевыя племена, къ нему послѣдовательно примыкали окрестныя народы и бѣглецы, спасавшіеся въ степи отъ непрерывныхъ смуть, волновавшихъ окрестныя государства Азіи. Такимъ образомъ, въ числѣ киргизскихъ родовъ считаются въ настоящее время: Найманы, Юсуни, Дулаты, Желаиры, Кипчаки и другіе извѣстные исторіи самостоятельныя народы, изъ коихъ нѣкоторые имѣли даже большое политическое значеніе. На казачій народъ нужно, слѣдовательно, смотрѣть, какъ на историческій конгломератъ разныхъ азіатскихъ народовъ, преимущественно монгольскаго происхожденія.

Во всякомъ случаѣ, столѣтіе спустя послѣ образованія киргизскаго народа, онъ становится уже сильнымъ политическимъ тѣломъ. Въ 1598 году казачій султанъ Шигай овладѣлъ Ташкентомъ и Туркестаномъ, которые и оставались во власти орды до 1723 года. Это обстоятельство привело киргизовъ въ ближайшее соприкосновеніе съ сильнымъ ойратскимъ или калмыцкимъ союзомъ, составившимся въ началѣ XIV столѣтія изъ четырехъ западно-монгольскихъ племенъ. Вскорѣ между двумя сосѣдями вспыхнула невыгодная для киргизовъ война, окончившаяся въ 1757 году, когда китайцы совершенно разрушили калмыцкій союзъ. Послѣ того, какъ покоренная Джунгарія была опустошена, а большинство калмыковъ перебито, переселено внутрь Китая или бѣжало въ Сибирь, земли, занимаемыя ими до тѣхъ поръ, т.-е. вся прииртышская страна и частію сѣверная и южная полосы нашихъ степей, совершенно опустѣли. Киргизы съ дозволенія китайскаго правительства ринулись тогда на бывшія мѣста калмыцкихъ кочевій и заняли ту территорію, которою они владѣютъ и въ настоящее время.

Русскія лѣтописи упоминаютъ первый разъ про киргизовъ въ 1537 году.

Съ самага появленія русскихъ поселенцевъ на югѣ Сибири, среднеазиатскіе народы начали производить разбойническія нападенія на пограничныя русскіе городки, и наша территория въ Азіи стала лишь только тогда прочнымъ приобрѣтеніемъ, когда началось заложеніе крѣпостей по рѣкѣ Иртышу ¹⁾. Хотя эти крѣпости и были построены для достиженія особыхъ, временныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе онѣ, т. е. крѣпости, прикрыли часть нашей южной сибирской границы отъ хищническихъ набѣговъ средне-азиатскихъ народовъ. По примѣру Иртышской оборонительной линіи, укрѣпленія

¹⁾ Составляя настоящій историческій очеркъ, я пользовался слѣдующими сочиненіями:

1) «Извѣстіе о песочномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отравленіяхъ и о стросніи крѣпостей при р. Иртышѣ». «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія». Январь 1760 года. Изданія академіи наукъ.

2) «Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ». Отца Іакинфа.

3) «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ». Н. Нефедьева.

4) «Сношенія Россіи съ Хивію и Бухарію при Петрѣ Великомъ». А. Н. Попова.

5) «Озеро Норъ-Зайсанъ съ его окрестностями». Н. Абрамова.

6) «О состояніи Алтышара или шести западныхъ городовъ Малой Бухаріи». Штабъ-капитана Валиханова.

7) «Областной городъ Семипалатинскъ». Н. Абрамова.

8) «Замѣтка объ Иртышѣ и странахъ, имъ орошаемыхъ». С. Гуляева.

9) «Усть-Каменогорскъ въ 1861 году». Н. Абрамова.

Послѣднія шесть статей разбросаны въ періодическихъ изданіяхъ и. р. географическаго общества.

10) «Походъ въ Хиву въ 1717 году». Д. Голосова. «Военный Сборникъ» 1861 года № 10. ✓

11) «Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи». П. Семенова.

12) «Землевѣдѣніе Азіи». Карла Риттера. Переводъ П. Семенова. ✓

13) Рукописная записка неизвѣстнаго автора «О присоединеніи къ російскимъ владѣніямъ южной части западной Сибири съ землями, составляющими внутренніе округи Омской области», составленная большею частію на основаніи документовъ, извлеченныхъ изъ омскаго архива.

Записку эту я получилъ въ штабѣ Западно-Сибирскаго военнаго округа. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ и когда она написана, считаю долгомъ отдать справедливость званіямъ и крайней добросовѣстности автора записки.

При составленіи настоящаго историческаго очерка, я пользовался ею въ особенности для періода съ 1721 по 1800 годъ.

распространились въ одну сторону до Оренбургской линіи, въ другую — до границъ Восточной Сибири. Такимъ образомъ, русское населеніе, жившее по Обской системѣ, было совершенно обезпечено и получило возможность развиваться естественнымъ путемъ труда и покоя.

Когда укрѣпленныя линіи Оренбургская и Сибирскія сомкнулись, онѣ охватили съ трехъ сторонъ киргизскій народъ, занимавшій въ то время земли отъ Урала до озера Норъ-Зайсана. Естественнымъ послѣдствіемъ такого очертанія нашей пограничной черты было подчиненіе киргизовъ, бывшихъ до тѣхъ поръ бичемъ нашихъ границъ.

Послѣ завоеванія Западной Сибири, казаки и первые поселенцы стали постепенно распространяться по странѣ, выбирая подъ жилье мѣста, богатая звѣриными промыслами. Поднимаясь и спускаясь по рѣкамъ, какъ по единственному путямъ, существовавшимъ тогда въ Сибири, они осѣдали по берегамъ, срубая для своей обороны городокъ, т. е. обнося жилища деревяннымъ тыномъ. Разбросанныя и слабыя племена туземцевъ не могли быть серьезною помѣхою распространенію русской народности въ средней полосѣ Сибири. Приблизившись къ южнымъ предѣламъ нынѣшнихъ Тобольской и Томской губерній, колонисты начали встрѣчать рѣдкія кочевья номадовъ, находившихся въ зависимости отъ калмыковъ; но и они не въ состояніи были сопротивляться русскимъ, почему, при приближеніи ихъ, снимали свои юрты и откочевывали въ глубь страны. У подошвы Алтайскихъ горъ наши поселенцы пришли въ соприкосновеніе съ довольно густымъ населеніемъ калмыковъ, составлявшихъ тогда весьма сильное государство ¹⁾. За-

¹⁾ Калмыцкимъ ойратствомъ или дербень-ойратствомъ назывался, какъ сказано выше, союзъ четырехъ западныхъ монгольскихъ племенъ: юнгорскаго или джунгарскаго, дурбетскаго, торгоутскаго и хошоутскаго, образовавшійся въ началѣ XIV столѣтія. Слово «дербень» по-калмыцки значитъ четыре; «ойратъ»—

паднѣ Алтая русскіе дошли до кочевьевъ кайсаковъ, или, какъ мы ихъ называемъ, киргизовъ.

Съ перваго же появленія поселенцевъ на югѣ Сибири, среднеазиатскіе народы начали производить разбойническія нападенія на ближайшіе русскіе городки. Руководителями этихъ набѣговъ были ханъ Кучумъ и его наслѣдники, которые удалились, послѣ потери сибирскаго царства, на югъ. Живя среди зюнгоровъ и киргизовъ, они не теряли еще надежды вытѣснить завоевателей за Уралъ, и хотя не достигли своей цѣли, тѣмъ не менѣе первые указали дикарямъ путь къ грабежамъ и опустошеніямъ, остановившимъ надолго развитіе Сибири.

Чтобы спасти южные городки отъ набѣговъ, сибирское начальство было принуждено провести оборонительную линію укрѣпленій отъ Верхотурскаго городка, у верховій Туры, по рѣкамъ Турѣ, Тоболу и Иртышу, до Тарской крѣпостцы. Этою линією часть Западной Сибири, отъ Уральскаго хребта до Барабинской степи, оградилась на нѣкоторое время отъ безпрерывныхъ набѣговъ среднеазиатскихъ кочевниковъ. Барабинская степь, лежащая восточнѣе Тары, не была занята русскими поселенцами и не прикрывалась съ юга

сюзный, ближній. Русскіе называли ойратовъ калмыками. Нефедьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ происхожденіе слова калмыкъ: въ началѣ XVI столѣтія, вслѣдствіе несогласій между ойратами, нѣкоторыя поколѣнія, отдѣляясь отъ союза, откочевали къ предѣламъ Томской и Енисейской губерній; поколѣнія сіи, вслѣдствіе очевиднаго негодованія ойратовъ, получили отъ нихъ названіе «элетъ», которое татары на своемъ языкѣ передали русскимъ въ словѣ калмыкъ, ибо какъ элетъ по-монгольски, такъ и калмыкъ по-татарски значить: отпавшій, отдѣлившійся или ушедшій. Земли ойратовъ простирались отъ Алтая до степи Гоби и озера Балхаша. Ойратскій союзъ былъ весьма силенъ и дѣлался по временамъ опаснымъ для всѣхъ своихъ сосѣдей. Эпохою наибольшаго могущества ойратовъ нужно считать 1449 годъ, когда глава союза, князь Эсэнъ, побѣдоносно пройдя до Пекина, заключилъ здѣсь выгодный для калмыковъ миръ. Впрочемъ, болѣе полутора ста лѣтъ послѣ того калмыки ограничивали свою дѣятельность предѣлами отечества. Ко времени появленія русскихъ близъ границъ Джунгаріи ойраты начинаютъ опять принимать дѣятельное участіе въ среднеазиатскихъ дѣлахъ.

укрѣпленіями, и потому тамошніе туземцы зависѣли настолько же отъ Россіи, насколько отъ зюнгоровъ. Охваченные съ одной стороны русскимъ населеніемъ, съ другой—кочевьями калмыковъ, они платили ясакъ и чиновникамъ, посылаемымъ изъ Тобольска, и зюнгорамъ, прѣзжавшимъ отъ ойратскихъ хановъ для сбора съ нихъ податей ¹⁾. Восточнѣ Барабы русскія укрѣпленія шли отъ Томскаго городка, близъ устья Томи, вверхъ по послѣдней рѣкѣ до Кузнецкаго острога—крайняго укрѣпленнаго пункта на югѣ. Сообщение между укрѣпленіями, находившимися на рѣкѣ Томи, и Тарою, лежащею западнѣ Барабы, производилось чрезвычайно кружнымъ путемъ по Иртышу и Оби.

Сибирскіе воеводы дѣйствовали и дипломатическимъ путемъ, чтобы обезопасить южныя границы. Такъ, въ 1605 году, т. е. на другой годъ послѣ основанія Томска, тамошній воевода Писемскій предложилъ теленгутскому князю Абаку вступить въ русское подданство. Четыре года спустя, Абакъ дѣйствительно прибылъ въ Томское укрѣпленіе и принялъ присягу на вѣрноподданство. Почти въ то же время нѣкоторые калмыцкіе князья прислали въ Томскъ повѣренныхъ просить о подданствѣ и защитѣ противъ своихъ враговъ. Несмотря на то, калмыки, буруты и киргизы продолжали опустошать наши поселенія, разоряя слободы и уводя жителей въ рабство. Въ особенности сильно терпѣли жители юго-западной Сибири отъ калмыковъ-торгоутовъ, перекочевавшихъ около 1600 года, изъ нынѣшней Джунгаріи къ вершинамъ Тобола, Ишима и Эмбы и грабившихъ нынѣшніе Тарскій и Тюменскій уѣзды.

Въ 1635 году тарскій воевода вступилъ въ сношеніе

¹⁾ Каждый житель Барабинской степи обязанъ былъ платить калмыкамъ, въ годъ, аймана или ясака: по одной лисицѣ, или по одному рѣчному бобру, или по полужоуѣ юфтовой; за неизмѣненіемъ всего этого, можно было вносить, въ счетъ ясака, двадцать стрѣлъ и пять орлиныхъ крыльевъ на ихъ опушку.

и съ главою калмыцкаго ойратства, Баторомъ-Хонь-Тайцзи, который черезъ своихъ посланцевъ, сталъ сейчасъ же просить о присылкѣ въ видѣ подарковъ: непроницаемаго панцыря, винтовки, свинцу, борововъ, свиней, индѣекъ и постельныхъ собачекъ. Несмотря на то, что ему нѣсколько разъ высылались всѣ означенные предметы, Баторъ-Хонь-Тайцзи объявлялъ претензіи на владѣніе барабинскими татарами и посылалъ къ нимъ за ясакомъ ¹⁾.

Для первоначальной колонизаціи Сибири сначала дѣлались наборы въ Европейской Россіи: до такой степени неохотно шли переселенцы въ неизвѣстный край; но когда новопріобрѣтенная страна стала болѣе извѣстна, когда темные и преувеличенные слухи объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ жизнію тамъ, разсѣялись, въ Сибирь стало стекаться большое количество колонистовъ, преимущественно съ сѣверо-двинской системы и изъ городовъ: Кунгура, Перми, Чердыни, Соликамска, Яренска и проч.

Такъ какъ переселенцамъ былъ предоставленъ свободный выборъ земель для водворенія, то они охотнѣе селились южнѣе пограничной линіи, чѣмъ въ дремучихъ «тайгахъ», тянущихся къ сѣверу отъ нея. Такимъ образомъ, русскія слободы стали постепенно двигаться къ югу, въ страны, удобныя для хлѣбопашества, продолжая поддерживать сообщенія съ линіею пограничныхъ укрѣпленій, посредствомъ поселеній, остававшихся сзади. Прибывая въ Сибирь, колонисты отыскивали мѣста и брали билеты на право пользоваться ими; потомъ скли-

¹⁾ Слабая сторона ойратовъ состояла въ отсутствіи органической связи у разныхъ племенъ, составляющихъ союзъ. Баторъ-Хонь-Тайцзи сдѣлалъ весьма много для единства ойратства изданіемъ свода законовъ по дѣламъ военнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Въ 1640 году съѣздъ калмыцкихъ князей сдѣлалъ эти законы обязательными для всѣхъ ойратовъ. При жизни Батора-Хонь-Тайцзи разные калмыцкіе роды покорили Хухуноръ, Тибетъ, земли по верховьямъ Ишима, Тобола, Эмбы и пространство между Ураломъ и Волгою.

кали вольницу и селились на избранных мѣстахъ укрѣпленными слободами. Съ 1639 года, т. е. со времени первой партіи поселенцевъ, переступившей пограничный рубежъ, движеніе русскихъ людей къ югу стало непрерывнымъ, такъ что пространство между Курганомъ на Тоболѣ и Тарой на Иртышѣ, отстоящими другъ отъ друга, по прямой линіи, приблизительно, на 550 верстъ, стало наполняться городками ¹⁾. Защищать новыя поселенія было, конечно, обязательно для сибирскихъ властей, почему и государственная оборона выдвигалась впередъ, вмѣстѣ съ городками поселенцевъ.

Быстрое движеніе русскаго населенія на югъ было остановлено правительствомъ, вслѣдствіе того, что переселенцы бѣгали съ семействами изъ мѣстъ прежняго своего жительства безъ позволенія. На этомъ основаніи, указомъ отъ 24-го іюня 1683 года, предписано было пермскому, чердынскому и соликамскому воеводѣ Бярятинскому устроить въ пристойныхъ мѣстахъ заставы, для осмотра проѣзжихъ грамотъ у переселенцевъ ²⁾.

Въ такомъ положеніи были завоеванія русскихъ на югѣ Сибири, когда Петръ Великій возымѣлъ мысль проникнуть въ Малую Бухарію. Поводомъ къ такому обширному плану послужили извѣстія о золотомъ пескѣ, находимомъ въ Средней Азіи. Эти извѣстія пришли разомъ съ двухъ сторонъ. Въ 1713 году, съ восточнаго побережья Каспійскаго моря, приѣхалъ въ Москву знат-

¹⁾ Въ 1639 году изъ Тарханскаго городка вышли колонисты, заложившіе вверхъ по Тоболу Ялтуторовскъ. Съ этого времени начинается движеніе русскихъ за пограничную черту.

²⁾ Вслѣдствіи, въ числѣ переселявшихся въ Сибирь, оказалось весьма много бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Первоначально правительство затруднялось исполнять просьбы помѣщиковъ о высылкѣ ихъ; но въ 1743 году положено, что всѣ бѣглые крестьяне, водворившіеся въ Сибири до 1719 года и показанные въ сибирскихъ ревизскихъ сказкахъ по это время, остаются на мѣстахъ жительства; помѣщикамъ же они были засчитаны въ рекруты. Тѣ же изъ бѣглыхъ, которые не были записаны въ означенной ревизіи, высылались обратно къ помѣщикамъ.

ный тухменецъ хаджа Нефесъ и передалъ Петру о существованіи золотого песку на берегахъ Аму-Дарьи. Когда Нефесъ находился еще въ Москвѣ; туда прибылъ сибирскій губернаторъ, князь Гагаринъ, съ донесеніемъ, что и въ Малой Бухаріи добывается золото изъ песку рѣки Дарьи. По словамъ Гагарина, жителями города Яркенда, стоящаго на рѣкѣ Дарьѣ, золото перенимается во время полноводія, помощію попонъ, ковровъ и суконъ ¹⁾. Онъ доносилъ царю: «Городъ колмыцкій Эркетъ, подъ которымъ, на рѣкѣ Дарьѣ, промышленяють песошное золото, въ разстояніи отъ Тобольска, по сказкѣ эркетскихъ жителей, что доходятъ изъ Эркета до Тары, въ полтретья мѣсяца не скорою ѣздою, а отъ Тары до Тобольска въ пять дней. И если соизволить Ваше Величество промыслъ учинить къ тому мѣсту изъ Тобольска, то кромѣ того не можно, что поселиться городами къ тому мѣсту: того ради, что отъ Ямышева озера и до Еркети кочуютъ калмыки и будутъ противиться, какъ имъ возможно, чтобъ не допустить въ тѣхъ мѣстахъ строить городовъ, дабы онаго промыслу не терять; а по вѣдомости въ тѣхъ мѣстахъ кочуютъ калмыки съ Контайшею 30,000 человекъ ²⁾».

¹⁾ Яркендъ, самый большой изъ городовъ Малой Бухаріи или восточнаго Туркестана, стоитъ на р. Яркендъ-Дарьѣ, близъ сѣверныхъ отроговъ Куэнь-Луни. По свидѣтельству Велиханова, въ настоящее время въ Яркендѣ 32,000 домовъ. Во время Петра I Яркендъ былъ въ зависимости отъ калмыковъ. Яркендъ-Дарья, на которой онъ стоитъ, беретъ начало изъ озера Саркола и рѣки Тынзанъ, вытекающей изъ ущелий Куэнь-Луни, и впадаетъ въ большую рѣку Тарымъ или Тарымтолу, а послѣдняя, въ свою очередь, вливается въ озеро Лобъ-Норъ.

²⁾ Сынъ Батора-Хонь-Тайцзи, Галданъ, провозглашенный ханомъ по смерти отца, всю свою жизнь стремился къ подчиненію подъ власть ойратовъ остальныхъ монгольскихъ племенъ и къ расширенію внѣшнихъ границъ союза. Соединивъ всѣ калмыцкія племена, онъ обратилъ главное вниманіе на завоеваніе владѣній тѣхъ монголовъ, которые признавали власть Китая. Въ 1680 году Галданъ потребовалъ подчиненія отъ халхасъ монголовъ и, начавъ съ ними войну, завладелъ частію Халхи. Точно также овладѣлъ онъ Хухуноромъ. Далѣе, пользуясь фамильными раздорами ходжей, онъ подчинилъ своей власти Малую Бухарію. Китай, испуганный непомѣрнымъ усиленіемъ ойратства, объявилъ себя защитникомъ князей, у которыхъ были отняты Галданомъ владѣнія; послѣ того столк-

Путь къ тому мѣсту лежитъ отъ Тобольска до половины рѣки Иртыша, которая рѣка подъ Тобольскомъ, и отъ того на калмыцкое кочевье, гдѣ нынѣ кочуетъ Контайша. И первый городъ надлежитъ дѣлать на помянутой рѣкѣ у Ямышева озера и оттолѣ, усмотря гдѣ надлежитъ, дѣлать иные города. На строеніе оныхъ крѣпостей, такожь и на содержаніе ихъ, кромѣ офицеровъ и инженера, управляться можно изъ Сибирской губерніи. А для той калмыцкой противности надлежитъ быть регулярнымъ двумъ или тремъ полкамъ, и тѣ полки набрать въ Сибири, а къ тѣмъ полкамъ нѣсколько офицеровъ; да къ тому же уфимскіе башкирцы потребны и для того, что отъ Тобольска живутъ въ близости, и людство ихъ не малое и люди конные. О промыслѣ того мѣста, о дѣлѣ городовъ и о уфимскихъ башкирцахъ что Ваше Величество повелитъ».

Извѣстія, привезенныя единовременно Нефесомъ и Гагаринымъ о нахожденіи золотого песку на берегахъ Сыръ-Дарьи и Дарьи рѣки, заставили Петра предположить, что Хива и Яркендъ стоятъ на одной и той же рѣкѣ. При тогдашнихъ свѣдѣніяхъ о Средней Азій, было совершенно естественно не знать, что хотя Яркендъ-Дарья и Аму-Дарья и берутъ начало недалеко другъ около друга, но что первая течетъ на востокъ, вторая на западъ и что, наконецъ, меридіаны ихъ устій отстоятъ на 22° или, приблизительно, при средней широтѣ 42° на 2,500 верстъ. Точно также было есте-

---

новеніе между Китаемъ и калмыками стало неотразимымъ. Императоръ Канъ-хи двинулъ противъ Галдана разомъ три корпуса войскъ, которыя нанесли ему такія пораженія, что бывший глава ойратовъ, оставленный своими подданными, принялъ яду. По смерти Галдана главою ойратовъ сдѣлался Цеванъ-Раптанъ, его племянникъ. Назначая его ханомъ, китайцы имѣли въ виду, что Цеванъ-Раптанъ всю жизнь преслѣдовался дядею, отъ котораго долгое время спасался, съ нѣсколькими товарищами, въ пустыняхъ Средней Азій. Передъ смертію Галдана, Цеванъ-Раптанъ произвелъ удачное возстаніе противъ своего дяди. Русскіе называли Цеванъ-Раптана Контайшею, потому что, сдѣлавшись ханомъ, онъ принялъ титулъ: Эрджи-Шурукту-Контайша.

ственно не знать, что Яркендъ лежитъ недалеко отъ сѣверныхъ отроговъ Куэнь-Луны, отдѣленныхъ отъ южной Сибири киргизскою степью, едва проходимымъ Тянь-Шаньскимъ хребтомъ и всею шириною восточнаго Туркестана, что, въ сложности, составитъ отъ Тобольска болѣе 3,000 верстъ.

Придавъ, по тогдашнимъ экономическимъ понятіямъ, большое значеніе обладанію золотыми розсыпями, находящимися на берегахъ Дарьи-рѣки, Петръ, съ тою смѣлою шириною взгляда, которая характеризовала всѣ его предпріятія, рѣшилъ овладѣть Яркендомъ, дѣйствуя съ двухъ сторонъ: отъ восточнаго берега Каспійскаго моря и изъ южной Сибири. Страны, лежащія на пути въ Малую Бухарію, по плану царя, должны были либо быть покорены, либо заинтересованы въ пользу Россіи. Для исполненія своего намѣренія Петръ приказалъ снарядить двѣ экспедиціи: одну, предназначенную идти отъ береговъ Каспійскаго моря въ Хиву, подъ начальствомъ Преображенскаго полка поручика князя Бековича-Черкаскаго; другую изъ южной Сибири въ Малую Бухарію, подъ начальствомъ гвардіи капитана Бухгольца.

Въ инструкціи, данной царемъ Бухгольцу, ему приказывалось, пріѣхавъ въ Тобольскъ, взять войска и плыть съ ними по Иртышу до высоты Ямышева озера, гдѣ и заложить городъ. Съ весною слѣдующаго года Бухголецъ долженъ былъ идти по направленію къ Яркенду, закладывая по пути, въ удобныхъ мѣстахъ, редуты для склада провіанта и обезпеченія сообщеній. Гагаринъ въ дополнительной инструкціи предписывалъ Бухгольцу: «ежели непріятель не будетъ давать дѣлать крѣпости, то, прося отъ Бога помощи, противиться какъ можно всѣми людьми».

Про экспедицію Бековича-Черкаскаго Петръ писалъ сенату отъ 29-го 1714 года: «послать въ Хиву съ по-

здравленіемъ на ханство, а отголь ѣхать въ Бухару къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее провѣдать про городъ Иркеть»¹⁾.

Въ началѣ ноября, флотилія съ экспедиціоннымъ отрядомъ, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго, вышла изъ Астрахани въ Каспійское море. Въ рекогносцировкахъ стараго русла Аму-Дарьи и въ снятіи восточнаго берега Каспійскаго моря прошло все навигаціонное время 1715 года. Зимомъ Бековичъ-Черкасскій возвратился въ Москву, чтобы сообщить царю собранныя имъ свѣдѣнія о Хивѣ и Бухарѣ. Результатомъ этого донесенія было назначеніе новой экспедиціи, подъ начальствомъ Бековича же. Въ инструкціи, данной ему, предписывалось построить крѣпость при старомъ устьѣ рѣки Аму-Дарьи, а потомъ ѣхать къ хивинскому хану, стараясь по пути изслѣдовать высохшее русло, съ тѣмъ, чтобы, если окажется возможность, обратить Аму-Дарью на прежнее теченіе; новое же устье рѣки у Аральскаго моря перекопать плотиною.

Если хивинцы «симъ или инымъ способомъ» склонятся на сторону Россіи, то просить хана послать своихъ людей, съ двумя русскими, водою по Аму-Дарѣ, вверхъ до Яркенда.

Извѣстенъ конецъ этой несчастной экспедиціи. Князь Бековичъ-Черкасскій, исполняя приказаніе царя, дошелъ до Хивы, но тутъ, вслѣдствіе необъяснимой довѣрчивости, раздѣлилъ свой отрядъ на пять частей, чтобы удобнѣе расположить войска на широкія квартиры по окрестностямъ Хивы. Нужно замѣтить, что нѣсколько дней передъ тѣмъ русскіе имѣли кровопролитную стычку съ хивинцами при Айбугирскомъ заливѣ. Какъ только

¹⁾ Въ 1700 году хивинскій ханъ Шаниазъ просилъ о принятіи его въ подданство Россіи. Петръ объявилъ свое соизволеніе на просьбу Шаниаза. Въ 1714 году находился при русскомъ дворѣ посланецъ, пріѣхавшій изъ Хивы, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ хана Ширгазы. Бековичу поручалось поздравить его.

экспедиціонный корпусъ былъ разведенъ по частямъ, хивинцы бросились на русскихъ и частію ихъ истребили, а частію взяли въ плѣнъ. Бековичу была отрублена голова передъ ханскою ставкою.

Двумя годами ранѣе этой катастрофы, т.-е. въ іюлѣ 1715 года, Бухгольцъ отплылъ изъ Тобольска на 59 судахъ, имѣя съ собою два полка пѣхоты и 700 драгунъ. Въ Тарѣ онъ забралъ еще 1,500 конныхъ людей, долженствовавшихъ идти берегомъ, чтобы прикрывать лодки. Экспедиція прибыла къ Ямышеву озеру и въ началѣ октября начала построение крѣпости близъ устья рѣки Преснухи ¹⁾).

Калмыки не могли, конечно, смотрѣть равнодушно на построение крѣпости близъ самыхъ ихъ кочевьевъ. Тогдашній глава ойратства, Цеванъ-Раптанъ или Эрджи-Шурукту-Контайша, несмотря на кровную вражду съ умершимъ дядею и на то, что достигъ власти благодаря китайцамъ, слѣдовалъ точно программѣ Галдана, т. е. стремился къ подчиненію себѣ всей степной полосы Средней Азіи. Успокоивъ Джунгарію, потрясенную событіями, совершившимися передъ смертію Галдана, Контайша началъ удачную для него войну съ киргизскимъ ханомъ Тяфкою, а въ 1715 году неожиданно бросился на китайскій отрядъ, стоявшій въ Хами, и истребилъ его. Однако Контайша не посмѣлъ идти далѣе и, чтобы увеличить свои силы, вмѣшался въ дѣла Тибета. Полководецъ Контайши, Черенъ-Дондукъ, овладѣлъ Тибетомъ отъ имени хана; но китайцы, зорко слѣдившіе за новыми успѣхами калмыковъ, двинули противъ нихъ нѣсколько отрядовъ, которые, послѣ упорной борьбы, заставили войска Контайши отступить изъ Тибета. Послѣ того онъ еще вмѣшивался въ раздоры монгольскихъ князей, покровительствуемыхъ Китаемъ.

¹⁾ Мало-Ямышевское озеро лежитъ въ 6¹/₂ верстахъ отъ Иртыша.

Подобный энергическій человекъ долженъ былъ затруднить успѣхъ петровскаго предпріятія.

Покуда экспедиціонный отрядъ строилъ крѣпость, Контайша собиралъ войска. На масляницѣ 1716 года, 10,000 калмыковъ, предводимыхъ Черенъ-Дондукомъ, неожиданно приблизились къ Ямышевской крѣпости, захватили лошадей, состоявшихъ при отрядѣ, и ворвались въ самую крѣпость. Когда наша пѣхота и артиллерія выбили ихъ оттуда, калмыки обложили крѣпость со всѣхъ сторонъ, а Черенъ-Дондукъ прислалъ Бухгольцу письмо слѣдующаго содержанія: «Черенъ-Дондукъ г. полковнику прислалъ письмо. Напередъ сего Контайша съ великимъ государемъ жили въ совѣтѣ и торговали, и пословались. И прежде сего русскіе люди ѣзживали и города не строивали. Война-де стала, что указу государева о строеніи города нѣтъ, и городъ-де построенъ ложными словами. И прежде сего Контайша жилъ съ великимъ государемъ въ совѣтѣ и будетъ-де война будетъ; и я-де буду жить кругомъ города и людей твоихъ никуда не пушу. Зиму зимовать, и лѣто съ весны до осени со всѣмъ житьемъ буду жить здѣсь, и воеваться, и запасы твои всѣ издержатся, и будете голодны, и городъ-де возьму. И будетъ-де ты не будешь съ войною и ты-де съѣзжай съ мѣста, и какъ прежь сего жили, такъ будемъ и нынѣ жить и торговаться и станемъ жить въ совѣтѣ и въ любви, ежели съ мѣста съѣдешь. И будетъ-де ты войною будешь и ты-де противъ сего письма дай отповѣдь; а которой съ симъ письмомъ посланъ, и онъ-де будетъ доносить тебѣ на словахъ» ¹⁾).

Бухгольцъ отвѣчалъ, что его послали строить городки по Иртышу съ тою цѣлью, чтобы искать рудокопныхъ мѣстъ, но что отъ того пріязнь между двумя

¹⁾ Переводъ 1716 года, 21 февраля

государствами не должна быть нарушена; по поводу же угрозъ Черенъ-Дондука, Бухгольцъ послалъ сказать, что онъ необыкъ ихъ бояться.

Блокада продолжалась. Энергія и увѣренность блокируемыхъ стали падать послѣ того, какъ калмыки съ боя овладѣли, недалеко отъ Ямышева, шедшимъ туда караваномъ, принадлежащимъ тобольскимъ, тарскимъ и томскимъ промышленникамъ. Въ этомъ караванѣ было 20,000 р. жалованья, посланнаго Гагаринымъ экспедиціонному корпусу.

Вѣсть, посланная губернатору о положеніи отряда, не улучшила дѣла, такъ какъ въ Сибири въ то время былъ большой недостатокъ регулярныхъ войскъ. Вскорѣ русскіе стали терпѣть отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ; къ тому присоединились болѣзни, отъ которыхъ гибло множество людей. Одна изъ этихъ болѣзней была названа впослѣдствіи сибирскою язвою; отъ другой—цынги, умирало въ Ямышевѣ въ день по 20—30 человекъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, военный совѣтъ, собранный Бухгольцемъ, рѣшилъ отступить. Гарнизонъ Ямышева, уменьшившійся до 700 человекъ, срылъ или уничтожилъ всѣ постройки, сложилъ военные запасы на уцѣлѣвшіе еще досчаники и, нетревожимый калмыками, сталъ отступать внизъ по Иртышу. Остановившись у устья рѣки Оми, Бухгольцъ послалъ Гагарину донесеніе о всемъ случившемся и испрашивалъ разрѣшенія заложить здѣсь крѣпость.

Устройство крѣпости у устья Оми было дѣйствиительно необходимо. Съ умноженіемъ поселеній между Курганомъ и Тарою, переселенцы продолжали двигаться впередъ тѣмъ же порядкомъ, какъ это дѣлалось прежде. Поселенія къ югу отъ Тары подались уже настолько къ среднему Иртышу, что были слободы не далѣе сорока верстъ отъ устья Оми. Слѣдовательно, крѣпость

при этой рѣкѣ, кромѣ стратегическихъ цѣлей, могла имѣть своимъ назначеніемъ прикрытіе нашихъ южныхъ поселеній. Князь Гагаринъ согласился съ предложеніемъ Бухгольца и прислалъ ему подкрѣпленіе изъ Тобольска.

Въ томъ же 1716 году, близъ впаденія рѣки Оми въ Иртышъ, была заложена Омская крѣпость.

Вскорѣ ссора, возникшая между губернаторомъ и Бухгольцемъ, заставила послѣдняго уѣхать изъ Омска въ Тобольскъ, откуда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ; дальнѣйшее же веденіе дѣла возложено на князя Гагарина. Еще во время осады Ямышева губернаторъ вступилъ съ Контайшею въ дипломатическія сношенія. впрочемъ, довольно неудачныя, несмотря на присланную изъ Петербурга грамоту царя къ ойратскому хану. Теперь, оставшись полнымъ хозяиномъ экспедиціи, Гагаринъ повелъ дѣла весьма энергично. Начальникомъ отряда, оставшагося въ Омскѣ, Гагаринъ назначилъ подполковника Ступина, человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, а самый отрядъ усилилъ казаками. Ступину было приказано плыть къ Ямышеву озеру и опять построить крѣпость ¹⁾; при этомъ ему было предписано не затѣвать ссоръ съ калмыками, даже при нападеніяхъ съ ихъ стороны только обороняться и стараться убѣдить, что у русскихъ нѣтъ враждебныхъ намѣреній противъ ойратства и что строящіяся крѣпости предназначаются къ оборонѣ нашихъ предѣловъ отъ киргизовъ. Въ началѣ 1717 года Ступинъ прибылъ въ Ямышевъ и, не найдя здѣсь калмыковъ, заложилъ правильную крѣпость съ двумя бѣльверками, такъ что новый городокъ скоро сталъ совершенно неприступенъ для среднеазіатцевъ.

Помимо экспедиціи Ступина, Гагаринъ приказалъ боярскому сыну Калмыкову подняться вверхъ по Ир-

---

¹⁾ Еще раньше, съ тою же цѣлю, къ Ямышеву озеру былъ посланъ отрядъ подполковника Матигорова.

тышу до Норъ-Зайсана и доставить необходимыя свѣдѣнія объ озерѣ. Въ подкрѣпленіе отряда, даннаго Калмыкову, были вызваны охотники изъ числа колодниковъ, содержавшихся въ тобольской тюрьмѣ. Не тревожимый ойратами, Калмыковъ въ двѣ недѣли достигнулъ изъ Ямышева до Норъ-Зайсана, построилъ здѣсь большую лодку, осмотрѣлъ на ней озеро и возвратился.

Въ то же время губернаторъ приказалъ тарскому воеводѣ заложить крѣпостцу для обезпеченія сообщеній между Омскомъ и Ямышевымъ. Посланный съ этою цѣлью боярскій сынъ Павелъ Свѣрскій избралъ подъ укрѣпленіе мѣсто на правомъ берегу Иртыша, въ 200 верстахъ отъ Омска и 231 отъ Ямышева. Построенное въ этомъ мѣстѣ укрѣпленіе, состоявшее изъ деревяннаго тына, было названо Желѣзинскимъ.

Пока производились всѣ эти работы, губернаторъ послалъ дворянина Василия Чередова съ порученіемъ построить укрѣпленіе выше Ямышева. Въ 1718 году Чередовъ избралъ мѣсто на правомъ же берегу Иртыша и положилъ основаніе крѣпости Семипалатинской¹⁾. Для окончательнаго ея устройства былъ командированъ подполковникъ Ступинъ, который и построилъ здѣсь крѣпость на подобіе Ямышевской²⁾.

Такіе блестящіе результаты были достигнуты безъ столкновеній съ калмыками, потому что послѣдніе были

¹⁾ Семипалатинская крѣпость получила свое названіе отъ развалинъ семи каменныхъ палатъ, составлявшихъ буддистско-ламайскій монастырь. Въ одной изъ полуразрушенныхъ палатъ русскіе нашли бумажныя листы съ тангутскими или тибетскими письменами, которыми написаны всѣ священныя книги буддистовъ.

²⁾ Первоначально крѣпость была построена на весьма низкомъ берегу рѣки, который былъ окруженъ песчаными горами, поросшими сосновымъ боромъ. Послѣ замѣтили, что гарнизонъ крѣпости очень болѣетъ, потому въ 1776 году Семипалатинскъ перенесенъ вверхъ по Иртышу на 16 верстъ, на мѣсто, гдѣ находились семь палатъ. (Рукопись капитана Андреева, напечатанная С. Ковалевымъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій и рукопись географическаго общества). На мѣстѣ, выбранномъ Чередовымъ, находится теперь стѣница Старо-Семипалатинскъ.

отвлечены въ другую сторону болѣе серьезными дѣлами. Убѣдившись, что цѣль калмыковъ состоитъ въ соединеніи монгольскихъ племенъ и что эту цѣль они преслѣдуютъ весьма настойчиво, китайцы рѣшились разрушить опасный союзъ ойратовъ. Стараясь повсюду ослаблять калмыковъ, китайцы овладѣли Хамилемъ и Турфаномъ и обнаруживали намѣреніе завоевать всю Малую Бухарію. Съ другой стороны, много разъ побѣждаемые, но непокоренные враги калмыковъ, киргизы дѣлали непрерывные набѣги на ихъ земли. Гагаринъ поддерживалъ раздоры среднеазиатскихъ кочевниковъ и находился въ частыхъ сношеніяхъ съ киргизами, такъ что ханы послѣднихъ, Тяжка, Хаибъ и Абдулхаиръ, изъявляли готовность подчиниться Россіи. Съ отъѣздомъ Гагарина въ Москву, куда онъ былъ вызванъ для слѣдствія и суда надъ нимъ, тѣсныя сношенія наши съ киргизами на время прекратились.

По смѣнѣ Гагарина, Петръ назначилъ начальникомъ экспедиціи генераль-маіора Лихарева, человѣка, на котораго государь возлагалъ большія надежды. Собственно-ручнымъ указомъ на его имя, Петръ поручалъ Лихареву: всѣми силами и безпристрастно изслѣдовать незаконныя дѣйствія Гагарина, а также разыскать, какимъ образомъ контайшинцы взяли у Бухгольца Ямышевскую крѣпость ¹⁾. Главная же цѣль посылки Лихарева состояла въ томъ, чтобы узнать, по сказкамъ Гагарина и Бухгольца, о яркендскомъ золотѣ и со свѣдущими людьми ѣхать въ новозаложенные крѣпости. Оттуда Лихаревъ

---

¹⁾ Несмотря на чрезвычайныя злоупотребленія, князь Гагаринъ восемь лѣтъ оставался губернаторомъ, благодаря большимъ связямъ съ дворомъ и всею тогдашнею аристократіею. Наконецъ, узнавши истину, Петръ послалъ своего денщика объявлять по Сибири, что «Гагаринъ-де воръ и недобрый человѣкъ и губернаторомъ не будетъ». Въ 1717 году князь Гагаринъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, судимъ два года и повѣшенъ передъ сенатомъ, какъ сказано, «за его неслыханное воровство», раньше еще чѣмъ получено было слѣдствіе, произведенное Лихаревымъ.

долженъ былъ плыть въ Норъ-Зайсанъ и на берегахъ этого озера заложить, если можно, крѣпость. Здѣсь ему надлежало развѣдывать о пути къ Яркенду и искать вершинъ такихъ рѣкъ, которыя подавались бы къ Норъ-Зайсану и впадали въ Дарью рѣку или въ Аральское море.

Для единства въ управленіи, вся линія новыхъ укрѣпленій была подчинена генералу Лихареву.

8-го мая 1720 года экспедиціонный отрядъ въ 440 человекъ отплылъ изъ Тобольска на большихъ крытыхъ лодкахъ, нагруженныхъ, кромѣ того, достаточнымъ количествомъ продовольствія. Миновавъ новыя крѣпости, Лихаревъ доплылъ до озера Норъ-Зайсана, проѣхаль его во всю длину и сталъ подниматься по верхнему или Черному Иртышу.

Калмыки были тогда въ войнѣ съ китайцами и предположили, что русскіе идутъ помогать послѣднимъ. Хотя Контайша имѣлъ близъ Норъ-Зайсана до 20,000 всадниковъ, подъ начальствомъ сына своего Галдана-Черена, но опасался нападать на русскихъ до тѣхъ поръ, покуда не убѣдился, что китайскія войска еще не приближаются съ востока. Тогда онъ приказалъ не пускать русскихъ далѣе по Иртышу. 1-го августа калмыки атаковали со всѣхъ сторонъ нашъ незначительный отрядъ, въ то время, когда послѣдній, выйдя на берегъ, отправлялъ водосвятіе. Лихаревъ мужественно отбилъ нападеніе и, окруженный съ трехъ сторонъ непріателемъ, продолжалъ двигаться вверхъ по рѣкѣ. Отрядъ шель по обоимъ берегамъ, прикрывая лодки. Два дня продолжался бой. Русскіе, благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ Лихарева, почти не теряли людей; калмыки же, которыхъ громили 19 орудій, состоявшихъ при экспедиціи, несли весьма чувствительныя потери. Однако на третій день явилось неожиданное препятствіе, остановившее движеніе Лихарева. По мѣрѣ того, какъ экспе-

диція поднималась выше, рѣка мелѣла болѣе и болѣе, представляя едва одолимыя препятствія для плаванія, и лодки непрерывно становились на мели. Это обстоятельство заставило Лихарева вступить съ калмыками въ переговоры, которые онъ отвергалъ нѣсколько разъ. Заключивъ перемиріе, Лихаревъ свидѣлся съ Галданомъ-Череномъ и обмѣнялся съ нимъ подарками. Русскіе общались плыть назадъ и успокоили калмыковъ завѣщеніемъ, что они не дѣйствуютъ заодно съ китайцами, а калмыки, въ свою очередь, обязались не тревожить нашъ отрядъ во время обратнаго его движенія.

Проплывъ Норъ-Зайсанъ и часть средняго Иртыша, Лихаревъ остановился на томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ она, прорвавшись сквозь отроги Алтайскихъ горъ, принимаетъ тихое теченіе по степи. Еще слѣдуя впередъ, начальникъ экспедиціи замѣтилъ это мѣсто и полагалъ построить здѣсь крѣпость, долженствовавшую поддерживать связь между укрѣпленною линіею на Иртышѣ и предполагаемою крѣпостью на Норъ-Зайсанѣ. Теперь, убѣдившись, что на низкихъ, песчаныхъ или заросшихъ камышемъ берегахъ озера нѣтъ ни одного пункта, удобнаго для построенія крѣпости, Лихаревъ рѣшился усилить оборонительныя средства Иртыша построеніемъ укрѣпленія на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ остановленъ экспедиціонный отрядъ. Крѣпостца названа Усть-Каменогорскою потому, что она была заложена на мѣстѣ, гдѣ оканчиваются Каменные горы и гдѣ Иртышъ, вырвавшись изъ нихъ, разливается по степи.

Положивъ основаніе Усть-Каменогорску, Лихаревъ командировалъ изъ Семипалатинска подполковника Ступина для довершенія постройки, а самъ, по болѣзни, уѣхалъ въ Петербургъ.

Поискомъ Лихарева на Норъ-Зайсанъ оканчивается рядъ экспедицій для отысканія пути въ Яркендъ. Хотя цѣль, предположенная Петромъ, и не была достигнута,

тѣмъ не менѣ результаты экспедицій оказались очень полезными для Сибири. Съ учрежденіемъ укрѣпленій по Иртышу: часть нашей границы прикрывалась съ юга, и сообщеніе Западной Сибири съ городками по верхней Оби, Катуня и Бѣи, расположенными восточнѣ Барабинской степи, стало удобно и безопасно.

Впрочемъ, и послѣ того, какъ возвращеніе средняго Иртыша стало невозможнымъ для калмыковъ, они не переставали заявлять свои права на земли, занятія русскими. Контайша требовалъ не только срытія крѣпостей, построенныхъ на Иртышѣ, но доказывалъ, что и Барабинская степь принадлежитъ ойратамъ. Поддерживая слово дѣломъ, онъ продолжалъ посылать довѣренныхъ лицъ въ Барабу, которая теперь входила уже глубоко въ наши предѣлы, для сбора ясака съ тамошнихъ татаръ ¹⁾. Между тѣмъ, вѣроятно не безъ вѣдома своего главы, калмыцкія шайки переходили, извѣстными имъ путями, Алтайскія горы, собирали такъ же здѣсь ясакъ съ нашихъ подданныхъ, живущихъ по сѣвернымъ предгоріямъ, и грабили русскіе заводы. Иногда они простирали свои грабежи даже до окрестностей Кузнецка, такъ что принудили озаботиться постройкою укрѣпленій при каждомъ заводѣ. Укрѣпленія строились и содержались на счетъ владѣльцевъ заводовъ, но не представляли твердаго оплота, потому что были разбросаны безъ всякой системы и отдѣлены другъ отъ друга бездорожіемъ, а иногда и большимъ разстояніемъ. На основаніи сказаннаго, въ 1738 году, начата, по Высочайшему повелѣнію, постройка укрѣпленій, предназначенныхъ для обороны нынѣшней Томской губерніи ²⁾

¹⁾ Чтобы дать какую-нибудь охрану барабинскимъ татарамъ, въ 1722 году, по дорогѣ изъ Тары до Томска, проложенной черезъ Барабу, построены небольшія укрѣпленія: Тартасское, Каинское и Убинской-Пастъ.

²⁾ Въ этомъ году построены укрѣпленные форпосты: Бійскій въ 210 верстахъ отъ Кузнецка, на правомъ берегу рѣки Бѣи, близъ ея соединенія съ Катунью; Бѣлоярскій на Оби, въ 224 верстахъ отъ Бійскаго форпоста, и Малы-

Калмыки понимали, что если Томская губернія успѣетъ прикрыться рядомъ укрѣпленій, подобныхъ построеннымъ на Иртышѣ, то ихъ притязанія на южную Сибирь потеряютъ всякій смыслъ, и потому настоятельно заявляли свои прав. Галданъ-Черенъ, сынъ Контайши и глава ойратовъ съ 1727 года, нѣсколько разъ требовалъ срытія нѣкоторыхъ укрѣпленій; его настоянія стали особенно рѣшительными по окончаніи войны, которую онъ велъ съ Китаемъ ¹⁾. Не получая удовлетвореній, Галданъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Россією, а передовые калмыцкіе отряды, перейдя Алтай, сожгли заведенія при двухъ рудникахъ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, количество войскъ въ Сибири было увеличено и назначенъ особый начальникъ всѣхъ сибирскихъ пограничныхъ линій, генераль-маіоръ Киндерманъ. Чтобы не довести дѣло до войны, правительство уже готово было срыть Усть-Каменогорскую крѣпость и очистить предгорія Алтая, занятыя русскими заводами. Къ счастью, Галдай-Черенъ умеръ въ 1745 году. Послѣ того не могло быть и рѣчи о разрушеніи Усть-Каменогорска, тѣмъ болѣе, что Демидовъ открылъ уже заводы при впаденіи рѣки Шульбы въ Иртышъ, т. е. между Семипалатинскомъ и Усть-Каменогорскомъ.

шевскій, въ 134 верстахъ ниже Бѣлоярскаго. Бійскій форпостъ соединялся съ Кузнецкимъ острогомъ посредствомъ укрѣпленныхъ карауловъ.

¹⁾ По вступленіи на престолъ, Галданъ-Черенъ прежде всего обезопасилъ себя родственными союзами съ сосѣдними владѣтелями, потомъ уже объявилъ войну Китаю. Калмыки были такъ счастливы, что въ 1730 году совершенно истребили, при Хотонъ-Норѣ, китайскій корпусъ въ 20,000 человекъ, посланный въ Джунгарію. Послѣ того полководцы ойратовъ, Черенъ-Дондукъ старшій и Черенъ-Дондукъ младшій, вторгнулись въ Халху. Однако на другой же годъ, осенью, самъ Галданъ-Черенъ потерпѣлъ такое пораженіе отъ восточныхъ монголовъ, что долженъ былъ заключить съ китайцами миръ, на невыгодныхъ для себя условіяхъ. Окончивъ войну на востокъ, Галданъ-Черенъ рѣшился наказать киргизовъ, безпокоившихъ калмыцкія земли во время борьбы съ Китаемъ. Калмыки двинулись на западъ и истребляя все на своемъ пути, прошли всѣ киргизскія земли до Урала. Только вмѣшательство нашего правительства заставило калмыковъ отступить въ свои предѣлы. Послѣдніе годы жизни Галдана-Черена были ознаменованы внутренними смутами.

Имѣя въ виду беззащитное положеніе нашихъ границъ и изложенныя выше обстоятельства, Киндерманъ построилъ рядъ укрѣпленій отъ рѣки Шульбы на соединеніе съ бійскою линією. Эти укрѣпленія, начинаясь немного ниже Усть-Каменогорска, шли въ сѣверо-восточномъ направленіи, пересѣкая рѣки Убу, Чарышь, Ануй, и Обь, близъ сліянія Біи съ Катунью; далѣе граница направлялась по бійской линіи и караулами соединялась съ Кузнецкомъ. Часть оборонительной линіи отъ Иртыша до Оби получила названіе колыванской; линія же укрѣпленій по Біи до Кузнецка названа кузнецкою линією.

Западнѣе Иртыша наша граница тоже весьма долго не была обезпечена. Пограничный рубежъ хотя и двигался впередъ за поселеніями, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе быстрого распространенія русскихъ поселенцевъ въ странѣ между Иртышемъ и Тоболомъ, никогда не охранялъ ихъ надлежащимъ образомъ. Государственная граница начиналась у Тобола (выше кургана) и шла къ Омску глубоко-вогнутою къ сѣверу дугою. Земледѣльцы разрабатывали землю южнѣ этой линіи и чтобы обезопасить себя отъ киргизовъ, ходили на работу вооруженными партіями, которымъ начальство принуждено было придавать еще конвой.

Къ этому времени оренбургское вѣдомство устроило уже пограничную линію по рѣкѣ Уѣ. Съ другой стороны, иртышская, колыванская и кузнецкая линіи прикрывали тогда другія части Западной Сибири, такъ что рядъ укрѣпленій между Омскомъ и р. Тоболомъ менѣе всего удовлетворялъ своему назначенію. Вслѣдствіе того, правительство приказало заняться вопросомъ объ обезпеченіи сказанной части границы. Одинъ изъ плановъ, составленныхъ съ этою цѣлью геодезіи поручикомъ Шишковымъ и премьеръ-маіоромъ Сташкѣевымъ, обратилъ на себя особенное вниманіе. Составители проекта полагали

провести линію укрѣпленій отъ Омской крѣпости черезъ Ишимскую степь, по ближайшему направленію къ урочищу на рѣкѣ Тоболѣ, называемому Звѣриною Головою. На этотъ проектъ были сдѣланы весьма дѣльные замѣчанія со стороны инженеръ-подполковника Кутузова, который, между прочимъ, доказывалъ, что въ мѣстности, предполагаемой къ занятію подъ оборонительную линію, очень много соляныхъ и горькихъ озеръ и, вѣроятно, мало прѣсной воды. Въ 1746 году сенатъ возвратилъ генералу Киндерману проектъ Шишкова и поручилъ ему, совокупно съ сибирскимъ губернаторомъ Соймоновымъ, рассмотретьъ, въ какой степени вѣрны замѣчанія Кутузова. Киндерманъ одобрилъ проектъ, сдѣлавъ только въ немъ небольшія измѣненія. Въ 1752 году проектъ Шишкова утвержденъ согласно съ мнѣніемъ Киндермана, и тогда же начата постройка крѣпостей: Покровской, Николаевской, Лебяжьей, Полуденной, Петропавловской, Становой, Прѣсновской, Кабаньей, Прѣсногорьковской и Звѣринголовой. Всѣ эти крѣпости были окончены въ три года и составили такъ называемую ишимскую линію. Для содержанія на ней кордона было прислано два полка.

Новая пограничная линія выдвинулась впередъ на 50—200 верстъ отъ старой и прошла по землямъ, принадлежавшимъ прежде киргизамъ. Длина ея отъ Омска до Звѣриноголовскаго укрѣпленія составляла 579 верстъ. Къ несчастію, замѣчанія подполковника Кутузова оказались какъ нельзя болѣе справедливыми, и ишимская или, какъ ее называютъ казаки, «горькая» линія теперь страдаетъ недостаткомъ хорошей прѣсной воды.

Между тѣмъ, на границѣ нашей произошли чрезвычайно важные перевероты. Со смертію Галдана-Черена начались кровавыя распри въ ханскомъ семействѣ, которыя кончились тѣмъ что дальній родственникъ хановъ, князь Амурсана, бѣжалъ къ китайцамъ въ 1754 году и

просилъ у нихъ помощи противъ Давація, тогдашняго главы ойратовъ. Императоръ Цянть-Лунъ возвелъ Амурсану въ званіе князя первой степени и двинулъ въ Джунгарію армію для поддержанія его претензій. Китайскій полководецъ Баньди, не слѣлавъ выстрѣла, разогналъ приверженцевъ Давація. схватилъ его самого и въ клѣткѣ отправилъ въ Пекинъ, а Амурсану посадилъ на ханство. Но послѣдній не думалъ быть китайскимъ вассаломъ, а хотѣлъ полной и независимой власти. Замѣтивъ, что цѣль китайцевъ состоитъ въ разъединеніи ойратскаго союза, Амурсана выждалъ, когда Баньди, отправивъ всѣ войска въ Китай, остался только съ незначительнымъ отрядомъ, и напалъ на него. Китайцы, со своимъ полководцемъ, были истреблены до послѣдняго человѣка. Богдыханъ двинулъ опять свои войска въ Джунгарію. Послѣ двухлѣтнихъ усилій, китайцы заставили Амурсану бѣжать сначала къ киргизамъ, а потомъ въ Сибирь. Въ томъ же 1757 году онъ умеръ въ Тобольскѣ отъ оспы.

Покоренная Джунгарія была раздѣлена на четыре части, превращенныя въ китайскія провинціи; но такъ какъ калмыки произвели новое возстаніе, то три китайскія арміи получили отъ пекинскаго двора приказаніе пройти всю возставшую страну огнемъ и мечомъ. Это приказаніе было исполнено буквально въ 1758 году. Болѣе милліона калмыковъ разнаго пола и возраста было убито манжуро-китайскими солдатами и вся страна опустошена въ конецъ. Спасшіяся калмыцкія семейства бѣжали либо въ Сибирь, гдѣ большею частію перекрестились и поселились въ Семипалатинскѣ, либо къ своимъ собратіямъ волжскимъ калмыкамъ.

Послѣ истребленія большей части калмыковъ, земли, занимаемыя ими до тѣхъ поръ, опустѣли; киргизы, жившіе прежде только на части нынѣшней своей терри- торіи, съ дозволенія китайскаго правительства, ринулись

на востокъ и заняли всѣ степи отъ Урала до Чернаго Иртыша и озера Ала-Куля. Джунгарія собственно была удержана въ непосредственномъ подчиненіи китайскаго правительства и заселена манжурскими племенами сибо и солонами, переведенными сюда съ береговъ р. Амура, оставшимися въ живыхъ калмыками, нѣсколькими тысячами малобухарцевъ, переведенныхъ изъ Кашгаріи въ Джунгарію подъ именемъ таранчей, и ссыльными со всего Китая.

Сибирскій губернаторъ Мятлевъ не умѣлъ воспользо-ваться этими безпорядками, чтобы утвердиться на Норъ-Зайсанѣ и обезпечить разъ навсегда нашу границу естественными рубежами. Когда же ойратство было разрушено, китайское правительство стало во враждебныя къ намъ отношенія. Прежде всего оно просило выслать тѣло Амурсаны въ Кяхту, чтобы убѣдиться въ смерти этого «злодѣя и бунтовщика». Коллегія иностранныхъ дѣлъ предписала мѣстнымъ властямъ исполнить требованіе китайцевъ. Впослѣдствіи китайцы протестовали по поводу принятія русскими нѣкоторыхъ калмыцкихъ старшинъ, бѣжавшихъ въ наши предѣлы; съ нашей стороны тоже объявленъ былъ протестъ за вступленіе китайскаго войска къ теленгутамъ, кочевавшимъ у Телескаго озера. Ободренный необычайно счастливымъ завоеваніемъ всѣхъ калмыцкихъ владѣній, пекинскій дворъ обнаруживалъ готовность поддерживать свои требованія у Россіи оружіемъ. Наше правительство встревожилось и двинуло въ Сибирь нѣсколько конныхъ полковъ на подкрѣпленіе имѣвшихся тамъ войскъ. Въ Петербургѣ была учреждена особая специальная конференція для приведенія сибирской границы въ оборонительное состояніе, и туда посланы (въ 1759 году) инженеры съ нужными инструментами.

Послѣ устройства ишимской линіи, самая доступная часть границы была у Алтайскихъ горъ. На нее-то и

обратила конференція свое вниманіе. Мѣстное начальство признало удобнымъ охранить наши заводы проведеніемъ оборонительной линіи не отъ Усть-Каменогорска, какъ предполагалось прежде, а отъ устья рѣки Бухтармы (впадающей выше, съ правой стороны, въ Иртышъ) прямою линіею къ Телецкому озеру. Покуда офицеры производили рекогносцировки береговъ Бухтармы, а мѣстное начальство находило затрудненія въ исполненіи этого плана, императрица Екатерина II послала генераль-поручика Шпрингера начальникомъ всѣхъ сибирскихъ линій. Въ инструкціи, данной Екатериною Шпрингеру, она напомнила, что правительство всегда имѣло въ виду постепенно вводить во владѣніе Россіи земли, простирающіяся до озера Норъ-Зайсана. Шпрингеръ прибылъ въ Сибирь въ 1763 году. Все, что онъ сдѣлалъ для выполненія намѣреній правительства, состояло въ посылкѣ рекогносцировочнаго отряда на Норъ-Зайсанъ; впрочемъ, и это было предписано императрицею, требовавшею непрерывной посылки командъ въ озеро, чтобы приучить китайцевъ къ появленію русскихъ въ тѣхъ мѣстахъ. Гораздо дѣятельнѣе былъ Шпрингеръ по приведенію границъ въ оборонительное состояніе. Верхъ - иртышскія крѣпости, въ томъ числѣ и Усть-Каменогорскъ, приведены были въ лучшее состояніе и расширены. Несмотря на то, наша оборона въ южной части Томской губерніи не имѣла той необходимой непрерывности, которая только и обезпечиваетъ въ дикихъ и мало населенныхъ странахъ. Между тѣмъ всѣ офицеры, которымъ поручена была рекогносцировка береговъ Бухтармы, возвратились съ донесеніемъ, что въ пустынныхъ Алтайскихъ горахъ нѣтъ достаточнаго количества пунктовъ, удобныхъ подъ проектированныя укрѣпленія. Потому дѣло объ обезпеченіи нашихъ южныхъ предѣловъ затянулось бы, вѣроятно, на очень долго, если бы живые факты не опровергли, какъ бы-

ваетъ весьма часто, теоретическія воззрѣнія и не доказали возможности проведенія оборонительной границы по рѣкѣ Бухтармѣ.

По этой рѣкѣ давно уже поднимались наши развѣдочныя рудокопныя партіи, открывшія мѣсторожденіе серебряной руды между Бухтармою и Нарымомъ. Еще раньше, въ горы, прилегающія къ Бухтармѣ, проникли русскіе бѣглые солдаты и раскольники. Укрываясь въ недоступныхъ и дикихъ горныхъ ущельяхъ по берегамъ рѣкъ: Бухтармы, Бѣлой, Тихой и Нарыму, они поселились тутъ со своими семействами и образовали нѣсколько селеній, занимавшихся рыболовствомъ, звѣроловствомъ и хлѣбопашествомъ. Китайцы приняли ихъ подъ свое особенное покровительство, снабжали ихъ хлѣбомъ въ неурожайные годы и позволяли ловить рыбу по Иртышу и Норъ-Зайсану. Испытавъ на дѣлѣ трудность захватить бѣглыхъ, помощію высылаемыхъ для того командъ, новый пограничный начальникъ, генераль Страндманъ, рѣшилъ склонить ихъ къ раскаянію. Посланные имъ съ этою цѣлью два довѣренныя лица обошли девять селеній, составленныхъ изъ бѣглыхъ, которые изъявили согласіе возвратиться къ повиновенію, подъ условіемъ полной амністіи и оставленія на мѣстахъ жительства. Въ 1792 году имъ даровано прощеніе, и новоподдавшіяся селенія обложены ясакомъ.

Послѣ того явилась необходимость прикрыть эти селенія укрѣпленіями, почему, въ годъ подданства бѣглыхъ, въ трехъ верстахъ выше отъ впаденія рѣки Бухтармы въ Иртышъ, заложена была крѣпость Бухтарминская, а наши посты выдвинуты вверхъ по рѣкѣ Иртышу до устья рѣки Нарыма. Отсюда посты протянулись по правому берегу Нарыма до впаденія Малой Нарымки. Генераль Страндманъ расчистилъ сухопутное сообщеніе между Усть-Каменогорскомъ и Бухтармою, такъ что тамъ, гдѣ прежде едва проходили выюки, могли проѣз-

жать возы съ провіантомъ. Въ то же время укрѣпленные посты по пути отъ Усть-Каменогорска до устья рѣки Бухтармы были заселены казаками.

Китайцы опять протестовали противъ заложенія Нарымскаго пикета. Страндманъ, полагавшій, что настойчивость съ нашей стороны можетъ повести къ разрыву, приказалъ снести Нарымскій пикетъ на двѣ версты назадъ. Такая неумѣстная уступчивость сама по себѣ уже нарушала освѣщенное временемъ и даже сознаниемъ пекинскаго двора право русскихъ на бассейны всѣхъ рѣкъ, текущихъ въ Ледовитый океанъ, почему была принята китайцами какъ оффиціальное признаніе ихъ притязаній на спорные пункты. Уступка Страндмана подала поводъ къ щекотливой перепискѣ, возникшей между высшими пограничными китайскими властями и иркутскимъ губернаторомъ, генераломъ Нагелемъ. Придавая дѣлу о Нарымскомъ пикетѣ съ намѣреніемъ много торжественности, они писали ему, что наши офицеры хотѣли захватить часть китайской территоріи, но что, убѣжденные манджурскими чиновниками, сознались въ своей неправотѣ. Послѣ того всякое новое заведеніе по Нарыму, даже постройка казармъ, вмѣсто землянокъ, на занятыхъ уже мѣстахъ (какъ это было въ 1808 году), приводило въ волненіе пограничные китайскіе караулы и вызывало со стороны ихъ властей сопротивленіе, основанное на признанномъ русскими правѣ.

Бухтарминская линія, занимавшая доступное пространство отъ устья р. Бухтармы до Мало-Нарымскаго укрѣпленія, обеспечивала южные предѣлы Томской губерніи, потому что пространство между Мало-Нарымскомъ и бійскою линією занимали неприступныя Алтайскія горы.

Съ распространеніемъ укрѣпленій до р. Нарыма составились двѣ оборонительныя линіи, обѣ шедшія отъ Усть-Каменогорска: колыванская и бухтарминская; пер-

вая, оставшаяся далеко позади пограничной обороны, оказалась съ теченіемъ времени ненужною.

Такимъ образомъ къ началу XIX столѣтія оренбургская, ишимская, иртышская, бухтарминская и бійская пограничныя линіи составили неразрывный рядъ крѣпостей, редутовъ и форпостовъ, которые прикрыли Западную Сибирь съ юга и Европейскую Россію съ востока. Около того же времени всѣ разноплеменные поселенцы западно-сибирскихъ оборонительныхъ линій были переименованы въ казаки и подчинены однимъ законамъ ¹⁾.

Первымъ атаманомъ сибирскаго казачьяго войска былъ полковникъ Телятниковъ.

---

¹⁾ Съ 1716 по 1720 годъ, при учрежденіи прииртышныхъ крѣпостей, къ послѣднимъ было приписано до 800 душъ служилыхъ людей; впоследствии, въ ожиданіи войны съ Галданомъ-Череномъ, въ Сибирь двинуто пять регулярныхъ полковъ, часть которыхъ была расположена по иртышской линіи. Спустя пятнадцать лѣтъ, вслѣдствіе серьезныхъ недоразумѣній съ китайцами, къ линейнымъ казакамъ присоединены донскіе казаки и иррегулярныя части изъ башкировъ и мешеряковъ. Съ того же года началось добровольное переселеніе крестьянъ, вызванныхъ изъ разныхъ уѣздовъ Сибири. Въ 1761 году населеніе иртышской линіи усилено арестантами, занимавшимися прежде починкою и построеніемъ крѣпостей, и отставными нижними чинами изъ полковъ, расположенныхъ въ Сибири, съ отводомъ послѣднимъ по 20—30 десятинъ земли. Вскорѣ послѣ того въ составъ линейныхъ казаковъ вошла небольшая часть запорожцевъ. Въ 1775 году переименованы въ казачье сословіе ссыльные, водворенные не въ дальнемъ отъ линіи разстояніи. При императорѣ Павлѣ I къ казакамъ приписано 2,000 малолѣтковъ изъ дѣтей солдатъ, служившихъ въ Тобольской губерніи. Въ 1846 году въ составъ Сибирскаго казачьяго войска вошли крестьяне, жившіе въ деревняхъ, лежащихъ вблизи линіи, а три года спустя къ территоріи войска присоединены еще 42 слободы, съ населеніемъ въ 5,830 душъ мужского пола. Послѣдними штатами въ сибирское казачье войско дозволено поступать всѣмъ русскимъ и киргизамъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей. Вслѣдствіе приведенныхъ мѣръ, русское народонаселеніе по окраинамъ Западной Сибири и внутри киргизскихъ степей разрослось до значительной цифры. Въ 1808 году линейныхъ казаковъ считалось всего 6,200 человекъ; въ 1841 году казачье населеніе размножилось до 48,331 душъ обоюго пола; въ 1864 году, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ управленіи иррегулярныхъ войскъ, на земляхъ сибирскаго казачьяго войска жило 109,983 души, въ томъ числѣ 56,030 мужчинъ и 53,653 женщины. Изъ общаго числа населенія считалось 2,561 иногороднихъ и разночинцевъ обоюго пола; остальная же часть состояла изъ казачьяго сословія.

Такъ какъ число войска безпрерывно усиливалось новыми, приписывавшимися къ нимъ поселенцами, то скоро крѣпости, редуты, форпосты и караулы, занимаемые казаками, обратились въ богатые и обширныя слободы, потерявъ сами собою свое первоначальное чисто-военное значеніе.

Впрочемъ, окончательное проведеніе границъ не остановило движенія русскаго населенія вездѣ, гдѣ наши предѣлы не примкнули къ естественнымъ рубежамъ. На юго-востокѣ русскіе достигли долиною Иртыша до озера Норъ-Зайсана; на югѣ они переступили условно-проведенную ишимскую линію и распространились къ киргизской степи.

Хотя, согласно опредѣленной трактатами границѣ, озеро Норъ-Зайсанъ оставалось за Китаемъ, тѣмъ не менѣе, фактически, оно давно уже стало принадлежать русскимъ, а именно жителямъ береговъ Иртыша и Бухтармы.

Какъ наши первые поселенцы на югѣ Сибири шли всегда впереди государственной границы, такъ, въ послѣднее время, казаки, поднимаясь по Иртышу выше и выше, наконецъ утвердились на Норъ-Зайсанѣ и открыли здѣсь вторую войсковую рыбалку ¹⁾. Еще въ 1822 году рыбалка на Норъ-Зайсанѣ и Черномъ Иртышѣ распространилась и стала совершенно гласнымъ учрежденіемъ, безмолвно признаннымъ китайцами. Съ того времени войско стало наряжать на рыбалки находящихся въ китайскихъ предѣлахъ резервныхъ казаковъ для ловли и соленія рыбы.

---

¹⁾ Въ 1798 году было предписано исправлять дорогу отъ Усть-Каменогорска до Бухтармы на деньги, вырученныя отъ отдачи на откупъ казенной рыбалки, находившейся на Иртышѣ выше кр. Бухтармы; но такъ какъ охотниковъ на взятіе въ откупъ этой рыбалки не оказалось, то она впоследствии передана войску, съ тѣмъ, чтобы дорога отъ Усть-Каменогорска до Бухтармы постоянно исправлялась казаками.

Тарабагатайскимъ протоколомъ, подписаннымъ въ 1864 г. съ нашей стороны русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ, г. Захаровымъ, а со стороны китайцевъ илійскимъ генералъ-губернаторомъ, озеро Норъ-Зайсанъ и часть верхняго Иртыша отошли къ Россіи. Хотя вслѣдствіе серьезныхъ безпорядковъ въ западномъ Китаѣ, новая государственная граница не получила еще значеніе факта, тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе озера было естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ предъидущихъ нашихъ стремленій съ этой стороны.

Оренбургская и ишимская линіи, искусственно проведенныя либо посреди степи, такой же точно, какъ и та, которая разстилалась за границею, либо едва прикрытыя небольшими рубежами, менѣе другихъ частей границы могли остановить распространеніе русскаго населенія.

Пограничная линія Россіи съ Среднею Азіею дѣлаетъ по срединѣ изгибъ, отклоняющійся на сѣверъ почти на шесть градусовъ, такъ что наши поселенія охватили съ трехъ сторонъ киргизскій народъ, распространившійся, по паденіи ойратства, до Алтайскихъ горъ. Уже одно это обстоятельство должно было повести къ тому, что русскіе, обороняя границу отъ киргизскихъ набѣговъ—а оборонять страну отъ нападеній дикарей значитъ дѣйствовать противъ нихъ активно—должны были подчинить себѣ всѣ киргизскія орды.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было стремленіе замкнуть степь линіею укрѣпленій съ четвертой, пограничной, стороны и тѣмъ упразднить укрѣпленія, лежащія по окраинамъ Европейской Россіи и Сибири.

Въ 1864 году нашимъ войскамъ, занимавшимъ укрѣпленія, лежащія на р. Сыръ-Дарьѣ, было приказано слѣдовать на востокъ, на встрѣчу отряду, который, подъ начальствомъ полковника Черняева, выступилъ изъ укр.

Вѣрнаго и двинулся на западъ, по предгоріямъ заилійскаго Алатау. Несмотря на отчаянное сопротивленіе Коканскаго ханства, полковникъ Черняевъ пунктуально исполнилъ возложенное на него порученіе: государственная граница на югѣ была замкнута и киргизскій народъ вошелъ фактически въ составъ имперіи.

Со времени своего основанія иртышская оборонительная линія составляла часть Сибирской губерніи, занимавшей всю тогдашнюю Азіатскую Россію; но въ 1783 году она вошла въ составъ новообразованнаго Колыванскаго намѣстничества. Шестнадцать лѣтъ спустя это намѣстничество было уничтожено, и иртышская линія причислена къ Тобольской губерніи. Въ 1822 году образована Омская область, въ которую вошли всѣ станицы и крѣпости, по Иртышу расположенныя, и опять черезъ шестнадцать лѣтъ онѣ присоединены къ Тобольской губерніи.

Въ 1854 году, при открытіи Семипалатинской области, киргизы, кочующіе на правомъ берегу Иртыша, съ городами Семипалатинскомъ, Усть-Каменогорскомъ, укрѣпленіемъ Бухтарминскимъ и селеніями по Иртышу, отъ укрѣпленія Желѣзинскаго до Малоярской станицы, вошли въ составъ этой области.

II.

Образъ жизни, законы и вѣра киргизъ.

Народъ киргизскій, по образу жизни своей и занятіямъ, есть народъ пастушескій, обезпечивающій свое существованіе преимущественно скотоводствомъ, и только въ недавнее время незначительная часть киргизъ занялась земледѣліемъ: Такимъ образомъ размноженіе табуновъ составляетъ главнѣйшую заботу каждаго киргиза, а это заставляетъ его перекочевывать съ одного мѣста на другое со всѣмъ имуществомъ своимъ.

Понятно, слѣдовательно, что кочевникъ цѣнитъ свой скотъ наравнѣ съ жизнію и что деньгами и мѣрою служить ему тотъ же скотъ.

«Малъ джанъ аманмы?» Какъ состояніе скота и души? обращаетъ онъ привычное привѣтствіе знакомому и незнакомому, азіату и европейцу.

И замѣтите, скотъ поставленъ ранѣе души.

Чье-либо богатство онъ опредѣляетъ числомъ лошадей. или овецъ. «Большой человекъ, хорошій человекъ» — говоритъ кочевникъ про своего знатнаго родовича, ударяя сильно на *a* тамъ, гдѣ мы ставимъ *o*: — «имѣетъ много денегъ, тысяча лошадей будетъ».

«Почемъ покупали бязь въ нынѣшнемъ году?» спросите вы у киргиза.

«За барана давалъ зимою купецъ штука» (т. е. бязи).

Подвижное жилище киргизъ состоитъ изъ войлочнаго шатра, называемаго «кибитъ», а принадлежность къ нему—изъ нѣсколькихъ простыхъ кожаныхъ, деревянныхъ, чугунныхъ посудинъ, служащихъ для приготовления или храненія пищи и питья.

Благосостояніе этого народа главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ количества скота, по числу котораго киргизъ можно раздѣлить на богатыхъ, посредственныхъ и бѣдныхъ. Несмотря на различіе состоянія, всѣ киргизы по умственному развитію, образу жизни и количеству своихъ потребностей не отличаются другъ отъ друга, но и при такомъ равенствѣ въ жизни недостаетъ здѣсь однако же равенства общественнаго. Преимущіе несравненно тяжелѣе чувствуютъ трудность своего положенія, чѣмъ въ странахъ земледѣльческихъ; не имѣя средствъ заработать себѣ пропитаніе какимъ либо ремесломъ или работою, они находятся въ полной зависимости отъ сильныхъ, почему въ прежнія времена такіе киргизы, чтобы добыть себѣ пропитаніе, невольнымъ образомъ влеклись къ хищничеству, нынѣ же ихъ стараются приучить къ земледѣлію.

Аулы (собраніе нѣсколькихъ семействъ съ ихъ кибитками въ одномъ мѣстѣ) со своими стадами должны для отысканія свѣжихъ пастбищъ находиться въ непрерывныхъ передвиженіяхъ по всему обширному пространству степей; остаются они на одномъ мѣстѣ не долѣе одной недѣли и время этихъ остановокъ является въ жизни киргизъ наиболѣе пріятнымъ. При передвиженіяхъ даже по пустыннымъ и безводнымъ степямъ нѣсколько дней сряду киргизы никогда не отступаютъ отъ обыкновеннаго своего правила половину сутокъ употреблять для перехода, а другую на отдыхъ, хотя бы для этого пришлось оставаться все время безъ корму и воды для стадъ.

Перекочевки продолжаются весну, лѣто и осень. Для

того же, чтобы многочисленная стада могли просушествовать круглый годъ, киргизы должны прежде всего отыскать хорошую зимовку «кзеу», т. е. мѣсто, гдѣ скотъ могъ бы добывать изъ-подъ снѣга кормъ, необходимый для поддержанія его жизни въ теченіе зимы. Выборъ зимовки требуетъ большого знанія, потому что зимняя стоянка, должна заключать въ себѣ, на небольшемъ пространствѣ, мѣстности луговую и чисто степную, такъ какъ верблюды и бараны ѣдятъ сухую, пропитанную солью траву солонцовъ, а лошади и коровы предпочитаютъ чернотравіе. Затѣмъ кзеу возможно болѣе должна быть гарантирована отъ гололедицы, что достигается избраніемъ покатоостей, обращенныхъ къ господствующему зимою вѣтру, который сдуваетъ снѣгъ, и т. п. Зимовки обыкновенно сохраняются изъ рода въ родъ, какъ нѣчто наслѣдственное и драгоценное. Одна часть киргизъ имѣетъ свои зимовки въ южной части степи, между песчаными холмами, а также вдоль рѣкъ, изобилующихъ камышами и кустарникомъ, другая часть ихъ, приближаясь къ сѣверу, скрывается на зиму въ густыхъ лѣсахъ, близъ рѣкъ; а нѣкоторая часть въ юго-восточной степи укрывается въ горахъ.

Едва холодные утренники начнутъ убѣлять степь сѣдымъ инеемъ, едва первый снѣжный пухъ опустится на землю, какъ киргизы пробуждаются отъ усыпительной своей безпечности и съ унылымъ видомъ спѣшатъ на свои зимовки приготовляться къ встрѣчѣ жестокаго для нихъ зимняго времени года. Богатые разставляютъ свои кибитки въ закрытыхъ отъ бурь мѣстахъ, покрываютъ ихъ двойными войлочными покрывками, заваливаютъ при основаніи землею и пескомъ и вокругъ, отступивъ шага на три, устраиваютъ еще заборъ изъ камыша или кустарника; бѣдные же довольствуются одиночною кибиткою или землянками, покрытыми хворостомъ и пучками камыша. Для скота въ мѣстахъ, также

закрытыхъ отъ вѣтра, устраиваются загоны, въ которые онъ собирается передъ буранами, отличающимися иногда такою силою, что стада разбиваются и угоняются на ужасныя разстоянія; для молодого скота нерѣдко приспособляются крытыя помѣщенія и даже землянки, а самый нѣжный скотъ помѣщается въ кибиткахъ вмѣстѣ съ людьми. По большей же части и зимою весь скотъ находится подъ открытымъ небомъ, укрываясь отъ вѣтровъ въ лощинахъ, долинахъ, среди лѣсовъ, камыша и кустарника.

Лучшія мѣста зимовокъ находятся въ сѣверной степи, по рѣкамъ Аяту, по верховьямъ р. Тобола, въ лѣсахъ Ара-Карагай, Амамъ-Карагай, Наурузумскомъ, а также по рѣкамъ Оренбургской линіи, по Тургаю, Ори, Илеку, Эмбѣ, Уилу и по берегу Каспійскаго моря; потомъ по лѣвому берегу рѣкъ Сыръ-Дарьи и особенно по Куванъ и Яны-Дарьямъ, въ Каратаускихъ горахъ и др.

Нельзя понять, не видѣвши и хотя отчасти не испытавши, какія трудности приносить съ собою угрюмая степная зима для киргизъ! Въ войлочныхъ своихъ шатрахъ и землянкахъ, кое какъ завернувшись въ одежду, тѣсясь около куряшагося посреди помѣщенія огня, они должны проводить многіе дни въ бездѣйствіи, окруженные нагими дѣтьми, которыя зарываются въ еще не охладѣвшую золу, обыкновенно скопляемую въ нарочно вырытой посреди жилья ямѣ. При наступленіи ночи огонь обыкновенно гасится; отверстіе наверху кибитки закрывается войлокомъ и каждый членъ семьи спѣшитъ подъ войлоками и овчинами укрыться отъ холода до утра и вновь разводимаго тогда костра.

Послѣдствіемъ отсутствія всякой дѣятельности и постоянного пребыванія въ дыму бываетъ цынга и болѣзнь глазъ; цынга впрочемъ рѣдко распространяется сильно, чему вѣроятно много способствуетъ употребленіе нюхательнаго табаку, который киргизы весьма часто кладутъ и

въ ротъ; раздражительность же и краснота глазъ долго еще послѣ зимы видны почти у каждаго киргиза.

Когда густыя облака, гонимыя порывистымъ вѣтромъ и снѣжными вихрями, смѣняются по временамъ яснымъ небомъ и когда морозы дѣлаются менѣе жестокими, то киргизы спѣшатъ осматривать свои стада, перегоняютъ ихъ на другое пастбище, а также предаются охотѣ при помощи капкановъ, собакъ, коршуновъ и беркутовъ. Но часто бывающіе въ степи бураны, стремительно разсыпающіе снѣгъ во всѣ стороны и сопровождаемые сильными мятелями, заставляютъ иногда киргизъ по нѣскольку дней сидѣть безвыходно въ своихъ кибиткахъ, гдѣ иногда ихъ совершенно заноситъ снѣгомъ. Зимой 1865 года, напримѣръ, въ Оренбургскомъ укрѣпленіи и его окрестностяхъ по р. Турась буранъ продолжался 18 дней. Скотъ киргизскій въ бураны страдаетъ еще болѣе и много его погибаетъ въ такое время. «Горестно проводимъ мы время зимы, говорятъ киргизы; разошедшіеся по степи табуны наши въ это время смущаютъ болѣе всего нашу жизнь,—бодрые прежде кони, опустивъ голову, смиренно ищутъ подснѣжной пищи, работая копытомъ; рѣзвыя овцы, собравшись въ тѣсныхъ кучахъ и склонивъ головы свои другъ къ другу, со страхомъ внимаютъ шуму вихрей, а тихіе верблюды лежатъ неподвижно, занесенные снѣгомъ. Если случится въ это время кому-нибудь отправиться въ ближайшее русское поселеніе, то вынуждается къ тому только крайнею нуждою. Словомъ, во всѣ эти дни, сидя въ кругу семейства въ безмолвной задумчивости, слушаемъ мы заунывный свистъ вѣтра; переменчивый гулъ его отдается въ глубинѣ камышей и распространяетъ грусть въ сердцахъ нашихъ! Пища наша зимою не есть та свѣжая и питательная, которую мы получаемъ лѣтомъ отъ стадъ нашихъ; заблаговременно запаасаемая нами на всю зиму она скудна».

Несмотря на то, киргизскій народъ съ удивительнымъ терпѣніемъ переноситъ жестокость зимы; не говоря уже о взрослыхъ, дѣти, въ лѣтней одеждѣ, а нерѣдко и совсѣмъ нагія, играютъ довольно долго въ снѣгу; когда же случится прохожему завернуть въ аулы и вызвать хозяина изъ кибитки, то со всѣхъ сторонъ выбѣгаютъ полунагія дѣти и, несмотря на стужу, выжидаютъ окончанія переговоровъ.

Благоденствіе киргизъ начинается съ оживленіемъ природы, и навѣрное нигдѣ наступленіе весны не встрѣчается съ такою жадностью, какъ въ степяхъ киргизскихъ! Едва съ первымъ дыханіемъ весны растаютъ глубокіе снѣга и кое-гдѣ покажется зелень, какъ все выходитъ изъ мрачныхъ зимнихъ жилищъ своихъ подъ открытое небо и наслаждается оживленіемъ природы. Уныніе исчезаетъ, во всѣхъ кочевьяхъ начинается замѣтное движеніе, все направляется въ разныя части степи; рѣзвость и живость снова появляются и въ короткое время истощавшій зимою скотъ дѣлается тучнымъ, а долговременный голодъ людей вознаграждается обильною и вкусною пищею—густымъ молокомъ, крѣпкимъ кумысомъ, жареными барашками и молодыми лошадьми. Киргизы скоро забываютъ зимнія невзгоды. По мѣрѣ оживленія природы, перекочевки становятся все веселѣе и веселѣе; и онѣ повсюду сопровождаются громкими пѣснями, веселымъ крикомъ и топотомъ ожившихъ киргизскихъ стадъ.

Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, киргизъ къ зимѣ ворочается другими путями назадъ, къ своей зимовкѣ. Понятно, что величина кривой, описываемой въ кочевкахъ киргизомъ, зависитъ отъ изобилія подножнаго корма на лѣтовкахъ и отъ многочисленности его стадъ. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ кочевокъ, достаточно упомянуть, что богатые киргизы, кочующіе на р. Сырь-Дарьѣ, доходятъ къ серединѣ

лѣта до Троицка, т. е. въ теченіе года ихъ стада дѣлаютъ болѣе 2,000 верстъ. Чѣмъ бѣднѣе киргизъ, тѣмъ круги, описываемые его стадами во время лѣтнихъ, будутъ менѣе; тѣ же киргизы, которыхъ имущество состоитъ изъ нѣсколькихъ головъ скота, такъ называемые «джетаки», неимущіе, остаются круглый годъ на мѣстѣ.

Лѣтомъ киргизы въ сильныя жары скрываются отъ палящаго зноя и множества разныхъ насѣкомыхъ въ тѣни своихъ кибитокъ и высыпаются, но взамѣнъ того прохладные вечера и почти всѣ лунныя ночи проводятъ въ домашнихъ увеселеніяхъ или дружескихъ бесѣдахъ, слушая по временамъ заунывный гулъ любимаго ихъ инструмента, «джебъезги», сопровождаемый нерѣдко довольно искуснымъ пѣніемъ.

Когда же время подходитъ къ осени, то является новый рядъ удовольствій для киргизъ. Скотъ въ это время вполнѣ откормленъ, жаръ уже не такъ мучителенъ, а потому это время признается наилучшимъ для всякихъ общественныхъ празднествъ и забавъ и, преимущественно, для поминовенія умершихъ родственниковъ. Начинаются охоты, скачки, борьба, стрѣльба въ цѣль и т. п., которыя съ нѣкоторою постепенностію продолжаются до конца октября, а въ южной степи и до конца ноября мѣсяца.

Глубокая осень производитъ невѣроятный переворотъ въ духѣ киргизскаго народа, согласующагося почти всегда съ дѣйствіями окружающей природы. Веселіе замолкаетъ и начинаетъ показываться повсюду между киргизами какое-то мрачное уныніе, всѣ отъ мала до велика спѣшатъ заготовлять припасы на зиму—сушатъ на солнцѣ соленую баранину, коптятъ конину, готовятъ войлоки для кибитокъ и овчины для одежды. Разсѣянные до того по степи аулы начинаютъ сосредотчиваться, дабы соединенными силами противостоять

страшному врагу своему—зимнему времени. Темныя ночи посвящаются, вмѣсто прежнихъ увеселеній, хищничеству и въ это-то время, когда у каждаго киргиза развивается какая-то злоба въ сердцѣ на весь свѣтъ, обыкновенно производились и главные ихъ баранты и разбои.

Таковъ главный видъ теченія жизни киргизскаго народа изъ года въ годъ; русскому невозможно при-выкнуть къ ней, но и киргизы, гнушаясь всего, что составляетъ принужденіе и единообразность, то же самое думаютъ и въ отношеніи жизни русскихъ.

Киргизы, подъ вліяніемъ окружающей природы и образа жизни, бываютъ вообще угрюмы, какъ окружающая ихъ степь, безпечны и склонны къ праздности; всегдашнее пребываніе среди пустынной и одинокой природы наложило на киргизъ печать меланхолии и привычку къ уединенію; случается, что иной киргизъ погружается, сидя въ безмолвной степи, въ такую глубокую задумчивость, что не видитъ и не слышитъ ничего, вкругъ него происходящаго.

Врава, говоря вообще, киргизы непостояннаго; къ дружбѣ склонны, но для личной выгоды скоро ей измѣняютъ; къ услугамъ признательны; къ благодареніямъ благодарны—память благодѣвателя сохраняется долго въ потомствѣ; въ гнѣвѣ нетерпѣливы и мстительны; весьма любопытны и слѣпо всему довѣряются, особенно когда задѣтъ ихъ чувство и воображеніе. Особенною храбростью киргизы не одарены, но въ высшей степени терпѣливы въ перенесеніи трудовъ и страданій. Они неутомимы на сѣдлѣ и могутъ, безъ видимыхъ признаковъ усталости, скакать двѣнадцать и болѣе часовъ на перемѣнныхъ лошадяхъ. Физическія страданія они переносятъ съ непонятнымъ, дикимъ стоицизмомъ, и на ихъ бронзовыхъ, огрубѣлыхъ лицахъ, едва разберешь впечатлѣнія отъ 30 градусовъ мороза, или 30 градусовъ жары. Голодъ и жажда ихъ безпо-

коятъ мало и при недостаткѣ они довольствуются небольшимъ кускомъ крута (овечій сыръ), разведеннаго въ водѣ, но когда представится случай поѣсть вволю, тогда они алчны и чрезвычайно много съѣдаютъ. Къ несчастіямъ своего народа киргизы довольно сострадательны; но бѣднымъ помогаютъ мало и неохотно; въ ожесточеніи вообще всѣ неукротимы, сильно привязаны къ наружному блеску и сластолюбивы, передъ сильнѣйшими низки и раболѣпны, а передъ слабыми горды и неумолимы. Въ дѣлахъ народныхъ честолюбивы; причѣмъ стараются наиболѣе отличиться для того, чтобы оставить по себѣ добрую память; обѣщаній своихъ не исполняютъ, но въ торговыхъ договорахъ и сдѣлкахъ, за рѣдкими исключеніями, весьма постоянны.

Киргизы вообще не обижены здравымъ смысломъ и всѣ ихъ разсужденія, если взять прямую сущность оныхъ, довольно здравы, но необыкновенная страсть къ пустословію, соединенная съ полнымъ отсутствіемъ образованія, дѣлаетъ ихъ вообще неспособными къ толковому изложенію своихъ мыслей, такъ что необходимъ большой навыкъ, чтобы уразумѣть сущность мыслей и желаній любого киргиза.

Прежде существовавшее почти дѣтское почтеніе къ старикамъ давно утратило у киргизъ свою силу, а именно съ того времени, когда они потеряли довѣренность къ старшимъ, управляющимъ ихъ родами не по избранію народному; самая любовь и привязанность къ родителямъ нынѣ основывается лишь болѣе на расчетѣ. Кровный союзъ у киргизъ считался прежде неразрывнымъ; ни дальнее родство, ни раздробленность поколѣній, ни внутреннія несогласія, ничто не уничтожало воспоминанія объ общемъ родовомъ происхожденіи; въ настоящее же время эта связь замѣтно ослабѣваетъ. Въ дѣлахъ общественныхъ, для отпора непріятельскому нападению или для набѣга, всѣ аулы прежде стремились

принять участіе сообща, всѣми силами своего рода, и потому между всѣми родами киргизъ въ степи поддерживалось какъ бы политическое равновѣсіе; но нынѣ этого не существуетъ; такая связь рѣдко бываетъ постоянна, даже случается, что дѣти, увидавъ на противной сторонѣ личныя выгоды, не дорожатъ родительскимъ благосостояніемъ.

Такимъ образомъ, у киргизъ, какъ и всюду, всѣ общественныя связи основаны на личной выгодѣ и общей безопасности. Такъ, первоначально соединялось нѣсколько семействъ и образовало аулы или улусы, руководимые старѣйшими и почтеннѣйшими изъ среды своей; нѣсколько улусовъ, близкихъ родствомъ, соединялись вмѣстѣ, образуя удѣль (тюбя) подъ управленіемъ особаго избраннаго старшины или бея; нѣсколько удѣловъ составляли отдѣленія (аймако), которыя избирали своихъ начальниковъ; наконецъ отдѣленія соединялись въ роды (руу). Такія отдѣленія и роды у киргизъ весьма многочисленны и имѣютъ особенныя названія, происходящія иногда отъ урочищъ, гдѣ постоянно эти части орды зимуютъ, но чаще называются по имени родоначальниковъ и другихъ лицъ, заслужившихъ въ своемъ родѣ общую извѣстность и знаменитость.

Часто роды и отдѣленія вступали въ добровольный союзъ подъ управленіемъ хановъ или, какъ нынѣ подъ властію русскихъ, подъ управленіемъ дистаночныхъ начальниковъ и султановъ-правителей. Такое смѣшеніе родовъ орды имѣетъ свою пользу, какъ ведущее къ забвенію родового раздѣленія и враждебныхъ отношеній и ненависти между нѣкоторыми киргизскими родами, что въ степи всегда являлось причиною несогласій и междоусобій.

Киргизскій народъ раздѣляется на два класса — на происходящихъ отъ «акъ-суякъ» или «тюрь-суякъ» (отъ бѣлой, т.-е. знатной кости) и происходящихъ отъ

«кара-суюкъ» (отъ черной или красной кости). Изъ числа принадлежащихъ къ бѣлой кости (потомки хановъ, султанвъ, ходжей и тархановъ¹⁾) избирались обыкновенно родоправители; они же въ прежнія времена были богатѣйшими въ ордѣ людьми и пользовались особыми правами; однако въ настоящее время усилилось значеніе и происходящихъ отъ черной кости—они часто приобрѣтаютъ себѣ титулы биевъ и батырей²⁾, входятъ въ родство съ султанами и начальствуютъ многими аулами.

Богатство, число подвластнаго народа и перевѣсъ въ дѣлахъ народныхъ нерѣдко зависитъ у киргизъ отъ многочисленности семей или улусовъ, такъ какъ киргизы бѣдные и съ малыми семьями вступаютъ обыкновенно въ аулы подъ покровительство богатаго старѣйшины и для снисканія себѣ въ степи безопасности отъ обидъ, вынуждены бываютъ угождать во всемъ своимъ покровителямъ, перенося иногда ихъ насиліе. Если отягощеніе патрона превзойдетъ всякую мѣру, тогда бѣдняки принимаютъ сторону противниковъ и, въ отмщеніе претерпѣннаго угнетенія, прежде нерѣдко нападали на стада бывшихъ своихъ начальниковъ, что и составляло «баранту» или угонъ скота; однако къ барантѣ, какъ увидимъ ниже, бываютъ и другія побудительныя причины.

Весь киргизскій народъ дѣлится на три большія части или орды,—Большую, Среднюю и Малую. Только часть Большой орды кочуетъ въ предѣлахъ Китая, да нѣсколько родовъ прочихъ орды кочуютъ въ сосѣд-

¹⁾ Тарханами жаловало киргизъ русское правительство и званіе это считается у нихъ потомственнымъ.

²⁾ Достоинство биевъ и батырей приобрѣтается по большей части случайно; чаще всего оно сначала дается, какъ бы шутя, говорунамъ и удалцамъ, но мало-по-малу они съ этимъ названіемъ успѣваютъ присваивать себѣ нѣкоторое вліяніе и власть.

нихъ киргизскимъ степямъ ханствахъ; всѣ же остальные киргизы находятся въ подданствѣ русскомъ.

Впрочемъ, о подданствѣ значительное число киргизъ имѣетъ и до сихъ поръ весьма шаткія понятія; они признаютъ себя подданными повсюду, гдѣ видятъ въ томъ нужду, опасность или принужденіе; очень часто приближаясь къ русскимъ предѣламъ, они называютъ себя русскими подданными, а, кочуя близъ границы Кокана, Бухары и Хивы, признаютъ себя подданными этихъ ханствъ; среди же степей, въ увѣренности своей безопасности, киргизы считаютъ себя независимыми и готовы отважиться на все. Подобныя обстоятельства подали поводъ къ тому, что всѣ сосѣднія киргизской степи правительства, когда удастся поймать имъ виновнаго въ своеволіи киргиза, судятъ его по своимъ законамъ, не сносясь съ сосѣдними странами.

Вообще во всѣхъ ордахъ по внутреннимъ дѣламъ своимъ киргизы управляются въ сущности по собственнымъ своимъ законамъ или обычаямъ. Законы эти считаются собранными и утвержденными между ними ханомъ Тявкою; въ настоящее время они утратили единство и силу и представляютъ лишь слабую тѣнь закона, а потому безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что прямые законы киргизскаго народа суть ихъ собственные чувства и побужденія.

Народные судьи киргизскіе называются біями ¹⁾; приговоры же ихъ имѣютъ тѣмъ болѣе преимущества, чѣмъ сильнѣе подвластная имъ партія, а такъ какъ истолкованіе обычая и приговоръ зависятъ отъ того же бія, то при такомъ положеніи дѣлъ немудрено, что и укореняется въ степи право сильнаго. Когда обиженный представлялъ просьбу своему бію, туда же влекли и отвѣт-

---

¹⁾ Подробнѣе объ управленіи и судѣ киргизъ будетъ изложено въ третьей главѣ этой статьи. Ред.

чика; судья, разбирая дѣло на словахъ, оканчивалъ все очень скоро, но подобныя рѣшенія часто основывались на предразсудкахъ и оставались безапелляціонными. Если отвѣтчикъ не одного рода съ обиженнымъ, то бій, выслушавъ просьбу и признавъ ее справедливою, посылалъ истца съ дѣтьми къ старѣйшинѣ того рода требовать удовлетворенія, и, въ случаѣ неисполненія такого требованія, разрѣшалъ взять слѣдующее силою — барантовать, причемъ судья и истецъ отнятое дѣлятъ пополамъ. Когда почему-либо невозможно отнять слѣдующій искъ явнымъ образомъ, то производится хищничество, нападаютъ тайно на табуны, а если и это не удастся, то подстерегаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ проѣзда обвиняемаго, захватываютъ его, обираютъ совершенно и отпускаютъ почти нагого. Такого рода хищничество нерѣдко бывало основано на личныхъ и несправедливыхъ претензіяхъ, а потому давало право на отмщеніе тѣмъ же; переходя изъ рода въ родъ, такое положеніе дѣлалъ развилу между киргизами повсемѣстное сутяжничество и разбой въ отмщеніе за обиды дѣдовъ и прадѣдовъ.

Въ началѣ такія баранты совершались съ воли родоначальниковъ подъ управленіемъ почетныхъ людей и производились только въ случаѣ значительныхъ претензій, какъ напримѣръ за воровство ста и болѣе лошадей и т. п.; въ послѣдствіи же одинъ баранъ, обидное слово и т. п.,—все служило поводомъ къ производству хищничества.

Послѣ этого будетъ понятно, если скажемъ, что воровство скота въ степи перестало, наконецъ, считаться порокомъ; напротивъ, человѣкъ преуспѣвавшій въ такомъ искусствѣ, въ былыя времена нерѣдко пользовался почетомъ и пріобрѣталъ титулъ «батыря» (наѣздника и богатыря). Бѣдные люди старались сблизиться съ такимъ батыремъ и составляли особенныя общества грабителей, которыя соединялись вмѣстѣ и подъ предлогомъ ба-

ранты они угоняли скоть у всѣхъ богатыхъ киргизъ, а нерѣдко производили набѣги на сосѣднія земли и на купеческіе караваны подъ предлогомъ взиманія пошлинъ за пропускъ черезъ свои кочевья.

Такимъ образомъ въ степи начало развиваться хищничество во всѣхъ его видахъ и дошло до того, что грабежи начались уже безъ всякихъ поводовъ и такая добыча служила для многихъ киргизовъ долгое время единственнымъ способомъ существованія. Не только табуны, но и киргизы сами, во время проѣзда степью, не избѣгали опасности отъ подобныхъ хищниковъ, даже старшины и бии, встрѣтаясь нечаянно съ такою шайкою, лишались всего имущества и нагіе принуждены были тащиться до ближайшаго аула; словомъ, ни одинъ степной житель не могъ быть спокоенъ и почти невольнымъ образомъ вовлекался въ баранту и хищничество. Само собою разумѣется, что киргизы начали тяготиться такимъ ужаснымъ положеніемъ дѣлъ, и вотъ причина, почему они постоянно и долго обращались во всѣ стороны, отдаваясь то однимъ, то другимъ сосѣдямъ въ подданство, лишь бы избавиться отъ страшнаго произвола и насилія, укоренившагося въ степяхъ. Отсюда также ясно, почему покровительство русскихъ было предпочтено ими подданству сосѣднимъ ханствамъ, куда переходятъ только недовольные; русскіе прямо начали съ преслѣдованія баранты и нынѣ она, если и проявляется изрѣдка, то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ.

При барантахъ вообще избѣгалось у киргизъ смертоубійство; но если убійства случались, то месть за то изъ рода въ родъ считалась необходимою. Нѣкоторые изъ правителей народныхъ съ давняго времени старались это искоренить и нынѣ подобныя дѣла оканчиваются миролюбиво, по взаимному договору тяжущихся, уплатою цѣны крови или пени, что называется «кунъ».

Военное ремесло издавна признавалось киргизами самымъ благороднымъ занятіемъ; почти каждый сколько-нибудь достаточный киргизъ непременно имѣлъ оружіе и въ прежнее время, по первому призыву родоначальника, каждый изъ нихъ являлся въ ополченіе. Испытанная храбрость и предприимчивость давали право быть предводителемъ, которыхъ избиралъ общій голосъ народа. На случай войны каждый киргизскій родъ имѣлъ особеннаго цвѣта знамя или кусокъ бумажной цвѣтной матеріи, навязываемый на длинную пику; въ отдѣленіяхъ или аймакахъ и тюбяхъ были также свои значки, соотвѣтствовавшіе цвѣтамъ родового знамени. Во время битвы такіе значки служили для управленія сражающимися; толпы всегда слѣдовали около своихъ знаменъ и значковъ—гдѣ они виднѣлись, тамъ болѣе тѣснились воины, производя жестокую сѣчу; какъ скоро воинство теряло значки изъ вида, то разсѣивалось въ беспорядкѣ, считая себя побѣжденнымъ.

Сборы къ войнѣ начинались съ того, что старѣйшина или султанъ, управлявшій родомъ, выставлялъ у своей кибитки знамя; тотчасъ весь родъ его спѣшилъ вооружиться и гонцы летѣли изъ аула въ аулъ, призывая на брань; всюду раздавались клики наступающей войны; повсюду въ союзныхъ аймакахъ поднимались также значки, призывающіе къ ополченію, которое и собиралось къ общему знамени. Ссединившись въ одно мѣсто, воины раздѣлялись на партіи, изъ которыхъ каждая составляла свой кругъ и выбирала себѣ въ начальники отважнѣйшаго; эти послѣдніе изъ среды своей избирали двухъ предводителей, извѣстныхъ опытностью и мужествомъ. Одинъ изъ предводителей представлялъ голову воинства или, вѣрнѣе, былъ предсѣдателемъ и правителемъ совѣта, безъ котораго никакое предпріятіе не производилось, а другому поручалось храненіе родового знамени. Если въ военномъ предпріятіи участвовало

нѣсколько родовъ, то избиралось четыре верховныхъ полководца, изъ коихъ двое хранили главное знамя собравшейся на войну орды, а остальные управляли совѣтомъ. Чтобъ разнообразіе и безпорядокъ строя не могли подать повода къ смѣшенію въ битвѣ, киргизскіе роды имѣли свои военные клики, по которымъ разсѣянные воины собирались и каждый узнавалъ свою толпу; эти слова или клики были названіемъ какого либо мѣста или же относились къ чести какого-либо главнаго рода; такъ, киргизы дюртъ — киргизскаго рода кричали въ битвѣ «аяры-тау», чиклинцы — «бактубай», чумекивцы — «дюнтъ», а туркестанцы еще въ 1864 году кричали «аблай».

Вслѣдствіе всеобщаго раздора, развившагося между киргизскими родами, они нынѣ не могутъ собраться на войну единомышленно; обстоятельства, касающіяся одного рода или отдѣленія, не возбуждаютъ въ другихъ сочувствія и охоты участвовать въ борьбѣ за чужіе интересы, несмотря на то, что законъ строжайше требуетъ отъ cadaго этой жертвы, при помощи которой въ прежнее время только и поддерживалось равновѣсіе между родами и кое какой порядокъ и спокойствіе въ степи. Въ настоящее время киргизскій народъ можетъ выставить безъ обремененія до 200 тысячъ коннаго ополченія, но если бы вся киргизская орда вздумала взяться за оружіе, то легко могла бы выставить до 500 тысячъ выносливыхъ и здоровыхъ воиновъ.

Оружіе киргизъ состоитъ изъ весьма длинныхъ пикъ, которыми они очень искусно дѣйствуютъ, и потомъ изъ шашекъ; немногіе изъ нихъ имѣютъ фитильныя ружья, а въ древнія времена употребляли лукъ и стрѣлы, которыми дѣйствовали превосходно. Прежде употреблялись у нихъ также панцири изъ желѣзной сѣтки, которою нерѣдко покрывали и лошадей; голову же старались предохранить отъ сабельныхъ ударовъ конусообразными металлическими шишаками.

Трудность добыванія пороху и свинцу, совмѣстно съ плохими фитильными ружьями, дѣлаетъ для киргизъ затруднительнымъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія; иногда, за неимѣніемъ свинцовыхъ пуль, употребляются кремневые голыши, куски чугуна и даже глиняныя пули. Порохъ бываетъ большей частью не зернистый, а въ видѣ мякоти; его составныя части входятъ безъ соблюденія должной пропорціи и дурно перемѣшаны между собою. Частью киргизы порохъ дѣлаютъ сами, покупая сѣру и находя селитру, хотя весьма не чистую, въ соляныхъ степныхъ озерахъ, но чаще всего припасы эти и самый порохъ покупаютъ въ сосѣднихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ.

Киргизы съ юныхъ лѣтъ пріучаются управлять лошадыю; едва мальчикъ укрѣпится, какъ ему дается полная свобода укрощать дикихъ степныхъ коней, а постоянное кочеваніе, забава и охота еще болѣе утврждають ихъ въ наѣздничествѣ и проворствѣ. Привычка ѣздить верхомъ укореняется до того, что киргизу неудобно ходить и онъ даже на самое короткое разстояніе не рѣшится сходить пѣшкомъ, если есть возможность отправиться туда верхомъ.

Военное искусство не достигло здѣсь до степени строя и однообразнаго употребленія оружія, а походить болѣе на одиночное удалство, состоящее въ скачкѣ верхомъ (джигитовкѣ), при чемъ каждый воинъ дѣйствуетъ въ бою самъ по себѣ. Величайшее несчастіе для киргизскаго воина лишиться лошади; у спѣшеннаго киргиза храбрость и всѣ воинскія добродѣтели исчезаютъ и онъ дѣлается величайшимъ трусомъ.

Для быстрой передачи свѣдѣній у киргизъ существуютъ разные сигналы или маяки. Для дальняго похода киргизы берутъ двухъ и болѣе лошадей; изъ этихъ лошадей лучшая припасается къ дню боя, а на остальныхъ, попеременно, совершается походъ и везется

умѣренный запасъ продовольствія и фуража. Нечаянныя нападенія и грабежи составляютъ главнѣйшій образъ и цѣль веденія войны киргизами. При невозможности уклониться отъ битвы, чего они стараются достигнуть всѣми силами, киргизы прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ, дабы развлечь вниманіе непріятели; иногда устраиваютъ засаду и, сдѣлавъ ложное нападеніе, увлекаютъ противника въ желаемомъ направленіи, а иногда, раздѣлившись на партіи, бросаются со всѣхъ сторонъ съ крикомъ и шумомъ, стараясь внушить врагу мысль о своей многочисленности и тѣмъ привести его въ робость и обратить въ бѣгство. Столкнувшись съ непріятеlemъ, воины вступаютъ въ рукопашный бой безъ всякаго порядка, производятъ страшный крикъ; первый ударъ киргизъ бываетъ необыкновенно силенъ, производится со всѣмъ мужествомъ и энергіею, на какую они только способны; но энтузіазмъ скоро охладѣваетъ отъ первой же неудачи; новые наѣзды ихъ становятся слабѣе и слабѣе, и за тѣмъ они сами разсѣиваются во всѣ стороны.

Какъ ни велика страсть у киргизъ къ набѣгамъ и грабежу, однако же недостатокъ природной храбрости много ихъ умѣряетъ, такъ что вообще ихъ должно считать болѣе способными къ быстрымъ наѣздамъ и къ преслѣдованію разбитаго непріятели, нежели къ какимъ либо другимъ военнымъ предпріятіямъ. И, дѣйствительно, въ наѣздахъ своихъ они были весьма искусны и страшны сосѣднимъ странамъ.

Первоначально киргизы были идолопоклонниками; это продолжалось, сколько извѣстно, до IX столѣтія, когда нѣкоторые усердные послѣдователи Магомета начали впервые разсѣивать въ киргизскихъ степяхъ правила новаго ученія и къ исходу XI вѣка, во времена возвышенія Золотой Орды, всѣ почти обитатели западной части степи сдѣлались мусульманами; обитатели же

восточной части степи долгое время и послѣ того еще оставались вѣрными поклонниками «бурхановъ». Совершенно же утвердили въ магометанствѣ киргизъ поселившіеся среди нихъ толпы магометанъ изъ сосѣднихъ среднеазіатскихъ ханствъ, Хивы, Бухары и Кокана, постоянно стремящихся поддерживать среди киргизъ всѣми способами магометанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственное вліяніе въ видахъ торговыхъ и политическихъ. Киргизы слѣдуютъ ученію сунитскаго толка; они собственно избрали изъ этого ученія только тѣ мѣста, которыя соотвѣтствовали ихъ закоренѣлымъ понятіямъ или понравились имъ и по большей части смѣшали ихъ съ своими старыми обрядами, такъ что среди киргизъ вѣра магометанская не производитъ того энтузіазма, какой замѣчается въ другихъ народахъ, исповѣдующихъ ту же религію.

Магометанство со временемъ легко могло бы и совершенно уничтожиться среди киргизъ, если бы муллы подъ видомъ снисканія святости, но конечно болѣе изъ корысти, не проникали въ степь изъ Бухары, главнаго средоточія и источника мусульманства въ Средней Азіи, а также и изъ другихъ сосѣднихъ степей ханствъ, находящихся въ этомъ отношеніи издавна подъ вліяніемъ Бухары. Эти-то муллы усердно поддерживали между киргизами мусульманство увѣщаніями, ученіемъ молитвъ, растолкованіемъ стиховъ, разными обманами и даже принаравливаніемъ своего ученія къ природнымъ склонностямъ и обычаямъ киргиза.

Русское правительство давно создало весь вредъ подобнаго вліянія муллъ и дѣлало неоднократно распоряженія объ искорененіи такого зла; но, къ сожалѣнію, подобныя распоряженія, при невѣжествѣ и равнодушіи чиновниковъ, ближайшимъ образомъ поставленныхъ въ соотношенія съ киргизами, современнымъ забывались. Преимущественно мусульманство сильно утвердилось на бе-

регахъ р. Сыръ-Дарьи, гдѣ сношенія съ сосѣдними ханствами чаще и удобнѣе; поэтому тамошніе киргизы гораздо фанатичнѣе, строптивѣе и менѣе расположены къ русскимъ.

Главные догматы сложившейся такимъ образомъ киргизской вѣры состоятъ въ слѣдующемъ: 1) *Омовеніе*—его производятъ весьма рѣдко, причемъ вмѣсто воды обтираются пескомъ или пылью и даже сухими руками, показывая только видъ омовенія, съ приличнымъ дѣлу благоговѣніемъ поглаживая голову, лицо и бороду. 2) *Молитва*—очень немногіе киргизы исполняютъ эту строгую обязанность магометанства; нѣкоторые, оставивъ въ сторонѣ предписанныя закономъ правила, ограничиваются однимъ колѣнопреклоненіемъ или земнымъ поклономъ, а другіе молятся по одному разу въ сутки, вмѣсто пяти, какъ бы слѣдовало по закону. Холостые и молодые люди вообще никогда не молятся и только весьма незначительная часть киргизъ погружена въ ханжество и то болѣе притворно, не по знанію закона и усердія, а изъ одного корыстнаго побужденія привлечь къ себѣ вниманіе и заслужить довѣріе; такіе киргизы стоятъ на молитвѣ иногда по часу и даже ночью читаютъ вслухъ стихи изъ Корана или вздыхаютъ, поминая имя Божіе. По большей части эту роль разыгрываютъ проникающіе въ киргизскія степи муллы и разъѣзжающіе по ауламъ среднеазиатскіе торгаши, которымъ хотя и запрещается проживать въ аулахъ, но при недосмотрѣ и безопасности правителей киргизскихъ подобные люди успѣваютъ таки въ своемъ дѣлѣ. 3) *Множественство*—это установленіе весьма нравится киргизамъ и они имъ пользуются съ успѣхомъ. 4) *Ненависть къ свининѣ*,—укоренилась между киргизами такъ же сильно, какъ и у прочихъ магометанъ. 5) *Употребленіе обмана противу невѣрныхъ*—всевозможныя хитрости и вѣроломство противу не мусульманъ, да и вообще для спасенія

отъ опасности или для полученія выгоды, исполняются съ большою охотою киргизами. 6) *Всѣ религии, кромѣ Магометовой считаютъ невѣрными* (кафрѣ) и противъ тѣхъ, кто ихъ исповѣдуетъ употреблять насиліе и оружіе—киргизы долгое время считали угожденіемъ Богу грабежъ и плѣненіе иновѣрцевъ, которыхъ даже предавали истязаніямъ, стараясь обратить въ мусульманство; по крайней мѣрѣ всѣ возвращенные въ разное время изъ неволи христіане показываютъ, что киргизы, захвативши ихъ, мучили разными способами, напримѣръ, обжигая медленнымъ огнемъ пальцы и т. п. и потомъ уже продавали въ неволю въ сосѣднія ханства.

Всѣ остальные уставы вѣры Магометовой киргизами совершенно отвергаются, особенно тѣ, которые противны любимымъ ихъ древнимъ предразсудкамъ, какъ напр. возданіе почестей поминовеніями и торжествами мертвымъ, вѣра, что невидимые духи участвуютъ въ дѣлахъ людей и пр.

Слѣдовательно, смѣшеніе нѣкоторой доли магометанства съ старинными языческими вѣрованіями и обычаями составило у киргизъ свое собственное, киргизское вѣрованіе. У киргизъ даже былъ прежде, какъ бы особый классъ жрецовъ, которые съ помощью волхвованія сносились съ духами и съ помощью ихъ старались удовлетворить желанія каждаго; эти волхвы назывались «баксы», и раздѣлялись на многіе классы по способамъ и образу колдовства. Въ позднѣйшія времена почти вездѣ колдуны вывелись и если попадаются, то исключительно только гадающіе посредствомъ костей и т. п. Муллы, принаравливаясь къ народнымъ предразсудкамъ, также гадаютъ киргизамъ по алкорану; кромѣ того они съумѣли имъ внушить, что нѣкоторые таинственные стихи, молитвы и характерные почерки, написанные на особомъ лоскуткѣ и постоянно при себѣ сохраняемые, имѣютъ магическую силу—укрѣпляютъ здоровье, со-

храняють скоть отъ падежа, дѣлають въ войнѣ неустрашимыми и оружіе враговъ безвреднымъ. Киргизамъ все это очень нравилось и они съ радостью покупали у обманщиковъ лоскутки исписанной бумаги.

Языкъ, которымъ говорятъ киргизы и который съ нѣкоторыми измѣненіями употребляется и всѣми татарами, есть языкъ древній, тюркскій; но отъ сношенія киргизъ съ разными сосѣдными народами языкъ этотъ много измѣнился, хотя множество словъ киргизскихъ и турецкихъ и понынѣ очень схожи. Бѣдность окружающей природы, простота жизни и отношеній къ сосѣдямъ были причиною, что киргизскій народъ и его языкъ мало развился, тѣмъ не менѣе они могутъ объясняться на немъ довольно краснорѣчиво. Разговоры ихъ всегда исполнены уподобленій, иносказаній, отличающихся смѣлостью и часто выразительностью; многіе старшины по навыку въ этомъ сдѣлались столь искусными, что каждый считаетъ за особенное удовольствіе ихъ послушать. По увѣренію киргизъ въ новѣйшее время краснорѣчіемъ отличаются коканцы, которые и могутъ убѣдить во всемъ, въ чемъ только захотятъ.

Краснословію своему киргизы болѣе всего даютъ ходъ въ общественныхъ совѣтахъ, при ходатайстванъ по своимъ дѣламъ, въ сказкахъ и пѣсняхъ о подвигахъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ героевъ; въ послѣднемъ случаѣ они стараются употребить все свое искусство.

Первое мѣсто между пѣснопѣніями киргизъ занимаютъ похвалы геройству и воспоминанія о знаменитыхъ происшествіяхъ; потомъ слѣдуетъ описаніе образа жизни, любви и другихъ чувствованій и, наконецъ, — заключающія плачь по умершимъ. Все это излагается въ видѣ стихотвореній, разнообразныхъ по размѣрамъ стиха, хотя и кажущихся съ перваго взгляда однообразными. Напѣвъ ихъ всѣхъ вообще заунывный; сперва тянутъ одну ноту, потомъ спѣшатъ, какъ бы речитативомъ, пропѣтъ

весь стихъ и заканчиваютъ его опять протяжно. Веселыя пѣсни и пляска между киргизами неупотребительны.

Многіе изъ нихъ имѣютъ природную способность къ импровизаціи пѣсенъ; можно по желанію задавать имъ темы къ пѣнію, они тотчасъ же начинаютъ пѣть и готовы продолжать это безъ конца, прибѣгая къ повтореніямъ одного и того же и разнымъ отступленіямъ. Вообще киргизы не дорожатъ своими поэтическими произведеніями и потому мало ихъ сохраняется; наиболѣе же сблизившіеся съ русскими перенимаютъ наши пѣсни, коверкая ихъ уморительнѣйшимъ образомъ.

Въ письмѣ употребляется татарскій алфавитъ, но вообще грамотность между киргизами развита весьма недостаточно; старѣйшины и султаны для письменныхъ занятій держатъ при себѣ татарскихъ муллъ и рѣдко кто изъ киргизскихъ начальниковъ подписывается, а по большей части прикладываютъ вмѣсто подписи печать свою. Но не слѣдуетъ удивляться, что киргизы, находясь столь долгое время въ русскомъ подданствѣ, остались до такой степени безграмотными; главнѣйшею причиною тому должно считать разность вѣры, недовѣрчивость киргизъ и продолжительное неустройство степей. Еще во времена императрицы Екатерины II учреждены были въ пограничныхъ съ степью мѣстахъ школы для киргизъ, но они смотрѣли на эту заботливость правительства объ ихъ просвѣщеніи подозрительно, опасаясь, что ихъ станутъ принуждать къ принятію христіанства и т. п. Нынѣ же школы для киргизскихъ дѣтей, кромѣ прежнихъ пограничныхъ, учреждены среди самыхъ степей по укрѣпленіямъ нашимъ и отъ того надо ожидать болѣе полезныхъ результатовъ. Киргизы чуждались образованія не столько потому, чтобы оно казалось имъ дѣломъ труднымъ или чтобы не доставало у нихъ къ тому природныхъ способностей, а всего бо-

лѣе оттого, что не видѣли въ немъ прямой выгоды для себя. Теперь же съ окончательнымъ занятіемъ киргизскихъ степей, при увеличившихся сношеніяхъ съ русскими, прежде всего понадобилось множество переводчиковъ, а также грамотныя ближайшія власти надъ киргизами и потому для грамотныхъ киргизъ представляются выгодныя мѣста; они спѣшатъ отдавать своихъ дѣтей во вновь открытыя школы; тѣмъ болѣе, что учителя въ нихъ изъ киргизъ же, воспитавшихся въ оренбургской киргизской школѣ, да и самыя школы, такъ сказать, подъ рукою — всегда можно видѣться съ дѣтьми и брать ихъ къ себѣ безпрепятственно во всякое время. Къ сожалѣнію, только первоначальное предположеніе о совмѣстномъ обученіи киргизскихъ и русскихъ дѣтей въ однѣхъ школахъ не прививается, какъ въ виду взаимнаго нерасположенія дѣтей, такъ и почти явнаго нежеланія самихъ учителей — киргизъ поддерживать такой порядокъ обученія.

Во время непрерывныхъ странствованій по обширнымъ открытымъ степямъ, киргизы, конечно, легко и скоро привыкаютъ отыскивать необходимый имъ путь; для этого имъ бываетъ достаточно самыхъ незамѣтныхъ другому признаковъ — относительное положеніе какого-нибудь ручья, озера, песчанаго холма, оврага, видъ травы и почвы бываютъ достаточными для нихъ указаніями, чтобъ навѣрное сказать въ какой части степи они находятся и судить о разстояніи до другихъ извѣстныхъ въ степи урочищъ; всякая сколько-нибудь замѣтная часть мѣстности непременно имѣетъ у нихъ свое наименованіе.

Сверхъ того, въ странствованіяхъ по степи киргизы невольнымъ образомъ, подобно мореходцамъ, должны были обратить вниманіе на сводъ небесный и руководиться въ пути относительнымъ положеніемъ свѣтилъ его. Къ небеснымъ же свѣтиламъ влекло ихъ и древнее

суевѣріе, такъ какъ многіе вѣрили и вѣрятъ, что звѣзды составляютъ убѣжище невидимыхъ духовъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу людей. Звѣздамъ киргизы даютъ различныя названія, судя по положенію ихъ на небѣ; такъ напр. полярная звѣзда, имѣя малый путь обращенія и едва замѣтно перемѣняющая свое мѣсто на сводѣ небесномъ, называется ими «Темиръ Казыкъ», т.-е. желѣзный колъ; она же постоянно напоминаетъ имъ о сѣверномъ направленіи. Большая медвѣдица называется «Джитыганъ», т.-е. семь звѣздъ; по высотѣ ея звѣздъ надъ горизонтомъ киргизы узнаютъ время ночи, а по относительному расположенію оной на небосклонѣ даже и самыя времена года. Плеяды, дѣлающіяся съ половины марта до половины мая непримѣтными въ солнечныхъ лучахъ, а, по мнѣнію киргизъ, скрывающіяся въ нѣдрахъ земли, дабы дѣйствовать на корни растений, питающихъ ихъ овецъ, называются «аркаръ», т.-е. дикій баранъ; нѣкоторая часть киргизъ называетъ еще плеяды «Илекъ Мулдусъ», т.-е. Илековая звѣзда, давая тѣмъ понять, что въ это время слѣдуетъ приближаться на лѣтнія кочевья къ рѣкѣ Илеку. Венера, вечерняя звѣзда, съ появленіемъ которой въ лѣтнее время выгоняютъ скотъ въ поле изъ закрытій, гдѣ онъ спасается отъ зноя и насѣкомыхъ, называется «Джулта Мулдусъ», т.-е. пастушья звѣзда. Млечный путь, положеніемъ котораго сообразуется нѣкоторымъ образомъ весенній и осенній перелетъ птицъ, называется «Джолокусъ», т.-е. птичья дорога. Нѣкоторые старики - киргизы настолько привыкли къ наблюденіямъ звѣзднаго неба, что безошибочно назначаютъ дни рожденія луны, узнаютъ по высотѣ свѣтилъ время дня; по нѣкоторымъ признакамъ разсуждаютъ о времени восхожденія и появленія звѣздъ, а по состоянію атмосферы иногда весьма удачно предсказываютъ вѣтеръ, дождь и грозу.

III.

Обычай и обряды киргизъ.

Обряды и обычаи свои киргизы наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ, но много также заимствовали и отъ сосѣднихъ народовъ, съ которыми чаще всего приходилось имъ сообщаться. Поэтому въ этомъ отношеніи киргизы не имѣютъ ничего постояннаго, такъ что Большая Орда съ Малою, а эта со Среднею и даже нѣкоторые киргизскіе роды, въ нихъ заключающіеся, много различествуютъ въ своихъ обычаяхъ, хотя съ перваго взгляда образъ жизни вездѣ и кажется одинаковымъ.

Обычай и обряды киргизъ по большей части вездѣ въ степи состоятъ въ слѣдующемъ:

При рожденіи, для облегченія страданій матери, употребляется ворожба духовныхъ лицъ или же обыкновенныхъ баксовъ.

Имя новорожденному даютъ не прежде, какъ онъ утвердится на ногахъ; тогда собственныя его склонности, или отличительныя черты лица или особенныя какія-либо обстоятельства при его рожденіи, опредѣляютъ названіе дитяти и это имя рѣдко уже потомъ перемѣняется, а если у нѣкоторыхъ киргизъ и измѣ-

няется, то черезъ пять или семь лѣтъ, по обычаю монгольскому. Вслѣдствіе такого обычая давать имена дѣтямъ, случаются имена весьма странныя, особенно въ переводѣ на русскій языкъ, напр. «Балыкбай»,—«балыкъ»—рыба, а «бай»—множество. довольство; или «Итаякъ»—собачья лопатка, и т. п. вмѣсто фамиліи или прозвищъ присоединяють къ своему имени имя отца, т.-е. называются по отцу, а иногда и по дѣду; нерѣдко же прозываются по отцу и дѣду вмѣстѣ. Иногда случается, но впрочемъ рѣдко, что по достиженіи совершеннолѣтія и при отправленіи дѣлъ общественныхъ. сами киргизы дѣтское имя свое оставляють, принимая новое, напоминающее какую-нибудь черту ихъ послѣдующей жизни. Обрѣзаніе мальчиковъ совершается, какъ и у всѣхъ прочихъ магометанъ.

Для воспитанія дѣтей у киргизъ не существуетъ никакихъ правилъ; они имъ рѣдко даютъ какія-либо наставленія и почти никогда не воспрещаютъ никакихъ шалостей, оставляя образованіе дѣтей на произволъ природы; все вниманіе къ дѣтямъ ограничивается тѣмъ, что любимому ребенку заплетутъ на головѣ косу или навѣсятъ какой-нибудь талисманъ отъ дурного глаза. Такимъ образомъ примѣры старшихъ и собственныя привычки суть главнѣйшіе руководители дѣтскаго ума и сердца у киргизъ; поэтому мужчины предаются только тѣмъ страстямъ и занятіямъ, которыя доставляютъ имъ удовольствіе. Что касается до дѣвушекъ, то по достиженіи ими десятилѣтняго возраста, онѣ обыкновенно подчиняются старшей въ семействѣ женщинѣ, которая наблюдаетъ за ихъ поступками и кое-чему обучаетъ по части веденія домашняго хозяйства. Благодаря этому, киргизскія женщины по большей части бываютъ гораздо скромнѣе, мягкосердечнѣе и трудолюбивѣе мужчинъ; ихъ назначеніе въ семействѣ—вышивать шелками и шерстью, шить одежду всѣмъ, готовить пищу, устраивать ки-

битку и т. п.; однимъ словомъ, смотрѣтъ за домашнимъ хозяйствомъ.

Киргизская женщина играетъ большую роль не только какъ полная хозяйка семьи, но и какъ членъ общества. На сходкахъ киргизовъ женщины подаютъ голосъ наравнѣ съ мужчинами, въ особеннѣности по вопросамъ, касающимся общественныхъ нуждъ. Иногда даже мнѣнiе женщинъ имѣетъ нѣкоторое преимущество надъ мнѣнiемъ мужчины. Киргизы-мужчины ничего не дѣлаютъ; только во время кочевокъ они отыскиваютъ мѣста для лѣтенокъ, да пасутъ скотъ въ отгонныхъ табунахъ, когда, по свойству пастбищъ на зимовкахъ или во время лѣтнихъ кочеванiй, часть скота должна кормиться вдали отъ ауловъ.

Жены у киргизъ приобрѣтаются, какъ и у всѣхъ магометанъ, покупкою, называемою «калымъ»; поэтому родителямъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ у нихъ болѣе красивыхъ дочерей и нерѣдко случается, что бѣдные киргизы при помощи своихъ дочерей не только поправляли свое состоянiе, но даже и очень богатѣли. Съ этой цѣлью въ нѣкоторыхъ киргизскихъ семействахъ, для сохраненiя красоты дѣвушекъ, вошло въ обычай до замужества избавлять ихъ отъ всѣхъ тяжелыхъ работъ и хлопотъ. Женщины не уклоняются отъ сообщества съ мужчинами, какъ это принято у прочихъ магометанъ; хвалить красавицъ считается у киргизъ поступкомъ благопристойнымъ; красавицы же, заслужившiя общую похвалу, нерѣдко прославляются въ степяхъ. Дѣвушки, при всей вольности обращенiя съ мужчинами, сохраняютъ строгое постоянство и рѣдко случается, чтобы они нарушили цѣломудрiе до супружества; подобная потеря добраго имени дѣвушкою наноситъ ничѣмъ не загладимое посрамленiе отцу, а потому, чтобы предупредить порочную любовь между дѣтьми, у киргизъ укоренился обычай рано соединять дѣтей въ супружество, сговаривая ихъ еще въ младенчествѣ.

Такимъ образомъ выборъ мужчиною первой супруги не всегда зависитъ отъ его воли, онъ въ этомъ случаѣ подчиняется волѣ родительской; женщина же изъ этой зависимости никогда и не выходитъ. Между богатыми людьми случается, что дѣтей сговариваютъ еще въ колыбели и такіе союзы со стороны отцевъ имѣютъ цѣлью окончаніе бывшей между семействами распри, или же соединеніе въ родство двухъ сильныхъ колѣнъ, или же, наконецъ, поддержаніе старинныхъ между семьями призраженныхъ отношеній.

Сватовство обыкновенно начинается черезъ довѣренныхъ людей, а иногда и сами отцы, увидѣвшись другъ съ другомъ, соглашаются объ условіяхъ бракосочетанія малолѣтнихъ дѣтей своихъ, назначая въ то же время и количество калыма ¹⁾ за невѣсту и срокъ его уплаты.

Послѣ такого условія духовная особа или же просто старшій изъ присутствующихъ, приподнявъ руки, читаетъ вслухъ молитву, какую на этотъ случай самъ вздумаетъ, прося Бога, напр., чтобы малолѣтніе благополучно выросли, родители были живы и согласіе между ними сохранялось непрерывно, и потомъ въ заключеніе всѣ присутствующіе произносятъ «аллага-акбаръ», потираютъ лица и бороды руками и тѣмъ обрядъ сговора и заканчивается.

При свадебномъ договорѣ обыкновенно избираются съ обѣихъ сторонъ по три свидѣтеля, которые до самаго бракосочетанія остаются посредниками и судьями на случай разбирательства всѣхъ могушихъ возникнуть дѣлъ и недоразумѣній по поводу предстоящаго брака. По

---

¹⁾ Калымъ за первую невѣсту бываетъ всегда умѣренный, но за слѣдующія, судя по красотѣ ихъ и богатству жениха, по большей части всегда великъ и простирается до 100 лошадей, отъ 200 до 500 барановъ, нѣсколькихъ верблюдовъ, съ придачею кибитокъ, разной одежды и прочаго домашняго имущества. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, дабы избавиться отъ калыма, невѣсту покидаютъ и убѣгаютъ по большей части въ сосѣднія страны на нѣсколько лѣтъ.

окончаніи сговора, если обстоятельства и расположение ауловъ позволяютъ, назначается общественное торжество, на которое приглашаются изъ другихъ улусовъ знакомые, устраиваются разныя увеселенія, какъ-то, конскіе скачки, борьба, и т. п., при чемъ побѣдители въ играхъ вознаграждаются разными подарками.

Послѣ того родители сговоренныхъ, придерживаясь своихъ обычныхъ мѣстъ кочеванія, расходятся со своими табунами на огромныя разстоянія и не имѣютъ между собою долгое время никакихъ сношеній, развѣ только сносятся по поводу калыма. Отъ сговоренныхъ не скрываютъ брачнаго условія, напротивъ, даже стараются всѣми мѣрами возбудить въ нихъ привязанность другъ къ другу. Когда же у жениха начнетъ показываться борода и когда количество выплаченнаго калыма значительно, то онъ просится у своихъ родителей отпустить его отыскивать по степи свою невѣсту. Жениху даютъ нарядное платьѣ и добраго коня, а при наступленіи дня отъѣзда убиваютъ лучшаго барана и, по совершеніи пиршества, отецъ или старшій изъ присутствующихъ читаетъ молитву; послѣ того женихъ, простившись съ родными, садится на коня и пускается въ дальній путь; иногда при этомъ женщины, собравшись со всего аула, провожаютъ жениха своимъ пѣніемъ.

Сколькоискусное перомоглобы изобразить прелестнаго и любопытнаго, описавъ хоть одно такое странствованіе жениха, когда онъ, надѣясь на одно только обыкновенное между киргизами гостепріимство, пускается въ пространную, пустынную и мало извѣстную ему степь для отысканія своей невѣсты; нерѣдко онъ долго бродитъ по степи безъ пристанища, безъ пищи, подвергаясь непогодамъ, а нерѣдко и опасностямъ отъ хищниковъ. Скитаясь подобнымъ образомъ, женихъ разузнаетъ отъ встрѣчныхъ, гдѣ расположенъ аулъ будущаго тестя; но при этомъ степная благопристойность требуетъ не тотъ-

часть же вступать въ отыскиваемый ауль, а необходимо остановиться въ ближайшихъ къ нему кочевьяхъ, развѣдать всѣ обстоятельства, касающіяся невѣсты и ея родныхъ, а потомъ уже стороною дать знать о своемъ прибытіи.

При первомъ посѣщеніи ауловъ будущаго тестя, женихъ обязанъ сообщить послѣднему о цѣли своего прибытія и, какъ скоро присутствіе жениха въ аулѣ сдѣлается гласнымъ, невѣсту скрываютъ въ особыхъ кибиткахъ или же укрываютъ тайно въ другомъ, соединенномъ улусѣ. Потомъ начинаются продолжительныя угощенія жениха, послѣ котораго онъ остается жить въ аулѣ будущаго тестя, какъ гость, и, не теряя времени, старается развѣдать чрезъ женщинъ о мѣстѣ пребыванія своей невѣсты, раздавая имъ за то небольшіе подарки. Узнавъ же гдѣ находится невѣста, женихъ старается избрать случай для нечаянной съ нею встрѣчи или свидѣться съ нею на единѣ, дабы при явномъ свиданіи не подвергнуться раздачѣ новыхъ подарковъ свидѣтелямъ такой встрѣчи. Невѣста въ продолженіе этихъ поисковъ одѣвается въ нарядныя платья и, конечно, съ меньшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ встрѣчи. Когда жениху наконецъ удастся достигнуть своей цѣли, то ему предстоитъ новое затрудненіе—необходимо преодолѣть застѣнчивость невѣсты нѣжными ласками и убѣдить открыть свое лицо.

Послѣ перваго свиданія съ невѣстою женихъ объявляетъ о томъ отцу ея; отецъ совершаетъ молитву и позволяетъ поставить «акчаутовъ», т.-е. небольшую палатку или бѣлый шатеръ (иногда зеленый или красный), разбивая оный въ сторонѣ отъ аула; въ палатку эту приходитъ женихъ и невѣста въ условное между ними время и уединенной ихъ бесѣды никто не имѣетъ права нарушать... Время гощенія у невѣсты зависитъ отъ жениха; онъ иногда уѣзжаетъ къ своему семейству

и опять возвращается, повторяя это до уплаты всего калыма.

Свадебные обряды вообще очень просты, особенно между людьми недостаточными; большія или меньшія пиршества и увеселенія, при этомъ необходимыя, производятся по мѣрѣ достатковъ.

Разсѣянное кочеваніе киргизъ и обыкновение брать женъ изъ другого рода рѣдко допускаетъ, чтобы аулъ жениха былъ близокъ къ аулу невѣсты; а потому родственники жениха не участвуютъ въ торжествѣ бракосочетанія, которое по большей части состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ только послѣднее количество калыма доставлено и женихъ прибылъ въ аулъ тестя, то тотчасъ же начинаются свадебные пиры, для которыхъ закалывается нѣсколько барановъ, лошадей и коровъ, заготавливается достаточное количество кумысу, а богатые сверхъ того устраиваютъ еще и скачку. Во время приготовленій къ пиршеству по вечерамъ въ невѣстиной кибиткѣ собираются женщины и поютъ пѣсни, продолжая это до самаго бракосочетанія. Въ день брака невѣста, одѣтая въ наилучшій свой уборъ, съ нѣсколькими женщинами выходитъ или въ кибитку или же въ открытое поле, гдѣ находится ея отецъ, женихъ и приглашенные къ свадьбѣ гости, а также толпа любопытныхъ зрителей, и съ печальнымъ лицомъ садится среди нихъ; старшій изъ присутствующихъ или, если случится мулла, приподнявъ руки, читаетъ молитву вслухъ, прося Бога о ниспосланіи счастья новому супружеству; въ заключеніе подаютъ кушанье, послѣ чего новобрачные считаются совершенно соединенными и находятся всегда вмѣстѣ съ прочими. У нѣкоторыхъ киргизъ женихъ и невѣста не посѣщали брачнаго торжества, а только свидѣтели договора или посредники повѣряютъ исполненіе всѣхъ заключенныхъ обязательствъ и даютъ свое благословеніе на бракъ; родственники же прослу-

шають молитву и весь день проводятъ въ разныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ новобрачные не участвуютъ. Къ вечеру невѣста съ наружными знаками печали сопровождается въ особую кибитку и садится тамъ на коврѣ, а прочія женщины надѣваютъ на нее женскій головной уборъ ¹⁾), сопровождая это занятіе заунывными пѣснями. Потомъ къ той же кибиткѣ приѣзжаетъ женихъ съ товарищами; женщины окружаютъ кибитку невѣсты и не допускаютъ въ нее жениха; это подаетъ поводъ къ разнымъ шуткамъ, играмъ и пѣнію; иногда при этомъ раздаются женихомъ подарки женщинамъ, а послѣ нѣкотораго сопротивленія женихъ врывается въ кибитку, выноситъ изъ нея свою молодую жену при радостныхъ восклицаніяхъ толпы и, сажая ее на приготовленную и разукрашенную лошадь или верблюда, ведетъ съ торжествомъ къ мѣсту своего пребыванія въ аулѣ тестя.

Въ другихъ мѣстахъ степи поступаютъ еще инымъ образомъ. По утру, въ опредѣленный для свадьбы день, невѣсту, сидящую на коврѣ, носятъ по всему аулу прощаться съ подругами; къ вечеру же, сопровождаемая женщинами, поющими пѣсни, она идетъ въ акчаутовъ, къ которому привязываютъ на этотъ случай назначенную отъ тестя въ подарокъ зятю лошадь въ богатомъ уборѣ, а на сѣдло кладутъ лучшій халатъ. Оставивъ невѣству въ палаткѣ, всѣ удаляются, послѣ чего приходитъ въ акчаутовъ женихъ и остается съ невѣстою до утра, когда къ отцу невѣсты собираются гости и свидѣтели сговора. Если бракъ былъ безукоризненный, то женихъ надѣваетъ халатъ, садится на подареннаго коня и ѣдетъ къ тестю, гдѣ его ожидаютъ съ угощеніемъ;

---

¹⁾ Перемѣна головного убора описаннымъ способомъ не считается, впрочемъ, неизмѣннымъ обычаемъ и иногда молодыя женщины, не раньше какъ сдѣлавшись матерью, снимаютъ свои красивыя шапочки и повязываютъ головы длиннымъ кускомъ бѣлаго полотна, что и составляетъ неизмѣнный знакъ замужней женщины.

въ противномъ же случаѣ закалываютъ даренаго коня и раздираютъ кафтанъ, чѣмъ отецъ невесты подвергается крайнему посрамленію.

Спустя нѣкоторое время послѣ свадьбы, молодой назначаетъ день отъѣзда къ дому своихъ родителей; въ тотъ день весь аулъ собирается въ одно мѣсто для совершенія общей молитвы, послѣ которой отецъ даетъ молодой наставленіе и вручаетъ зятю навьюченное на верблюдахъ приданое. Новобрачная съ изъявленіемъ глубокой горести прощается съ матерью и всѣми домашними, причемъ женщины выказываютъ свое сожалѣніе о разлукѣ страшными воплями; наконецъ, родные пособляютъ молодой сѣсть на лошадь, которую одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ, взявъ за поводъ, ведетъ изъ круга плачущихъ и вручаетъ мужу, въ нѣкоторомъ отдаленіи выжидающему ея и совершенно уже готовому къ походу. По прибытіи молодыхъ супруговъ въ кочевья родителей мужа дѣлается угощеніе всѣмъ родственникамъ и сосѣдямъ, и если мужъ вступилъ въ первый бракъ, то отецъ вручаетъ ему въ это время часть имущества и табуновъ, а родственники и гости одаряютъ разными подарками. Это вмѣстѣ съ приданымъ жены и составляетъ все имущество молодыхъ супруговъ, съ помощью котораго и начинаютъ они отдѣльное свое хозяйство.

Выборъ второй и послѣдующихъ женъ уже вполне зависитъ отъ каждаго мужчины; рѣдко при этомъ даже спрашивается совѣтъ у родственниковъ. Такихъ женъ берутъ по большей части изъ бѣдныхъ семействъ и за большой калымъ, а прежде и взимѣнъ иска по барантѣ. Люди достаточные любимыхъ дочерей своихъ въ младшія жены никогда не отдаютъ, такъ какъ жены эти не пользуются уваженіемъ въ семействѣ и самое родство черезъ нихъ не имѣетъ той цѣны, какъ съ семействомъ первой жены.

7

Правильнѣе было бы назвать младшихъ женъ рабынями или наложницами, а потому и обряды при вторичныхъ свадьбахъ совершаются гораздо проще; у многихъ же мѣсто младшихъ женъ заступаютъ настоящія невольницы.

Число младшихъ женъ неопредѣленно, — каждый воленъ имѣть по достатку своему, почему у богатыхъ киргизъ ихъ болѣе, и это составляетъ важную выгоду для домашняго благосостоянія, такъ какъ на женщинахъ лежитъ у киргизъ вся главная работа и заботы о хозяйствѣ.

Первая жена почитается у киргизъ старшею въ семействѣ и называется «бай-бича», т.-е. госпожа дома; въ ея распоряженіи состоитъ имущество, скотъ, отъ нея же зависитъ и соблюденіе всякаго порядка въ семьѣ; она распредѣляетъ домашнія работы между прочими женами, смотритъ за хозяйствомъ и соблюдаетъ всякое благоустройство въ домѣ. Бай-бича, будучи совершенною госпожею, у знатныхъ людей никогда большими работами не обременяется; мужъ обходится съ нею съ уваженіемъ и живетъ по большей части въ ея кибиткѣ. Нѣкоторыя изъ бай-бичей умѣютъ пріобрѣтать столько власти, что мужа не смѣютъ посѣщать прочихъ женъ своихъ иначе, какъ тайно; другіе же киргизы, предоставляя бай-бичѣ руководить хозяйствомъ, живутъ въ кибиткѣ у той изъ своихъ женъ, которую болѣе любятъ, а нѣкоторые киргизы, по случаю частыхъ отсутствій изъ своихъ ауловъ въ отдаленныя мѣста, содержатъ въ этихъ мѣстахъ другіхъ женъ, которыхъ во время отъѣзда домой оставляютъ у ихъ родителей.

Люди посредственнаго состоянія со всѣмъ семействомъ своимъ располагаются въ двухъ, много въ трехъ кибиткахъ; напротивъ, у богатыхъ каждая жена имѣетъ собственную кибитку, которую и занимаетъ со своими дѣтьми, раздѣляющими всѣ труды ея.

Приданое каждой жены составляет неотъемлемую ея собственность и киргизки весьма усердно пекутся объ умноженіи своего имущества. Жены взаимно посѣщаютъ другъ друга, а нерѣдко приглашаютъ къ себѣ и мужей въ гости, при чемъ, нарядно убравшись, угощаютъ ихъ лучшими кушаньями, дарятъ одежду и разными искусно вышитыми мужскими нарядами; равно и мужа съ своей стороны дарятъ своихъ женъ бусами, зеркальцами и другими бездѣлушками, служащими для украшенія. Младшія жены ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права жаловаться на несправедливость мужей, которые суть самовластные господа ихъ и даже могутъ изъ корысти передавать ихъ другому; но бай-бича не подвержена такому порабоженію, она имѣетъ право при посредствѣ родственниковъ оставить мужа и удалиться къ своимъ родителямъ безъ всякаго за то удовлетворенія.

Всѣмъ, что относится до скотоводства, рукодѣлія, приготовленія пищи, одежды, смотрѣнія за дѣтьми и т. п., занимаются женщины; а мужчины, въ сравненіи съ трудовою жизнью женъ своихъ, почти ничего не дѣлаютъ и проводятъ все время въ праздности; ибо главная ихъ работа состоитъ только въ отысканіи привольныхъ мѣстъ для перекочевокъ, въ присмотрѣ изрѣдка за табунами, да въ выдѣлкѣ кибиточныхъ рѣшетокъ и деревянной посуды. Однако же нѣкоторыхъ бѣдность заставляетъ выдѣлывать кожи, войлоки, что обыкновенно также принадлежитъ къ женскимъ обязанностямъ; другіе же, еще болѣе бѣдные, занимаются кузнечнымъ, паятельнымъ и другими мало значущими промыслами; въ новѣйшія же времена такіе киргизы обратились и къ земледѣлію.

Киргизы безъ нужды рѣдко ѣздятъ другъ къ другу въ гости, но они гостепріимны для всякаго, нуждающагося въ кровѣ и отдыхѣ; для разсужденія же о народныхъ дѣлахъ обыкновенно назначаются сборныя мѣ-

ста; при этомъ обычай требуетъ, чтобы въ такомъ собраніи участвовали одни почетные люди и начальники семействъ, но любопытство, праздность и своеволие привлекаютъ сюда большое общество.

Собраніе, раздѣлившись на круги, разсматриваетъ предложенныя на обсужденіе общественныя дѣла, потомъ всѣ соединяются въ одинъ общій кругъ, въ которомъ голоса подаются по старшинству. При этомъ происходятъ ссоры, шумъ, крикъ и даже драка, а иногда всѣ разъѣзжаются, ничего не рѣшивши.

Важнѣйшія народныя собранія киргизъ созывались только во время войны, при посылкѣ депутатовъ ко Двору и при избраніи хановъ. Это избраніе представляется наиболѣе любопытнымъ дѣломъ. По смерти хана каждый аулъ или почти каждая семья избирали изъ среды своей довѣренныхъ людей и посылали ихъ на общій съѣздъ, въ опредѣленное мѣсто; впослѣдствіи, по свойственному киргизамъ своеволю и необузданности, въ такихъ съѣздахъ начали участвовать всѣ желающіе безъ разбора. Мѣсто общаго собранія депутатовъ указывалось вблизи русской границы, дабы Правительство могло при этомъ удобнѣе руководить выборомъ. Почти всегда избраніе направлялось по желанію народному, что и было причиною постоянныхъ смуть и беспорядковъ въ степи и что главнѣйшимъ образомъ породило ту недоувѣрчивость киргизъ къ русскимъ, которая оказывается во многихъ случаяхъ и до настоящаго времени. По малому знакомству съ киргизами наши власти имъ не довѣряли, стараясь привлечь на свою сторону только хановъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ склоняли выборъ почти всегда на людей, ненавидимыхъ народомъ и дѣйствительно неблагонадежныхъ.

Когда киргизы со всѣхъ сторонъ собирались на указанное мѣсто (а многіе перекочевывали туда со всѣми аулами и скотомъ), тогда начинались взаимныя угощен-

нія; султаны, желающіе расположить народъ въ свою пользу, истощали всѣ способы, чтобы удовлетворить алчность своихъ посѣтителей, а дѣти покойнаго хана давали торжество въ память своего родителя. Во время увеселеній между аймаками шли сужденія о выборахъ; роды изъ среды своей избирали почетныхъ людей, которые въ общемъ собраніи съ представителями другихъ родовъ окончательно соглашаются объ избраніи новаго правителя киргизскому народу. Наканунѣ дня, назначеннаго для избранія хана, посерединѣ обширнаго поля, гдѣ долженъ собраться совѣтъ всей орды, разстилались войлоки и ковры, а на другой день съ солнечнымъ восходомъ собирались туда всѣ султаны и депутаты, которые и садились въ порядкѣ по старшинству родовъ; султаны имѣли при этомъ подъ собою бѣлые войлоки, какъ знакъ своего благороднаго происхожденія. Народъ въ то же время стекался толпами со всѣхъ сторонъ и располагался въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста главнаго совѣта, который и приступалъ къ разсужденіямъ. Совѣщанія не всегда оканчивались въ одинъ день. Въ случаѣ продолжительныхъ несогласій депутатовъ, обращались за мнѣніемъ къ народу и тогда собирались голоса ото всѣхъ. Какъ только опредѣлялось кому быть ханомъ, то всѣ присутствующіе въ совѣтѣ вставали и новаго хана подымали на бѣломъ войлокѣ, а стоящая въ отдаленіи толпа, замѣтивъ это, пускалась во весь духъ верхами и также устремлялась носить или, лучше сказать, качать и таскать новаго хана. Шумъ и смятеніе дѣлались всеобщими, а войлокъ, на которомъ подымался ханъ, вскорѣ исчезалъ, разорванный на мелкіе кусочки, такъ какъ каждый изъ присутствующихъ старался достать хотя незначительный лоскутокъ, чтобы, возвратясь домой, засвидѣтельствовать свое участіе въ выборѣ хана.

Спустя нѣсколько дней, избранный ханъ давалъ тор-

жественное угощеніе, по окончаніи котораго всѣ разѣзжались, а ханъ вступалъ во всѣ права, этому званію присвоенныя, и орда признавала его безпрекословно; но въ глазахъ русскихъ ханъ не имѣлъ еще настоящаго значенія своего до того времени, пока посланные ко Двору киргизскіе депутаты не исходатайствуютъ Высочайшаго утвержденія вновь избранному на ханство. Получивъ это утвержденіе, пограничное начальство извѣщало о томъ народъ киргизскій, приглашая его опять къ границѣ, и когда народъ собирался въ назначенное мѣсто, то военный губернаторъ, обыкновенно управлявшій этими дѣлами, назначалъ день для окончательнаго провозглашенія хана; до того же хану и знатнѣйшимъ ордынцамъ посылались съѣстные припасы и разные подарки.

Между тѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должно совершиться возведеніе хана въ его достоинство, невдалекѣ отъ пограничной черты, ставилась большая палатка, которая украшалась портретомъ царствующаго Императора; передъ портретомъ устанавливался столъ съ зеркаломъ, вокругъ же стола разставлялись кресла для губернатора, хана и старшихъ чиновниковъ пограничной комиссіи; передъ палаткой же устраивалось возвышеніе въ нѣсколько ступеней и покрывалось коврами.

По утру въ назначенный день войска становились противъ палатки, окружая устроенное возвышеніе, и когда все было готово, то начальникъ отряда посылаетъ команду за киргизскимъ народомъ, который располагается вокругъ палатки, противъ войска, также полукругомъ. Другая команда войскъ сопутствуетъ хану и знаменитымъ ордынцамъ, которые, въ ожиданіи губернатора, входятъ въ палатку. По прибытіи военнаго губернатора всѣ русскіе чиновники и родоначальники киргизъ помѣщаются около возвышенія, покрытаго коврами, а на это возвышеніе восходитъ самъ ханъ. Послѣ того

читаютъ всенародно Высочайшую грамоту хану, который и присягаетъ на вѣрноподданство, и на него надѣваютъ соболью шапку, шубу и опоясываютъ дорогою саблею съ приличною случаю надписью; въ это же время войска производятъ троекратные залпы. Послѣ выборовъ предлагается всему собравшемуся киргизскому народу угощеніе, а знатнѣйшимъ и преданнѣйшимъ людямъ сверхъ того раздавались еще и богатые подарки.

Правители киргизскаго народа не пользовались никакими особенными правами и податей съ народа никакихъ не собирали, кромѣ небольшого возмездія, опредѣленнаго имъ за судъ съ прибѣгающихъ къ ханскому правосудію; поэтому ханамъ, подчиненнымъ Россіи, только ихъ семейства, да бѣдные киргизскіе улусы оказывали прямую покорность; остальные же киргизы мало обращали на нихъ вниманія. Впрочемъ, значеніе хановъ въ ордѣ, равно какъ султановъ-правителей въ позднѣйшее время и вообще правителей значительныхъ отдѣловъ орды, много зависитъ отъ ихъ способности и ловкости; такъ что нѣкоторымъ изъ нихъ до того искусно удавалось вести свои дѣла, что подъ конецъ они неограниченно распоряжались довѣрившими ихъ управленію киргизами.

Въ старину, входя къ хану, киргизу необходимо было становиться на одно колѣно, произнося «аллагръ»¹⁾, потомъ прикладывать правое плечо свое къ правому же плечу ханскому. При встрѣчѣ дорогою хана или султана, останавливались въ отдаленіи, прикладывая руку къ сердцу и оставаясь въ нѣсколько наклоненномъ положеніи, произносили: «аллагръ, аллагръ!»

Равные между собою киргизы привѣтствуютъ другъ друга, пожимая руки, но короткіе пріятели, взявшись

¹⁾ Слово это произносится вообще при пожеланіи благополучія, здороваясь, прощаясь и благодаря; въ теченіе разговора величали хана словами «Тақсыръ», т.-е. свѣтлостью.

за руки, растягиваютъ ихъ и прижимаются грудь съ грудью; въ такомъ положеніи остаются они безмолвно въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, потомъ, пожимая руки, говорятъ: «селямъ алей кумъ», «алей кумъ селямъ», «аманъ, аманъ».

Нѣкоторое различіе замѣчается въ оказываемомъ уваженіи во время гостепріимства. Такъ, если кто, проѣзжая мимо аула, вздумаетъ посѣтить киргиза въ кибиткѣ, то, приближаясь къ ней, смотритъ вокругъ себя, чтобы узнать, кто хозяинъ кибитки и извѣститъ о себѣ и цѣли своего посѣщенія; не найдя же людей, кричитъ: «кель-суй-кюсю» или «сюилось», т. е. хочу поговорить; на это кто-нибудь выглядываетъ изъ кибитки и опять скрывается для извѣщенія хозяина о прибытіи гостя и чтобы имѣть время привести въ порядокъ все въ кибиткѣ. Вскорѣ потомъ выходитъ младшій изъ семьи и, узнавъ, что пріѣзжій имѣетъ нужду въ гостепріимствѣ, беретъ тотчасъ же у него лошадь подъ уздцы и ведетъ къ дверямъ, при которыхъ гостя всегда встрѣчаетъ хозяйскій сынъ или другой кто изъ младшихъ въ кибиткѣ. Онъ принимаетъ гостя подъ руку съ сѣдла и ведетъ въ кибитку, представляя хозяину. Если хозяинъ старше или знатнѣе гостя, то остается сидящимъ на первомъ мѣстѣ и гость подходитъ къ нему съ почтеніемъ, наклоняется, пожимаетъ руку и желаетъ всякаго благополучія; младшіе между тѣмъ стелютъ для гостя новую кошму, коверъ или одѣяло, на которое тотъ и садится. Если же случится, что пріѣзжій самъ человѣкъ знатный, то онъ подѣзжаетъ прямо къ дверямъ кибитки и, протягивая руку къ стоящему у дверей оной, спрашиваетъ хозяина, который уже самъ принимаетъ гостя, и, введя въ кибитку, сажаетъ на почетное мѣсто, на коврѣ; всѣ прочіе присутствующіе, какъ и вообще въ этихъ случаяхъ, усаживаются поодаль.

Богатые люди для угошенія своихъ гостей закалы-

вають барана, раздѣляя пищу со всѣми присутствующими, а иногда, смотря по важности гостя, предоставляютъ право раздачи пищи ему самому. На ночь дѣти хозяйскія, или же сами хозяйки или дочери ихъ стелютъ гостю постель и вообще заботятся объ его покоѣ и удобствахъ, а также и объ его лошади; странникамъ, приходящимъ изъ отдаленныхъ ауловъ, даже перемѣняютъ бѣлье.

Ближайшіе пріятели отъ всѣхъ такихъ учтивостей освобождаются; они прямо подѣзжаютъ къ кибиткѣ, стучать въ нее нагайкою и зовутъ, чтобы кто-нибудь принялъ у нихъ лошадей; послѣ того входятъ въ кибитку, не прерывая нисколько домашнихъ занятій въ оной.

У киргиза нѣтъ опредѣленнаго времени для обѣда и ужина, но каждый ѣстъ тогда, когда придетъ къ тому охота и въ нуждѣ довольствуются весьма немногимъ. Очень рѣдко, и то у достаточныхъ людей, передъ захожденіемъ солнца, готовятъ горячую пищу; она состоитъ по большей части изъ жидкой кашицы, разведеннаго въ водѣ крута ¹⁾, свареннаго съ молокомъ, изъ супа и небольшого количества мяса; люди бѣдные имѣютъ пропитаніе еще скуднѣе. Къ числу же роскошныхъ кушаній, употребляемыхъ богатыми, принадлежатъ жареные молодые барашки и жеребята, копченые лошадиные окорока (джувъ) и ребра (коджу); колбасы (корта), сдѣланныя изъ разнаго жира и проч.; нѣкоторые употребляютъ также пловъ, т. е. поджаренную рисовую кашу съ кусочками жирной баранины, съ изюмомъ и мелконарѣзанными кусочками моркови. Лучшее питье киргизъ, кромѣ чистаго молока, «апанъ» и «кумысъ», приготовляемые, первое изъ овечьяго и коровьяго молока, а второе изъ кобыльяго. Другихъ крѣпкихъ на-

¹⁾ Овечій сыръ.

питковъ киргизы не употребляютъ, за исключеніемъ нѣ-
 которыхъ, приготовляющихъ себѣ изъ молока бузу, да
 тѣхъ киргизъ, которые при частыхъ сношеніяхъ съ рус-
 скими приучились къ русскимъ крѣпкимъ напиткамъ.
 Способность много ѣсть надо отнести къ особеннымъ
 киргизскимъ качествамъ; кому случалось часто бывать
 въ степи, тотъ, конечно, не разъ былъ свидѣтелемъ
 страшнаго киргизскаго обжорства, въ особенности, когда
 представляется даровое угощеніе.

Но главнѣйшія пиршества устраиваются киргизами
 въ память умершихъ родныхъ. Когда больной умираетъ,
 во всемъ аулѣ поднимается страшный крикъ и вой, а
 жены покойнаго, съ растрепанными волосами или при-
 крываясь только фатою, кличутъ и причитаютъ со всѣми
 знаками величайшей горести, иногда даже царапая себѣ
 ногтями лицо.

Тѣло между тѣмъ омывается и одѣвается въ по-
 средственное или бѣдное платье или же просто завер-
 тывается въ холстъ и кладется на коверъ или войлокъ.
 Всѣ присутствующіе становятся вокругъ, а мулла или
 кто-нибудь изъ старшихъ читаетъ молитву, прославляя
 храбрость и богатство умершаго, послѣ чего его отно-
 сятъ къ приготовленной могилѣ.

Похороны совершаются иногда въ самый же день
 смерти, а иногда спустя нѣкоторое время, необходимое
 для перевозки покойника къ общему кладбищу.

Верблюда, на которомъ везутъ покойника, всегда со-
 провождаютъ женщины, если кладбище недалеко, при
 чемъ онѣ несутъ съ собою родъ похороннаго знамени
 (черный платокъ, навязанный на шею) и дорогою
 поютъ плачевныя пѣсни. Прибывъ къ могилѣ, снова
 читаютъ молитву и зарываютъ покойника. Въ нѣкото-
 рыхъ частяхъ степи въ могилу съ умершимъ зарываютъ
 часть его одежды и оружія; въ Большой ордѣ на мо-
 гилѣ убиваютъ лошадь и нѣсколько барановъ, гото-

вять изъ всего пишу и куски мяса раздають присутствующимъ, совершая тѣмъ поминовеніе, а кровь, кожу и кости закапываютъ цѣликомъ (или же обративъ въ пепель) въ той же могилѣ. Такія поминки дѣлаются для того, чтобы духъ покойнаго не бродилъ по аулу, не являлся женамъ своимъ и не пугалъ табуновъ. Многіе даже увѣряютъ, что если поминовеніе не соотвѣтствовало богатству и заслугамъ умершаго, то тѣнь его непрерывно станетъ преслѣдовать наслѣдниковъ. Такой вредный предразсудокъ доводитъ нѣкоторыхъ киргизъ до совершеннаго раззоренія на поминки умершихъ знаменитыхъ родственниковъ.

Могилы устраиваются киргизами такъ, чтобы надъ трупами оставалось свободное пространство и чтобы изъ него къ поверхности земли было небольшое отверстіе; поэтому, выкопавъ яму и подрывъ ее съ боку, дѣлаютъ родъ пещеры, куда и кладутъ покойника, или же закрываютъ яму хворостомъ и войлокомъ и засыпаютъ землю, а съ той стороны, гдѣ лежитъ голова погребеннаго, втыкается жердь, по вынутіи которой остается требуемое сообщеніе съ воздухомъ. Прежде въ такое отверстіе опускались куски отъ убитаго для поминокъ скота и т. п., но нынѣ на шести только навѣшиваютъ разные лоскутки и волосы и тѣмъ все ограничивается; даже самые шести ставятъ болѣе для соблюденія древней формы погребенія и нерѣдко замѣняютъ ихъ срубленнымъ вблизи кустомъ или вѣтвью его. Тѣла умершихъ кладутъ иногда и просто на землѣ, огораживая ихъ плетнемъ и насыпая надъ ними большіе холмы или курганы; въ мѣстахъ же лѣсистыхъ надъ могилами ставятъ деревянные срубы, на подобіе избъ; при могилахъ кладутъ или втыкаютъ въ землю шести, обдѣланные въ родѣ копья, что служитъ знакомъ, что тамъ погребенъ добрый наѣздникъ. Въ иныхъ мѣстахъ надъ могилами дѣлается подобіе гробовъ изъ глины и булыж-

ника, а надъ богатыми устраивается родъ часовень тоже изъ глины или родъ небольшихъ крѣпостей съ зубцами и малыми башнями по угламъ. Надъ отличившимися особенно добродѣтелью возводятъ такія часовни довольно значительныхъ размѣровъ, иногда съ куполами и изъ жженого кирпича. Случалось нерѣдко видѣть внутренность такихъ построекъ, разукрашенныхъ грубыми рисунками, напоминающими домашній бытъ киргиза (какъ напр. это можно видѣть на урочищѣ Хорхутъ близъ форта № 2 на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ).

По большей части общія кладбища располагаются на мѣстахъ возвышенныхъ и вблизи зимовокъ (такъ какъ значительная смертность между киргизами происходитъ преимущественно зимою) и потому почти всегда вблизи воды; такъ что видимыя издали въ гладкой степи могилы (мазарки), кромѣ того, что помогаютъ ориентироваться въ открытой степи, служатъ по большей части указаніемъ и на присутствіе по близости воды.

Послѣ похоронъ возлѣ кибитки умершаго выставляется черный значекъ, около котораго собираются женщины, чтобы совершить обычай «улгонъ»—жалобное пѣніе, продолжающееся около полугода. Во время этой печальной церемоніи родственники покойнаго исполняютъ завѣщаніе умершаго, а, если онъ былъ глава семьи, то дѣлятъ его имущество. Отдѣленные имъ до смерти дѣти при этомъ уже ничего не получаютъ, если покойный не сдѣлалъ особаго какого по этому распоряженія передъ смертью.

Бай-бича или если она умерла прежде мужа, то заступающая ее мѣсто вторая жена, до бракосочетанія всѣхъ малолѣтнихъ, оставшихся послѣ умершаго хозяина, управляетъ всѣмъ ихъ имуществомъ, точно такъ же, какъ и при жизни главы семьи. Старшій сынъ, а чаще всего старшій изъ братьевъ покойнаго, дѣлается главою семейства и, если ему угодно, то беретъ себѣ любую

изъ женъ покойнаго, не уплачивая за то никому калыма. Бай-бича почти никогда не вступаетъ во второе замужество; но всѣ младшія жены умершаго имѣютъ полное право сдѣлать это, особенно если онѣ бездѣтны, или же могутъ со всѣмъ своимъ собственнымъ имуществомъ удалиться къ своимъ родителямъ и отъ нихъ уже выходить замужъ по собственной своей волѣ. У нѣкоторыхъ киргизъ не воспрещается дѣтямъ умершаго брать себѣ молодыхъ женъ его, отъ чего исключаются однако же родныя матери.

Старшій изъ наслѣдниковъ или новый глава семьи при раздѣлѣ имѣнія отдѣляетъ часть онаго на совершение поминокъ, а родственники покойнаго съ своей стороны оказываютъ помощь къ тому же; нерѣдко кто либо изъ послѣднихъ, по особой любви къ покойному и уваженію, беретъ на свой счетъ всѣ расходы на поминки, которые обыкновенно отлагаются до удобнаго, осенняго времени; мѣсяцы августъ, сентябрь и октябрь по всей степи считаются для такого рода празднествъ наиболѣе удобными. На такихъ празднествахъ, какъ и на всѣхъ прочихъ сборищахъ киргизъ, собирается множество и незванныхъ, особенно тѣхъ, которые желаютъ отличиться въ сопровождающихъ торжество играхъ, скачкахъ, борьбѣ и т. п. Къ соблюденію въ торжествѣ порядка и правосудія избираются два или три почетные ордынца, которые принимаютъ гостей, угощаютъ ихъ и раздаютъ награды побѣдителямъ на играхъ; за все это, по окончаніи торжества, они также получаютъ подарки.

Увеселенія киргизъ во всякаго рода торжественныхъ случаяхъ состоятъ изъ пиршества, скачки, борьбы, стрѣльбы въ цѣль и т. п. забавъ, а потому необходимо упомянуть объ этихъ забавахъ нѣсколько подробнѣе.

Для скачекъ собираются охотники со всѣхъ сторонъ степи со своими лучшими скакунами, пригото-

вивъ ихъ къ тому заблаговременно ¹⁾). Скакуны собираются за день до начала скачки къ мѣсту откуда долженъ начаться бѣгъ; туда отправляется съ ними и одинъ изъ посредниковъ. Для бѣга назначается пространство до сорока верстъ и никакъ не менѣе двадцати; на лошадей сажаютъ въ легкой одеждѣ киргизскихъ мальчиковъ, иногда вовсе безъ сѣдла, на одномъ потникѣ. Въ день скачки, предъ восходомъ солнца, всѣ скакуны у назначенной для начала бѣга черты становятся рядомъ; послѣ того выстрѣломъ или пронзительнымъ крикомъ дается знакъ къ началу скачки и всѣ состязатели пускаются скакать къ опредѣленному мѣсту или цѣли, нигдѣ на пути не останавливаясь и перелетая по пути кочки, ямы, камни и рытвины. У призового столба подлѣ развѣвующихся значковъ разстанавливаются награды, опредѣленныя побѣдителямъ и соотвѣтственные достоинства скакуновъ. При этихъ подаркахъ стоитъ другой посредникъ съ почетнѣйшими гостями, прибывшими на празднество; остальные гости и всегда многочисленная толпа любопытныхъ располагаются вблизи; нѣкоторые же выѣзжаютъ на встрѣчу скакушимъ любоваться бѣгомъ, а другіе и во все время бѣга стараются слѣдить за ними, тоже мчась во весь духъ хотъ издали за ними и поощряя скакуновъ пронзительнымъ крикомъ. Для перваго скакуна опредѣляется лучший подарокъ, а слѣдующія затѣмъ лошади получаютъ второстепенные подарки, по мѣрѣ достоинствъ своихъ. Обы-

---

¹⁾ Киргизы выбираютъ скакуновъ изъ числа лучшихъ лошадей, а иногда приобрѣтаютъ ихъ изъ Туркменской (арабской крови) породы или, по крайней мѣрѣ, смѣшанной съ оною; такихъ скакуновъ вообще холятъ и берегутъ чрезвычайно. Тонкость, длина, стройность всего корпуса и сила мускуловъ суть признаки хорошей скаковой лошади. Къ скачкѣ ихъ подготавливаютъ, постепенно уменьшая кормъ; водятъ по зарямъ въ поле, а за день до бѣга почти не даютъ вовсе корма, кромѣ небольшого количества воды. По окончаніи скачки та же постепенность соблюдается относительно прибавки корма; но вообще скакуновъ никогда не раскармливаютъ.

стротѣ и неутомимости киргизскихъ лошадей можно судить изъ того, что пространство около тридцати верстѣ дѣлается ими во время скачки въ 47 минутъ.

Награды побѣдителямъ опредѣляются посредниками, а поставляются хозяиномъ или складчиною и состоятъ изъ скота, платья, оружія и т. п. Нерѣдко первый скакунъ приобрѣтаетъ такимъ образомъ нѣсколько верблюдовъ, десятокъ, другой лошадей и сотню, другую барановъ; такъ что нѣсколько выигрышныхъ призовъ окупаютъ совершенно издержки приобрѣтенія и воспитанія скаковой лошади. Отсюда понятна у киргизъ охота къ хорошимъ лошадямъ и страсть ихъ являться съ ними къ каждому торжеству, чтобы попытать счастья.

Иногда къ скачкѣ на лошадяхъ присоединяется бѣгъ на верблюдахъ, а нерѣдко, въ шутку, на быкахъ, коровахъ или пѣшкомъ, причемъ побѣдители тоже получаютъ незначительные подарки, какъ-то платки, куски какой-либо бумажной матеріи и т. п.

Стрѣльба производится въ поставленную цѣль сначала всѣми состязателями съ одного мѣста пѣшкомъ, а потомъ верхомъ, на всемъ скаку; но вообще увеселеніе этого рода бываетъ рѣдко.

Борьба производится такимъ образомъ: всѣ почетные гости садятся на коврахъ и кошмахъ полукругомъ; противоположную сторону занимаетъ толпа прочихъ гостей, за ними всѣ любопытные пѣшкомъ и верхами. На средину образовавшейся площадки или арены выступаютъ борцы въ одномъ бѣльѣ и безъ сапогъ, но съ крѣпко затянутыми поверхъ рубахи поясами; борцы по-парно схватываютъ другъ друга вокругъ стана, стараясь крѣпко ухватиться одной рукою за поясъ противника, и, наклонившись другъ къ другу, употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы воспользоваться оплошностью противника, приподнять его вверхъ или повалить на землю; иногда искусные борцы ходятъ по сценѣ

согнувшись по получасу и болѣе, не поддаваясь другъ другу. Судьи цѣнятъ при борьбѣ прямую физическую силу, ибо, если кому изъ бойцовъ удастся побѣдить противника одною хитростью, то это не считается настоящимъ торжествомъ и борьбу должно возобновлять вновь. Во все время состязанія идетъ въ толпѣ невообразимый говоръ, шумъ и восклицанія, выражающія поощреніе бойцамъ, радость при удачныхъ усиліяхъ своего бойца или гнѣвъ и насмѣшки при тщетныхъ попыткахъ противника; однимъ словомъ, видно всеобщее одушевленіе и искреннее участіе въ судьбѣ борющихся.

Побѣдителей награждаютъ также по большей части небольшими кусками бумажной матеріи въ полъ аршина и менѣе или платками, которые тотчасъ же дарятся ими своимъ роднымъ, пріятелямъ, а чаще всего муллѣ, въ полной увѣренности сохранить тѣмъ свою силу и здоровье.

Такъ какъ состязаются борцы изъ разныхъ киргизскихъ родовъ, то этимъ и можно объяснить то живое участіе, которое принимаютъ въ борьбѣ зрители — частыя побѣды приносятъ честь всему роду и обратно.

Другая забава киргизъ состоитъ въ томъ, что мужчины и женщины верхомъ (послѣднія всегда ѣздятъ по-мужски) становятся по-парно въ рядъ и по условному сигналу скачутъ во весь духъ и въ разныя стороны, причемъ каждая дама должна увертываться отъ преслѣдованія своего кавалера, искусно бросаясь во всѣ стороны; мужчина съ своей стороны употребляетъ всевозможныя усилія и хитрость, чтобы хотя коснуться рукой своей дамы, если не удастся поймать и удержать ее. Побѣдителю дозволяется поцѣловать свою даму всенародно, что производитъ неописанный восторгъ въ зрителяхъ.

Бываетъ и обыкновенная у всѣхъ мусульманъ игра, состоящая въ томъ, что молодого козленка или барана

схватываетъ и мчитъ какой-либо всадникъ, а многочисленная толпа его преслѣдуетъ съ цѣлью вырвать козленка, и увертываясь съ своей стороны отъ преслѣдователей, примчатся и бросить жертву предъ почтенными гостями. Такая скачка обыкновенно продолжается по степи до совершеннаго изнуренія лошадей и всадниковъ и оканчивается тѣмъ, что молодое животное, служащее предметомъ спора, разрывается на мелкіе куски. Иногда на празднествахъ своихъ киргизы забавляются и такъ еще: набалтываютъ въ большой котель жидкаго тѣста и бросаютъ туда монеты или разныя вещи; охотники ныряютъ въ котель, стараясь достать брошенную вещь зубами въ свою, конечно, пользу.

Къ сожалѣнію, подобныя шутки киргизъ, равно какъ и ихъ шуточный бѣгъ на верблюдахъ, быкахъ и пѣшкомъ, показываются нерѣдко въ Оренбургѣ разнымъ заѣзжимъ высокимъ посѣтителемъ и выдаются за нравы и обычаи народа; при этомъ забывается, что добровольная шутка и принудительное шутство, двѣ вещи разныя. Простонародіе же наше, насмотрѣвшись такихъ будто бы киргизскихъ обычаевъ, еще болѣе ожесточается противъ киргизъ и пограничные жители начали называть ихъ не иначе, какъ «необразованная и безчувственная Орда», или просто «проклятая и мерзкая Орда».

Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и то у немногихъ только киргизъ, женщины, собравшись между собою, проводятъ время въ пѣніи разныхъ пѣсенъ; по большей же части онѣ участвуютъ въ общихъ народныхъ торжествахъ наравнѣ съ мужчинами.

IV.

Характеръ управленія киргизами русской властью.

Что касается до внутренняго управленія киргизами, находящимися въ русскомъ подданствѣ, то, въ виду нѣкотораго отличія, существующаго въ этомъ отношеніи въ разныхъ областяхъ, мы рассмотримъ отдѣльно вопросы объ управленіи киргизами Сибирскими, Семирѣченскими и Оренбургскими.

Область Сибирскихъ киргизовъ.

Область Сибирскихъ киргизовъ раздѣляется на пять округовъ. Каждый округъ управляется приказомъ, исполняющимъ *de jure* обязанности земской полиціи и окружнаго суда. Три русскихъ засѣдателя (въ томъ числѣ одинъ непремѣнный членъ) обязаны постоянно присутствовать въ приказѣ и представляютъ правительственный элементъ. Старшій же султанъ—предсѣдатель приказа—и три киргизскихъ засѣдателя составляютъ въ приказѣ элементъ народный. Такимъ образомъ, по всѣмъ дѣламъ приказа законодательство предполагало дать легальный перевѣсъ мѣстному началу надъ лицами, назначаемыми правительствомъ.

Киргизамъ чуждо и дико въ нашей жизни все, что намъ кажется совершенно естественнымъ и понятнымъ. Какъ воспитаннымъ подъ своеобразными условіями жизни номада, имъ непонятны самыя элементарныя идеи о гражданскомъ устройствѣ на европейскій ладъ. Если прибавить къ тому, что всѣ или почти всѣ киргизы безграмотны и совершенно незнакомы съ дѣлопроизводствомъ, — станетъ понятно почему старшіе султаны и засѣдатели отъ киргизовъ остаются въ приказѣ безгласными. Такимъ образомъ, безконтрольнымъ дѣятелемъ въ приказѣ по всему, что касается бумагъ, дѣлопроизводства и переписки по необходимости остается непремѣнный членъ; старшій же султанъ, если того захотятъ засѣдатели изъ чиновниковъ, способенъ подписать свой смертный приговоръ.

Картина мѣняется въ обратную сторону, если при-смотримъ къ самой жизни киргизовъ. Почерпая свою силу и въ избирательномъ началѣ, и въ правительственной поддержкѣ, султанъ становится полновластнымъ хозяиномъ во всемъ, что касается внутренняго быта киргизовъ; русскіе же чиновники, по нежеланію или невозможности понимать киргизскую жизнь, не могутъ ни контролировать дѣйствія султана, ни вмѣшиваться, ради пользы дѣла, въ его распоряженія, ни вообще вліять, какимъ бы то ни было образомъ, для увеличенія правительственной силы.

Волостные управители еще менѣе султановъ понимаютъ, зачѣмъ въ приказахъ постоянно пишутъ и что тамъ пишутъ; впрочемъ, каждый волостной управитель знаетъ, что если приказъ захочетъ, то онъ можетъ испытать рядъ большихъ неудовольствій за неумѣнье отписываться. Потому, имъ остается положиться на мудрость своихъ дѣлопроизводителей, получающихъ семь съ полутиною въ мѣсяцъ. Не имѣя ни возможности, ни средствъ узнать про что дѣлопроизводитель переписывается съ

приказомъ; волостной управитель прикладываетъ къ готовой бумагѣ свою тамчу со страхомъ и съ убѣжденіемъ, что нужно ублажить засѣдателей.—По отношенію же къ старшимъ султанамъ, волостные управители находятся въ полнѣйшемъ фактическомъ повиновеніи. Каждое его слово и совѣтъ исполняются точно, быстро и пунктуально.

Слѣдствія, производимыя приказами, тянутся безконечно и безуспѣшно. Это зависитъ отъ очень многихъ причинъ; къ числу послѣднихъ необходимо отнести и боязнь киргизовъ свидѣтельствовать за что-нибудь, т. е. попасть въ дѣло. Полнѣйшая безуспѣшность юридической дѣятельности приказовъ доказывается всѣми видѣнными нами документами.

Судъ бievъ (хорошихъ людей) скоръ и производится на словахъ; онъ довольно справедливъ и всегда безкорыстенъ, потому пользуется уваженіемъ не только киргизовъ, но разночинцевъ и казаковъ, изъ которыхъ многіе идутъ добровольно на судъ бievъ, въ особенности по исковымъ дѣламъ на киргизовъ.

Недовѣріе у киргизовъ къ нашему суду такъ велико, что заставляеть ихъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ скрывать уголовныя дѣла и рѣшать послѣднія судомъ бievъ. Иногда же они облакають свои иски по уголовнымъ дѣламъ въ такія формы, что эти иски законнымъ порядкомъ передаются на судъ бievъ. Такъ случилось, что вмѣсто убійства, за которое по обычному киргизскому праву, опредѣляется кунъ въ 100 лошадей, приказу была предъявлена жалоба на покражу убійцею будто бы ста лошадей, и дѣло это, какъ исковое, было передано на судъ бievъ.

Такимъ образомъ, власть окружныхъ приказовъ административная, полицейская и судебная раскололась на двѣ части.

Какъ наши чиновники чужды жизни киргизскаго

народа, такъ чужды киргизскимъ властямъ переписка и сложный порядокъ гражданскаго дѣлопроизводства въ степной администраціи. Съ теченіемъ времени, естественнымъ путемъ, представители власти въ степи какъ бы разграничили предѣлы своей дѣятельности. Русскіе чиновники вѣдаютъ дѣлопроизводство, вѣзять въ степь только по слѣдственнымъ дѣламъ и по перепискѣ скота. Султаны распоряжаются внутри округовъ, почти не бывають въ приказахъ, а живутъ среди народа и, объѣзжая волости, производятъ судъ и расправу судомъ биевъ. Подобный расколъ повелъ къ обезсилію законной власти приказа и это безсиліе увеличилось еще болѣе, вслѣдствіе столкновенія гражданской власти съ военною.

По учрежденіямъ графа Сперанскаго военныя команды, наряжаемыя въ округи для сохраненія порядка внутри степи, должны подчиняться окружному приказу, какъ обыкновенныя полицейскія команды; но кениссаринское возмущеніе вызвало отправленіе въ степь значительныхъ отрядовъ и колонизацію степи военными поселеніями.

Съ тѣхъ поръ подчиненіе войска окружному приказу стало аномаліей и оставшійся въ бездѣйствіи законъ могъ только породить, въ сороковыхъ годахъ, странную мысль у одного засѣдателя, въ Акмаллахъ, требовать, чтобы батальонный командиръ вывелъ бы свой батальонъ на смотръ окружного приказа. Въ сущности же съ того времени дѣйствительная охрана внутренняго спокойствія въ степи, преслѣдованіе и пресѣченіе убійствъ, грабежей, разбоевъ и баранты перешло въ руки военныхъ властей. Къ довершенію всего, казачьимъ станицамъ были предоставлены многія права, подрывающія всякую власть приказовъ на всемъ пространствѣ станичныхъ земель; члены же окружного приказа, по полицейскому надзору, стали въ подчиненность къ станичнымъ начальникамъ, назначаемымъ изъ урядниковъ.

Если, такимъ образомъ, престѣненіе важнѣйшихъ преступленій въ степи вошло въ кругъ дѣятельности военной администраціи, наблюденіе за благочиніемъ и порядкомъ внутри округовъ находится въ рукахъ киргизскихъ властей, а управление и юрисдикція на казачьихъ земляхъ почти цѣликомъ перешла къ войсковому правленію, то приказы обратились въ чисто полицейскія учрежденія, со всѣми недостатками дурной и слабой полиціи, имѣющей право вмѣшательства въ административныя дѣла.

Нѣсколько разъ слабость администраціи обнаруживалась въ полномъ цвѣтѣ. Такъ, въ 1862 году, когда, вслѣдствіе джута (гололедицы и недостатка кормовъ), голодные киргизы рыскали по степи, производя грабежи и воровства, областное начальство, сознавая слабость окружныхъ приказовъ, должно было сдѣлать киргизскія власти отвѣтственными за безпорядки въ округахъ. Старшіе султаны и волостные управители прекратили начинающееся волненіе тѣмъ, что разѣзжали сами и рассылали по степи вооруженные разѣзды, схватывавшіе бродягъ; иногда же они просили содѣйствія и военной силы.

Ослабленіе власти приказовъ несообразнымъ усиленіемъ на ихъ счетъ казаковъ и старшихъ султановъ не было узурпаціею. Это было естественное слѣдствіе законовъ, писанныхъ съ предвзятою заранѣе мыслью, мыслью гениальною, но непреложимою къ почвѣ, на которой долженъ былъ дѣйствовать законъ.

Съ самаго начала наша власть въ степи Сибирскаго вѣдомства была такъ организована, чтобы быть раздвоенною и слабою. Изъ ея слабости вытекла инерція и отчужденіе отъ дѣйствительной, небумажной жизни, такъ какъ это всегдашнее послѣдствіе безсилія власти, въ особенности тамъ, гдѣ главнымъ образомъ должна господствовать сила — предметъ поклоненія и уваженія азіатцевъ.

Существуетъ много громкихъ словъ о благодѣтельной дѣятельности гражданской администраціи въ Сибирской степи; о томъ, что, благодаря цивилизирующему гражданскому элементу, здѣсь развилась торговля, возникли города, пролегли пути сообщенія и прочее. Подобныя слова послѣ ознакомленія съ фактами могутъ показаться очень странными.

Часть степи, занимаемая Среднею Ордою, повсемѣстно способна къ развитію скотоводства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Оттого область Сибирскихъ киргизовъ отличается и большимъ количествомъ всѣхъ породъ скота и лучшими ихъ качествами. Чтобы открыть эти неисчислимыя богатства торговлѣ, необходимы были: 1) какаелибо новая потребность для всего киргизскаго народа, потребность, которую нельзя было удовлетворить непосредственно скотоводствомъ, и 2) гарантія капиталу. Новая потребность для киргизъ явилась послѣ необходимости платить ясакъ деньгами (это выгодно для киргизъ, чѣмъ платить ясакъ натурою и по низкой оцѣнкѣ скота и по многообразнымъ затрудненіямъ при сдачѣ ясачнаго скота).

Гарантія лицу и капиталу по всему пространству степи появилась послѣ усмиренія бунта кениссары. Результатомъ сильныхъ мѣръ противъ бунтовщиковъ было: водвореніе спокойствія отъ Омска до р. Чу; проложеніе многихъ удобныхъ путей сообщенія, прикрытыхъ военными постами; значительныя поселенія русскихъ посреди степи.

Какъ только спокойствіе было водворено, торговля должна была развиваться на томъ основаніи, что къ осени киргизамъ бываютъ нужны деньги подъ ясакъ. Эта нужда служить и до сихъ поръ основаніемъ степной торговли. Купцы, поселившіеся близъ русскихъ колоній, стали *задавать* киргизамъ деньги подъ барановъ, которые отдавались въ маѣ или іюнѣ слѣдующаго года.

Впослѣдствіи, кромѣ денегъ, купцы попробовали задавать и товаръ грубой руки. Первоначально киргизы покупали только туранскіе товары, а потомъ пошелъ товаръ макарьевскій и ирбитскій.

Волненія прекратились въ концѣ сороковыхъ годовъ, а въ началѣ пятидесятихъ начали образовываться центры торговой дѣятельности. Въ Акмаллахъ, въ послѣднія 10—15 лѣтъ, торговля развивалась съ такимъ успѣхомъ, что годовой оборотъ города, не превосходившій прежде десятка тысячъ, дошелъ въ нынѣшнемъ году до 1¹/₂ милліоновъ рублей. Въ то же время торговля скотомъ, безъ всякаго участія администраціи, начала принимать правильныя формы; прогонные пути становятся постоянными и посреди степей, безъ вѣдома мѣстныхъ властей, образуются обширныя ярмарки. Эти ярмарки бѣгаютъ нашей администраціи и располагаются такъ, чтобы избавиться отъ опеки гражданскихъ властей. На одной изъ нихъ, при урочищѣ Таинчикуль, распродается до 800.000 головъ скота ежегодно. Купцы ишимскіе, тюменскіе, шадринскіе, курганскіе и петропавловскіе дѣлали уже на ней обороты въ десятки тысячъ, а мѣстная администрація узнала о существованіи ярмарки только отъ предсѣдателя областного Правленія (въ 1859 г.). Эти и многіе другіе факты убѣждаютъ, что источники торговли и всякихъ началъ гражданственности лежатъ только въ богатствѣ Средней Орды. Подспорье же для своего существованія торговля находитъ въ энергичномъ охраненіи порядка въ степи властью, совершенно чуждою приказамъ ¹⁾).

Все вышеизложенное, въ связи со многими другими данными, приводитъ къ мысли о необходимости развитія самоуправленія киргизскаго народа на болѣе широкихъ на-

¹⁾ Тамъ, гдѣ баранта и разбой не были прекращены восными мѣрами, гражданская власть не могла остановить ихъ. Послѣ тщетныхъ розысковъ и слѣдствій, дѣла по барантѣ и разбою передавались гражданскою властью на народный судъ и разбирательство.

чалахъ и предоставленіи народному суду большей власти. При этомъ, едва-ли не будетъ полезно уничтожить званіе старшаго султана. Расширеніе самоуправленія не можетъ быть допущено безъ соотвѣтственнаго усиленія правительственной власти и только военная администрація въ состояніи будетъ дать правительству твердую опору въ киргизскихъ степяхъ.

Для кочевого, подвижного и полудикого населенія энергія и быстрота дѣйствій составляютъ главныя достоинства власти; такому населенію нужна скорая и строгая расправа; томленіе въ острогахъ и судахъ составляетъ для него тяжелую, едва выносимую пытку; слабость правительства въ отношеніи виновныхъ въ глазахъ такого народа цѣлое преступленіе—приговоръ самому правительству.

Понятно почему гражданскій судъ, соблюдающій разныя юридическія тонкости, требующій точныхъ доказательствъ, невыносимъ и для киргиза-истца, и для киргиза-отвѣтчика. Если же подобный порядокъ судопроизводства едва-ли приложимъ въ степяхъ ко всѣмъ уголовнымъ дѣламъ вообще, то онъ не долженъ быть терпимъ въ дѣлахъ особенной важности, напр., въ политическихъ преступленіяхъ, къ которымъ, можетъ быть, нужно причислить и баранту. Здѣсь всякая медленность опасна и скорая кара, хотя бы даже съ нѣкоторыми погрѣшностями противу безусловной справедливости, дѣйствительнѣе и человѣчнѣе продолжительнаго суда, умножающаго своими проволочками безпорядки и число жертвъ.

Давши киргизамъ самосудъ, можетъ быть, было бы полезно за всѣ преступленія противъ правительства и общественнаго спокойствія судить военнымъ судомъ.

И такъ, правительственная власть въ киргизскихъ степяхъ можетъ быть только тогда возстановлена, когда здѣсь будетъ существовать военная власть, не вмѣши-

вающаяся во внутреннее хозяйство и расправу народа, но имѣющая силу и средства карать за малѣйшее нарушеніе порядка. Этой власти въ каждомъ округѣ или уѣздѣ должны быть подчинены всѣ служащіе и не служащіе, всѣ русскіе подданные и иностранцы. Только тогда можно будетъ опредѣлить отношеніе какъ центральнаго правительства въ степи, такъ и каждой правительственной функціи къ киргизамъ, русскимъ разночинцамъ, горожанамъ, казакамъ, войскамъ; тогда только можно надѣяться на своевременное подавленіе волненій, возстаній, вооруженнаго сопротивленія; только тогда можно рассчитывать на то, что полудикіе азіатцы, русскіе подданные, стануть и уважать, и бояться нашу власть.

На жизнь и управленіе киргизами оказываютъ большее вліяніе поселенные въ степи казаки.

Всѣ лица, компетентныя въ военномъ дѣлѣ, бранять казаковъ на всѣ лады.

Генераль Дюгамель отзывался о нихъ, какъ о бремени для правительства, одинаково бесполезномъ и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніяхъ. Въ Омскѣ, между офицерами всѣхъ чиновъ, ходятъ рассказы весьма невыгоднаго для казаковъ свойства. Тамъ много говорили про притѣсненія, дѣлаемые казаками киргизамъ, про ихъ нетерпимость ко всему не казачьему, про претензіи на право исключительнаго обладанія степью, про ихъ замкнуто-корпоративный духъ.

Несмотря на то, объѣзжая станицы, я старался выискывать все, что могло бы оправдать взводимыя на нихъ обвиненія. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что изученіе казачьяго быта приводитъ къ невыгоднымъ для нихъ заключеніямъ.

Привилегіи, дарованныя правительствомъ казакамъ, послужили не къ возвышенію ихъ благосостоянія и дѣятельности, а, напротивъ, къ развитію полнѣйшей праздности и лѣности, къ разстройству ихъ хозяйства и къ

систематически-организованному обирательству киргизовъ. Хозяйство старыхъ казаковъ, водворившихся въ степи еще въ двадцатыхъ годахъ, до крайности плохо; земледѣлія нѣтъ почти вовсе; торговля существуетъ кое-гдѣ, какъ исключеніе, а промыслы болѣе или менѣе темны; тѣмъ не менѣе захватомъ киргизскихъ земель, обирательствомъ и всевозможными насиліями они поселяютъ въ киргизахъ враждебныя чувства ко всему русскому населенію. Крестьяне, поселенные въ качествѣ казаковъ въ Кокчетовскомъ округѣ (въ 1849 году), первоначально принялись хорошо за хлѣбопашество и сельское хозяйство; они сошлись и съ киргизами, сохраняя, впрочемъ, свои нравы и обычаи; но съ развитіемъ въ нихъ духа общаго у всѣхъ казаковъ Сибирскаго войска, трудолюбіе ихъ ослабѣло, а отношенія къ киргизамъ становятся годъ отъ году хуже.

Въ политическомъ отношеніи казаки не приносятъ въ степи той пользы, которую можно ожидать а priori. Эти люди, нарядившіеся въ киргизскіе халаты, говорящіе со своими дѣтьми по-киргизски, называющіе пріѣзжихъ изъ-за Урала русскими, а себя казаками, едва-ли могутъ служить орудіемъ обрусѣнія степи. Но нельзя безусловно поручиться за то, чтобы съ теченіемъ времени казаки не стали въ рукахъ господъ, въ родѣ Потаниныхъ ¹⁾ et Co, враждебны Правительству.

Казачьи поселенія внутри степи, независимая и всегда пристрастная юрисдикція, неопредѣленныя права войска на такъ называемое 10-ти верстное пространство,—все это породило и порождаетъ чрезвычайно много весьма сложныхъ вопросовъ. Какимъ образомъ выйти изъ этого положенія, какъ заставить казачьи поселенія внутри степи и прииртышныя станицы ограничиться указнымъ надѣломъ земли и не обижать киргизовъ,—сказать трудно.

¹⁾ Пророкъ Сибирскаго казачества,—бойкій и ловкій писака.

Семипалатинская область.

Въ законодательномъ порядкѣ Семипалатинская область устроена нѣсколько иначе, чѣмъ область Сибирскихъ киргизовъ.

Вмѣсто старшихъ султановъ въ приказахъ четырехъ округовъ, Внутренняго Семипалатинскаго, Сергіопольскаго, Копальскаго и Кокпектинскаго, предсѣдательствуютъ окружные начальники, по выбору начальства. Мѣсто старшаго султана видоизмѣнено здѣсь въ помощника окружного начальника. Отъ подобнаго измѣненія основныхъ степныхъ положеній, безспорно, выиграла правительственная власть, но только въ томъ направленіи, въ какомъ она могла выиграть. Въ Семипалатинской области, въ отличіе области Сибирскихъ киргизовъ, политическая централизація замѣтна, зато административная и полицейская власти такъ же слабы, какъ и въ области Сибирскихъ киргизовъ. Вліяніе окружного начальника недостаточно сильно, чтобы быть въ состояніи слѣдить за исполненіемъ существующихъ законовъ или имѣть возможность оградить cadaго живущаго въ округѣ отъ притѣсненій. Тому есть двѣ причины:

1) Настоящая организація приказовъ, предполагая отвлеченный способъ управленія, способъ, довольствующійся соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, извѣстныхъ бюрократическихъ приемовъ, сама по себѣ уже парализуетъ всякаго дѣятельнаго и энергическаго окружного начальника. Какъ только послѣдній захочетъ не стѣсняться формальностями и, ставши на другую точку зрѣнія, рѣшится управлять округомъ помощью живыхъ силъ народа, — онъ станетъ въ противорѣчіе съ закономъ и приказомъ. Иногда, не будучи въ состояніи рѣшить сложный вопросъ въ самое короткое время, онъ долженъ

внести дѣло въ приказъ, т.-е. никогда его не рѣшить. Иногда отъ окружного начальника киргизы ждутъ пресѣченія какого-либо притѣсненія или несправедливости, а что въ подобномъ случаѣ онъ можетъ предпринять? Онъ имѣетъ право писать и просить и быть увѣреннымъ, что его бумага послужитъ только первымъ листомъ многотомнаго дѣла.

2) Слабость власти окружныхъ начальниковъ зависитъ также отъ того, что, при порядкахъ, нынѣ существующихъ въ степи Сибирскаго вѣдомства, они не могутъ заставить народъ уважать свою волю. Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько подробнѣе про это обстоятельство.

Отсутствіе кредита у мѣстнаго правительства и слабость его въ степяхъ Сибирскаго вѣдомства въ настоящее время зависитъ отъ возможности, иногда необходимости, для нашей администраціи вмѣшиваться въ чуждую намъ жизнь киргизовъ. Вслѣдствіе того, что законъ не далъ волостямъ полнаго и твердаго самоуправленія, правительство принуждено было искать опоры въ чиновникахъ изъ киргизовъ, контролировать дѣятельность которыхъ нѣтъ никакой возможности. Въ здѣшнихъ степяхъ можно замѣтить, что чѣмъ извѣстнѣе округъ, вслѣдствіе особенностей приказа, пользуется меньшимъ количествомъ самоуправления, тѣмъ, въ дѣйствительности, тамъ пріобрѣтаютъ большее значеніе чиновники изъ киргизовъ, тѣмъ въ такомъ округѣ возможнѣе злоупотребленія, но тѣмъ и слабѣе правительственная власть. Оттого-то въ области Сибирскихъ киргизовъ фактическая власть находится въ рукахъ старшихъ султановъ. Здѣшніе старшіе султаны — помощники окружныхъ начальниковъ — не имѣютъ никакихъ правъ и никакой власти, потому не могутъ пользоваться въ народѣ замѣтнымъ вліяніемъ. Между тѣмъ и тутъ киргизамъ не дано настолько самоуправления, чтобы пра-

вительству не требовалась опора въ мѣстномъ началѣ, чтобы народъ не искалъ среди себя ходатаевъ по своимъ дѣламъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ въ Семипалатинской области было непомерное увеличеніе власти волостныхъ управителей, далеко не имѣющихъ подобнаго значенія въ области Сибирскихъ киргизовъ.

Это типическая сторона здѣшняго управления.

Отношеніе окружныхъ начальниковъ къ волостнымъ весьма малымъ лучше отношеній приказовъ области Сибирскихъ киргизовъ къ старшимъ султанамъ. Окружные только менѣе пишутъ, но исполненіе ихъ приказаній все-таки въ рукахъ волостныхъ управителей.

То, что въ четырехъ поименованныхъ округахъ составляетъ естественный результатъ положеній Сперанскаго, то при организациі Алатавскаго округа принято въ соображеніе. Начальникъ Алатавскаго округа самостоятеленъ и не стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ окружнымъ приказомъ.

Помощникъ его—русскій офицеръ. Тремя большими родами, на которые дѣлится Большая Орда, управляютъ три султана аблаевскаго происхожденія ¹⁾. Начальникъ Алатавскаго округа не вмѣшивается во внутреннія дѣла родовъ и предоставляетъ султанамъ управлять волостями, согласно мѣстному обычному праву.

Эта организациа была бы очень рациональною, если бы, вмѣсто полувассальныхъ султановъ, частями юсеновскихъ родовъ управляли бы волостные старшины, по избранію народа.

Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ вообще высшіе чи-

---

¹⁾ Султанъ Сюкъ, сынъ Аблая, былъ извѣстенъ своею преданностью Россіи и склонилъ своихъ родителей, аблаевскихъ султановъ, управлявшихъ Большою Ордою, принять подданство. До сихъ поръ правителями юсеновскихъ родовъ (Юсенями называютъ себя киргизы Большой Орды) исключительно назначаются потомки Аблая.

новники изъ киргизовъ, будучи не безусловно преданы Россіи, въ то же время и не всегда служатъ пользамъ киргизскаго народа. Эти чиновники почти исключительно избираются изъ султановъ или родоначальниковъ.

Султаны смотрятъ свысока на своихъ соотечественниковъ, не имѣющихъ права сказать, что они потомки Чингизъ-Хана, зато взаимно показываютъ другъ другу всевозможное почтеніе и искренно убѣждены въ своемъ непоколебимомъ правѣ на управленіе киргизами. Это особенный народъ въ народѣ; степные космополиты, которыхъ интересы всегда становятся въ противорѣчіе съ интересами другихъ киргизовъ. Своимъ положеніемъ о степи графъ Сперанскій уничтожилъ ихъ главу—хана, однако онъ легитимировалъ силу и долговѣчность остальной степной аристократіи тѣмъ, что въ правилахъ о выборѣ старшаго султана, онъ далъ всякія преимущества султанскимъ родамъ надъ черною костью.

Сильнымъ враждебнымъ элементомъ султанства являются, такъ называемые, родоначальники. И султаны, и родоначальники не могутъ дружелюбно смотрѣть на нашу власть, вырвавшую изъ ихъ рукъ узурпированныя ими права, которыми, вотъ уже много вѣковъ, они оставляли развитіе киргизскаго народа.

Графъ Сперанскій уничтожилъ званіе хана, но сохранилъ должность старшаго султана. Само собой вышло то, что въ Семипалатинской области сохранные законодательствомъ старшіе султаны обратились *de facto* въ нуль.

Такъ же естественно и то, что при устройствѣ Ала-тавскаго округа званіе старшаго султана раздробилось на три части; за то за этими новыми султанами оставлена огромная власть. При отсутствіи самоуправленія въ волостяхъ, далѣе идти нельзя было. Организациія Ала-тавскаго округа есть самый разумный и окончательный

выводъ изъ непрактичныхъ основныхъ степныхъ законовъ.

Было бы чрезвычайно полезно и послѣдовательно уничтожить у киргизовъ всякую сильную выборную власть, т.-е. освободить ихъ отъ гнета аристократическаго и родового началъ. Это возможно, но только тогда, когда народъ по всѣмъ своимъ внутреннимъ дѣламъ будетъ имѣть право полного самоуправленія. Пусть дѣятельность вліятельныхъ киргизскихъ людей будетъ направлена на дѣла волостей, на самосудъ; пусть каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ какое хочетъ вліяніе въ волости—не болѣе. Тогда онъ не парализуетъ правительственную силу, а будетъ содѣйствовать ей видамъ. За то всю внѣшнюю силу народа возможно заключить тогда въ рукахъ уѣздныхъ или окружныхъ начальниковъ, разгранича строго предѣлы ихъ власти и подчинивъ имъ безъ различія всѣхъ русскихъ и не русскихъ, живущихъ въ предѣлахъ подчиненныхъ имъ раіоновъ

Въ области Сибирскихъ киргизовъ разныя тяжбы, ссоры и недоумѣнія рѣшаются обыкновенно біями, которыхъ рѣшенія санкціонируются старшими султанами, имѣющими всю возможность заставить тяжущіяся стороны подчиниться приговору. Истцы изъ другихъ округовъ той же области обращаются со своими жалобами къ старшему султану округа, въ которомъ живетъ отвѣтчикъ, и всегда добиваются какого-нибудь рѣшенія. Это уничтожаетъ возможность всякихъ ссоръ между округами. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ; если старшіе султаны заинтересованы поддерживать судъ биевъ, то приказы едва ли не находятъ полезнымъ поощрять недовольство имъ. Благодаря этому и страху киргизовъ передъ нашимъ судомъ, послѣдніе не обращаются со своими нуждами къ окружнымъ; у здѣшнихъ же старшихъ султановъ нѣтъ силы, чтобы прекратить ссоры лицъ и

родовъ. Оттого между волостями и округами Семипалатинской области ведется обыкновенно множество счетовъ, преимущественно по дѣламъ кражи. Чтобы предупредить баранту, къ которой иначе непременно прибѣгли бы спорящіе киргизы, губернаторы Семипалатинской области, сперва генераль Пановъ, а потомъ генераль Колпаковскій, устраивали *топы*, мировые съѣзды почетныхъ лицъ и биевъ отъ обѣихъ спорящихъ сторонъ. Для характеристики топы, приведемъ въ переводѣ одно изъ условій, заключаемыхъ между біями спорящихъ сторонъ.

Условіе,

составленное по обычаямъ и шариату.

1865 года 15 августа, мы, нижеподписавшіеся султаны, старшины, бии и почетные люди Копальскаго и Алатавскаго округовъ, съ общаго согласія, составили настоящее условіе для рѣшенія споровъ и тяжбъ. Этимъ условіемъ мы и будемъ руководствоваться при будущихъ рѣшеніяхъ.

1) Дѣла, рѣшенныя на съѣздѣ султановъ Сюка Абланханова съ Буленемъ Шанхаевымъ, какъ покрытыя всепрощеніемъ (Салаватомъ), не подлежатъ рѣшенію настоящей топы. Тяжебныя же дѣла, возникшія съ тѣхъ поръ, подлежатъ рѣшенію безъ взысканія штрафа, если нарушеніе законовъ произошло до 15 августа 1865 года.

2) 15 Августа 1865 года, губернаторъ издалъ приказаніе окончить наши тяжебныя дѣла мировымъ съѣздомъ; если же и послѣ этого срока будетъ произведено воровство, на большую или малую сумму, то за такое воровство взыскиваются въ качествѣ штрафа: девять предметовъ, начиная съ верблюда, и кромѣ того: ханлыкъ, бейлыкъ, казылыкъ и волостлыкъ ¹⁾.

¹⁾ Штрафы въ пользу: хана (теперь султана), сія, судьи и волостного. Лыкъ значить—для. Эти штрафы опредѣляются судьями для волостного и султана, а послѣдними для судей, — обычай, существующій у всѣхъ мусульманскихъ народовъ.

3) Если кто будетъ имѣть искъ болѣе чѣмъ на пять штукъ скота, не имѣя для подкрѣпленія его никакихъ доказательствъ, то истецъ имѣетъ право избрать лицо, долженствующее подтвердить присягою вѣрность его иска, изъ цѣлой волости. Если искъ, при тѣхъ же условіяхъ, не будетъ превышать пяти скотинъ, то проситель выбираетъ лицо для присяги только изъ аула ¹⁾.

4) Если будетъ представленъ искъ по убійству, то лицо, присягающее въ подлинности убійства, избирается истцомъ изъ всей волости, къ которой принадлежитъ лицо, подозрѣваемое въ убійствѣ.

5) Если кто представитъ топѣ изловленнаго имъ вора, тотъ будетъ имѣть право, кромѣ штрафа, и на лошадь вора ²⁾.

6) Если воръ признается самъ въ кражѣ, то штрафъ за послѣднюю не полагается.

7) Если кто-либо, желая вернуть отъ кого-нибудь долгъ, угонить скотъ у невиннаго (не должнаго ему киргиза) то платитъ протыри, убытки и штрафъ.

8) Если лицо, избранное кѣмъ нибудь для очистительной присяги, не приметъ послѣдней въ назначенный день, то избравшій его признается виновнымъ и платитъ штрафъ или убытки, по опредѣленію суда.

¹⁾ Обыкновенный атрибутъ невыработаннаго суда есть обращеніе къ Богу. Въ результатѣ каждаго подобнаго суда, надъ кѣмъ бы то ни было, остается недоумѣніе и недостатокъ осязательныхъ данныхъ, безъ которыхъ, при недостаточности судебной процедуры, невозможно постановить рѣшеніе. Оттого необходимо убѣждаться въ истинѣ приведеніемъ къ присягѣ, Божиимъ судомъ, средневѣковыми ордалями, испытаніями водою, огнемъ, желѣзомъ и т. д. По мусульманскому шаріату недоумѣнія разъясняются присягою. Такой взглядъ болѣе всего приложимъ къ жизни киргизскаго народа. Здѣшніе аулы состояются исключительно изъ родичей, не могущихъ свидѣтельствовать передъ судомъ по дѣламъ, совершеннымъ въ аулѣ. Потомъ, народонаселеніе здѣсь такъ рѣдко, что мало по какому дѣлу можно найти достаточное количество фактическихъ уликъ. Такимъ образомъ, по необходимости, остается довольствоваться мистическими доказательствами.

²⁾ Въ важныхъ случаяхъ штрафъ состоитъ изъ *девятки*, девяти предметовъ въ нисходящей цѣнности отъ перваго предмета; напр. девятка отъ верблюда, отъ десяти лошадей и т. д.

9) Угнавшій скоть барантою будетъ судиться, какъ воръ.

10) Если лицо, обвиняемое кѣмъ либо, не окажется на сѣздѣ, то его обязанъ отыскать старшина того аула, къ которому онъ принадлежитъ. Если виновный окажется несостоятельнымъ, за него будутъ платить ближайшіе родичи

11) Если въ аулѣ будетъ украдено что либо пріѣзжимъ человѣкомъ, то киргизъ, дававшій ему пріютъ, долженъ будетъ отыскать вора. Если же пристанодержатель станеть отговариваться незнаніемъ вора, то искъ будетъ переданъ на судъ біевъ.

12) Если воровство произведено нѣсколькими лицами, а будетъ обличенъ одинъ, то послѣдній долженъ указать своихъ товарищей или уплатить весь искъ сполна.

13) Если хозяинъ украденной скотины выслѣдитъ ее въ лѣтнее время, то для присяги онъ избираетъ лицо изъ того аула, къ которому пришелъ слѣдъ. Если же истецъ отыщетъ свою скотину по зимнему слѣду, то присягу, доказывающую принадлежность ему пропавшей скотины, принимаетъ лицо одной съ истцомъ волости, по выбору обвиняемаго.

14) Каждый путешественникъ долженъ быть угощаемъ по мѣрѣ возможности. Если хозяинъ не пустилъ въ свою юрту путешественника, то онъ долженъ заплатить истцу лошадь и калатъ. Если путешественникъ не принять въ юрту въ отсутствіе хозяина его женою, то послѣдняя отдаетъ въ качествѣ штрафа свою рубаху и джавлукъ (бязевый головной уборъ).

15) Послѣ рѣшенія собравшимися теперь людьми всѣхъ дѣлъ, которыя возникнутъ до 15 октября 1865 года, всякій истецъ со своей жалобой долженъ будетъ обратиться къ бію своей волости. Послѣдній обязанъ рѣшить дѣло истца. Если которая либо изъ тяжущихся сторонъ не исполнила его приговора, то бій даетъ

(другой сторонѣ?) бумагу, за своею печатью, въ которой долженъ прописать ослушаніе. Если бій не приметъ жалобы и не дастъ, какъ выше прописано, бумаги, то съ него будетъ взыскано.

16) Если кто, потерявъ скотину, захочетъ вознаграждать за радостную вѣсть (сунчи ¹⁾), то можетъ дать за рогатую скотину—барана; за верблюда—тая (двух-годового быка). Вознагражденія же за эти расходы просить не имѣетъ права.

Въ удостовѣреніе подлинности написанныхъ шестнадцати условій, мы, нижепоименованные, печати приложили: Засѣдатель Минчасаръ Сазамбаевъ. Засѣдатель Искулатъ Надировъ. Бій Тлеинчи Балбыковъ. Волостной управитель Тайнике Дюсетевъ. Бій Тукумъ Сабаковъ. Бій Кудояръ Моктубековъ. Султанъ Бай Джидыргеревъ. Бій Бетень Мурунбаевъ. Бій Алибековъ. Бій Бекъ Мажинъ. Султанъ Камбаръ Алимовъ. Бій Булюкъ Тасубаевъ. Бій Глеугуль Глюбаевъ. Въ удостовѣреніе того, что обѣ стороны постановили такое рѣшеніе, я, старшій султанъ Копальскаго округа, Оразъ Буленевъ, печать приложилъ. Старшій султанъ Алатавскаго округа Джалайровскихъ волостей султанъ Газы Джангазынъ печать приложилъ.

Нечего и говорить, что подобные топы не легитимированы закономъ, а суть естественное и необходимое послѣдствіе недостаточности положеній, дѣйствующихъ въ степи.

Всей Семипалатинской области, въ особенности такъ называемому Семирѣченскому краю и Алатавскому округу, бесспорно, предстоитъ огромная будущность. Находясь въ центрѣ путей изъ Китая въ Туранъ и изъ обѣихъ этихъ странъ въ Россію, Семипалатинская область должна

¹⁾ Извѣстіе о мѣстѣ находженія пропавшей скотины.

когда-нибудь стать главнымъ пунктомъ среднеазиатской торговли. Даже теперь, когда едва прошелъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ отъ окончательнаго утверждения Россіи въ этихъ мѣстахъ, торговля Семипалатинска, Копала и Вѣрнаго стала принимать значительные размѣры. Приостановленная въ своемъ развитіи возстаніемъ дунгеней, она нашла себѣ другой путь и стала группироваться около Иссыкъ-Куля, на границѣ Кашгаріи, гдѣ возмущившіеся противъ Манжуровъ Ходжи удержали болѣе порядка, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ западнаго Китая. Стоитъ побывать здѣсь, чтобы убѣдиться собственными глазами, что русскіе не бесполезно двигались впередъ. Вѣроятно, не такъ далеко то время, когда Россія станетъ получать среднеазиатскою дорогою монету, которую она отпускаетъ въ западную Европу въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ.

Какъ и въ области сибирскихъ киргизовъ, торговые центры Семипалатинской области обязаны своимъ основаніемъ администраціи; дальнѣйшимъ же своимъ развитіемъ—своему положенію, спокойствію въ степи и безопасности путей сообщенія.

Въ отношеніи экономическомъ киргизы Большой Орды разнятся къ худшему отъ киргизовъ Средней. Потребности первыхъ ограниченнѣе, грубѣе и менѣе сложны. Съ киргизами Большой Орды купцы дѣлаютъ небольшие обороты, потому что они не берутъ у послѣднихъ ничего, кромѣ ситцу на рубашки, который и таскается до послѣдней возможности. Оттого торговля скотомъ не такъ значительна здѣсь, какъ въ волостяхъ Средней Орды. Намъ случилось быть у очень богатаго человѣка, правителя Атбановскихъ волостей, полковника султана Тезека. Въ его юртѣ такъ же грязно, какъ въ юртѣ послѣдняго бѣдняка его волостей. На деревянномъ корпусѣ юрты висѣли куски сырой баранины; кругомъ мѣшки съ просомъ и вся киргизская утварь, такая же перво-

бытная, какъ у всѣхъ киргизовъ. Тезекъ Ёсть то же, что и всѣ его единоплеменники, между тѣмъ какъ онъ обладаетъ многими сотнями, можетъ быть, тысячами китайскихъ ямбъ ¹⁾ и многочисленными стадами всякаго рода скота. Такая отсталость объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Большая Орда не платила податей и потребностямъ юсенецевъ не было доселѣ дано толчка, который повелъ бы ихъ къ сближенію съ купцами.

Если бы и существовали какія-либо соображенія, заставлявшія здѣшнее начальство не обкладывать Большую Орду ясакомъ, то эти соображенія никакъ не вытекали изъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Бояться неудовольствій со стороны киргизовъ едва-ли было возможно, если припомнить, что юсенецы, съ давнихъ поръ, несутъ чрезвычайно тяжелую подводную повинность, всегда превосходившую свою дороговизною цифру ясака. Вслѣдствіе непрерывнаго движенія войскъ по большому тракту и разстановки съ каждой весною отрядовъ по горнымъ проходамъ, наряжается множество верблюдовъ подъ свозъ тяжестей. Вмѣсто квартирной повинности, волости выставляютъ войскамъ юрты. Осенью верблюды и лошади возвращаются хозяевамъ въ самомъ жалкомъ видѣ, а тогда, при киргизскомъ хозяйствѣ, скотина и должна быть особенно сильна, чтобы выдержать зиму. За заборъ верблюдовъ и скота войска часто платятъ киргизамъ, хотя это, впрочемъ, совершенно бесполезно для владѣльцевъ скотины: полученныя деньги полностью поступаютъ въ карманы султановъ и волостныхъ. Мы собирали по ауламъ свѣдѣнія о томъ, что стоитъ киргизамъ Семипалатинской области натуральная повинность. Оказалось, что чегынъ или часть внутрен-

¹⁾ Ямбъ—слитокъ серебра въ пять фунтовъ. До возстанія дунгеной его курсъ былъ въ 200 р. с.; теперь же ямбы охотно отдають за 125 р.—Вообще, вслѣдствіе прекращенія торговли съ западнымъ Китаемъ, у степныхъ купцовъ накопилось множество серебра въ видѣ ямбовъ.

няго расхода волостей, падающая на каждого киргиза, достигаетъ четырехъ барановъ въ годъ съ юрты.

Казачьи поселенія въ Семипалатинской области страдаютъ тѣми же недостатками, какъ и въ области Сибирскихъ киргизовъ. Впрочемъ, въ Алатавскомъ округѣ, гдѣ окружный начальникъ имѣетъ большую надъ ними власть, гораздо менѣ слышно про казачій произволъ. Это очень многозначительно.

Меньшее количество произвола со стороны казаковъ Алатавскаго округа, вмѣстѣ съ отличнымъ ихъ экономическимъ положеніемъ и необходимостью, для блага степей, единства власти, наводитъ на слѣдующую мысль: не будетъ ли удобно Сибирскихъ казаковъ подчинить губернаторамъ областей, предоставивъ послѣднимъ права атамановъ? Тогда войсковое правленіе, поддерживающее изъ своихъ видовъ корпоративную особенность казаковъ, станетъ ненужнымъ. При губернаторахъ же, какъ командующихъ войсками, расположенными въ областяхъ, могутъ быть начальники штабовъ, которымъ, въ число прочихъ обязанностей, можно поручить и вѣдѣніе казачьихъ дѣлъ. Послѣ того корпоративный духъ казаковъ, не всегда полезный для государства, пропадетъ самъ собою, между тѣмъ какъ войско, если бы это полагали нужнымъ, могло бы нести всѣ свои прежнія военныя обязанности. Въ дѣлахъ наряда казаковъ на службу, дѣлахъ по управленію и хозяйству станицъ, начальники штабовъ были бы, конечно, справедливѣе и безпристрастнѣе войскового правленія. Это было бы и гораздо экономнѣе и облегчало, въ тоже время, правительство въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ относительно казаковъ.

Область Оренбургскихъ киргизовъ.

Прежде разсмотрѣнія управленія областью Оренбургскихъ киргизовъ считаемъ не лишнимъ выяснить тѣ причины, которыя вліяють и до сихъ поръ на точку зрѣнія оренбургскихъ властей.

До Абулхаира власть въ Малой Ордѣ принадлежала ханамъ по праву происхожденія отъ Чингизъ - Хана. Какъ ни безобразны были насилія хановъ, какъ ни произвольна была ихъ власть, но, въ сущности, послѣдняя была нормальна; потому что вытекала изъ условій дикой жизни и степени развитія киргизскаго народа. Не смотря на то, что хана не избрали бы, если бы онъ не имѣлъ своей сильной партіи въ народѣ, его произволь былъ ограниченъ извѣстнымъ условнымъ предѣломъ, переступая который онъ рисковалъ, по крайней мѣрѣ, своею властью.

Послѣ подданства Абулхаира, ханы стали назначаться нашимъ правительствомъ исключительно изъ его потомства. Скоро послѣ того, роли правительства и хана опредѣлились съ достаточною ясностью. Ханы могли дѣлать все, что хотѣли, не опасаясь народа, который не уважалъ фамилію Абулхаира, съ тѣмъ только, чтобы они сохранили покорность къ Россіи, которую ханское семейство считало похитительницею своихъ правъ. Такимъ образомъ, хану приходилось поддерживать порядокъ среди народа, который его не любилъ, и казаться преданнымъ правительству, которое онъ самъ не любилъ. Отсюда выработалась степная политика, которою киргизскія власти руководятся и до сихъ поръ: ханы стали обманывать и правительство и киргизовъ. Русской администраціи они угождали внѣшнимъ образомъ, въ народѣ же искали союзовъ съ богатыми и сильными. Передъ народомъ ханы сваливали свое самовластіе на

Росію и помощью вліятельныхъ лицъ изъ-подъ руки жаловались на свое фальшивое положеніе. Съ другой стороны, всякое неудовольствіе народа, вызванное, можетъ быть, раціональными причинами, ханы толковали правительству свойствомъ безпокойнаго киргизскаго народа, управлять которымъ помощью энергическихъ мѣръ нельзя. Чтобы имѣть свою партію въ народѣ, ханы убѣждали правительство потакать богатымъ и вліятельнымъ и упрасивали смотрѣть сквозь пальцы на ихъ произволь. Между тѣмъ, привлекая къ себѣ богатыхъ русскими руками, ханы получали возможность сформировать свою партію, чтобы давить ею народъ и обманывать правительство. Принужденное считать власть хана солидарною со своею, наше правительство, не замѣчая того, поддерживало произволь, который былъ натураленъ, пока сносился киргизами добровольно, а при русскомъ вліяніи сталъ нелѣпостью.

Пока существовали ханы, здѣшняя степь находилась къ Россіи въ отношеніяхъ чисто вассальныхъ и почти не существовало органовъ для завѣдыванія киргизскими дѣлами.

Послѣ была образована пограничная коммисія съ подчиненіемъ ее министерству иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно, что наша среднеазиатская политика изстари была необъяснимо слаба и отыскивала непреодолимыхъ затрудненія даже тамъ, гдѣ ихъ не существовало. Министерство иностранныхъ дѣлъ могло дать пограничной коммисіи только такія инструкции, какія оно дало бы всякому другому политическому агенту въ Средней Азіи; потому эта коммисія смотрѣла на степь, какъ на страну чужеземную, стать въ которой твердою ногою не было никакой надобности и пользы. Такая точка зрѣнія обусловливала и программу нашихъ дѣйствій въ киргизской степи оренбургскаго вѣдомства: стремленіе къ умиротворенію и сохраненію спокойствія во что бы то ни стало, под-

держаніе богатыхъ и знатныхъ, боязнь передъ вліятельными, равнодушіе къ интересамъ всего народа.

Когда въ 1811 году послѣдній ханъ, Джантюре, былъ убитъ потомкомъ же Абулхаира, султаномъ Каратаемъ, неестественность ханской власти стала очевидна, почему она и замѣнена сперва двумя, а потомъ тремя султанами-правителями. Такъ какъ послѣдніе въ глазахъ киргизовъ имѣли меньшее значеніе, чѣмъ ханъ, а правительство стало къ нимъ требовательнѣе, то султаны-правители еще болѣе старались сблизиться съ богатыми киргизами, предоставивъ остальной народъ его собственной судьбѣ.

Вслѣдствіе сказаннаго, большинство мѣръ, принимаемыхъ въ степи оренбургскаго вѣдомства, создавались по инициативѣ богатыхъ киргизовъ и подъ ихъ вліяніемъ, не только не свѣряясь съ нуждами народа, но даже иногда въ ущербъ бѣднымъ. Это нужно постоянно имѣть въ виду, объясняя себѣ положеніе степи оренбургскаго вѣдомства.

И такъ, правительство было введено въ заблужденіе и своимъ собственнымъ взглядомъ и импульсомъ снизу. Боязнь разрыва съ вліятельными людьми, боязнь взволновать степь стала тяготѣть надъ всѣми сужденіями о киргизской степи.

Пограничный взглядъ на степь нашель особенно сильную поддержку въ неудачномъ хивинскомъ походѣ Перовскаго. Затруднительность степныхъ походовъ, трудность стать прочно въ степяхъ, необходимость управлять киргизами съ линіи помощью вліятельныхъ лицъ, казались теперь очевидными источниками.

Испугъ Перовскаго передъ несуществующими пугалами застылъ надолго въ другихъ генералъ-губернаторахъ и передался всей оренбургской администраціи. Къ тому присоединились убѣжденія Сухтелена и Перовскаго, основанныя на господствовавшихъ тогда въ Европѣ

колоніальныхъ взглядахъ, о необходимости оставить киргизовъ пастухами, даже затруднять переходъ къ осядлости.

Вслѣдствіе общаго взгляда на степь, издавна уже стали прикармливать киргизовъ подарками и наградами. Въ большей части случаевъ милости сыпались на лицъ, производившихъ прежде безпорядки, а потомъ смирившихся. Цѣнность подарковъ и важность наградъ соразмѣрялась обыкновенно съ количествомъ враждебности къ Россіи и размѣромъ разбойничьей репутаціи. Въ сущности же эти милости были полезны только лично султанамъ — правителямъ, доставляя имъ возможность удобнѣе балансировать между правительствомъ и народомъ.

Генераль Катенинъ въ одну поѣздку въ степь роздалъ подарковъ на 10.000 руб. сер. Чтобы удобнѣе понять это обстоятельство, слѣдуетъ припомнить, что когда явился къ нему съ повинною головою убійца султана-правителя Араслана Джантюрина, Исетъ Кутебаровъ, генераль Катенинъ одѣлся для его встрѣчи въ полную форму.

Послѣ этого необходимаго введенія можно перейти къ очерку управленія Оренбургскими киргизами.

Область Оренбургскихъ киргизовъ раздѣляется на три части: западную, среднюю и восточную, управляемая султанами-правителями. Они выбираются изъ потомковъ Абулхаира генераль-губернаторомъ и утверждаются Государемъ Императоромъ.

Три части, на которыя раздѣлена область, идутъ длинными полосами съ сѣвера на югъ. Вѣроятно, при такомъ раздѣленіи имѣли въ виду, что лучшія зимовки киргизовъ, кочующихъ лѣтомъ, какъ внутри степи, такъ и по истокамъ Утвы, Ори и Тобола, находятся на берегахъ Каспійскаго моря, въ пескахъ Барсуки и на Сырь-Дарьѣ.

Части раздѣляются на мѣстности, дистанціи и роды, управляемые особыми начальниками¹⁾. Мѣстные начальники соотвѣтствуютъ аульнымъ старшинамъ Сибирской степи, какъ дистаночные—волостнымъ управителямъ. Тѣ и другіе назначаются султанами-правителями (волостные утверждаются областнымъ правленіемъ). Величина мѣстностей, дистанцій и родовъ не одинакова и зависитъ отъ представленія султана-правителя.

Султаны-правители вѣдаютъ всецѣло дѣлами административными, политическими, полицейскими и судебными, безъ всякаго вмѣшательства русскихъ властей. Изъ находящихся въ степи русскихъ командиръ сотни, состоящій при султанѣ въ качествѣ конвоя, находится въ полномъ ему подчиненіи. Коменданты Оренбургскаго и Уральскаго укрѣпленій, Карабутацкаго форта и Эмбенскаго поста тщательно выгорожены отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла киргизовъ. Слѣдовательно, султанъ-правитель есть полный и безконтрольный владыка ввѣренной ему части; въ сущности онъ можетъ быть самовластнѣе исчезнувшихъ хановъ, потому что тѣ не могли рассчитывать на такую полную поддержку Россіи.

Султаны-правители фактически управляютъ, однако, степью только лѣтомъ, во время ежегодныхъ объѣздовъ своихъ частей. Этотъ объѣздъ начинается съ весны и производится подъ прикрытіемъ сотни казаковъ. Султанъ-правитель окружаетъ себя тогда всѣмъ, что есть въ его части богатаго, знатнаго, сильнаго и умнаго. Къ юртѣ султана ставятся часовые, дѣлающіе ему на караулъ, а командиръ сотни долженъ ежедневно рапортовать ему о благосостояніи своей части и получать приказанія. Нельзя при этомъ не замѣтить, что

---

¹⁾ Киргизы, живущіе близъ линіи или такъ называемые прилинейные, раздѣляются на мѣстности и дистанціи; тѣ же, которые живутъ внутри степи или степные—на мѣстности и дистанціи, иногда-же на роды, заключающіе нѣсколько дистанцій.

видъ русскаго офицера, стоящаго на вытяжку передъ тупымъ халатникомъ, сидящимъ на корточкахъ въ сообществѣ кучи оборванныхъ киргизовъ — возмутителенъ. Во время объѣздовъ султанъ старается рѣшить всѣ дѣла, какъ текущія, такъ и накопившіяся за зиму. Обыкновенно къ осени онъ не кончаетъ и половины того, что бы ему слѣдовало рѣшить. Съ наступленіемъ зимы нерѣшенные дѣла, за незначительнымъ исключеніемъ, откладываются до слѣдующаго лѣта.

Зимою султаны-правители живутъ на линіи, представляя подчиненныхъ имъ киргизовъ на произволь судьбы ¹⁾. Тогда наступаетъ пора кулачнаго права, тѣмъ болѣе наглого, что на югѣ здѣшней степи, по берегу Каспійскаго моря, на Усть-Уртѣ, въ пескахъ Барсуки и по русской окраинѣ Аральскаго моря, т. е. въ мѣстахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ зимняго пребыванія султановъ-правителей, зимуютъ самые дикіе и своевольные киргизы. Едва-ли одна изъ главныхъ причинъ ихъ необузданности не заключается въ отсутствіи всякой правительственной опеки и удаленіи отъ правительственныхъ центровъ въ теченіе бѣльшей части года.

При управленіи частью султанъ-правитель опирается на мѣстныхъ, дистаночныхъ начальниковъ и родоначальниковъ. Ихъ отношенія къ султану не опредѣляются ничѣмъ, кромѣ личной воли послѣдняго. Между тѣмъ, какъ во время объѣздовъ султановъ-правителей при нихъ состоитъ сотня казаковъ, у второстепенныхъ киргизскихъ властей нѣтъ никакой опоры, чтобы, въ случаѣ нужды, силою поддержать свои распоряженія. Потому относительно подчиненныхъ имъ по закону киргизовъ мѣстные дистаночные начальники и родоначаль-

¹⁾ Въ Оренбургскомъ укрѣпленіи и Эмбенскомъ посту выстроены ставки для султановъ-правителей, стоившія казнѣ 40,000 р. с.; но послѣдніе не живутъ въ нихъ, а продолжаютъ зимовать на линіи, именно въ станицахъ: Изобильной, Илецкомъ Городкѣ и Усть-Уйскѣ.

ники пользуются только такою долею власти, которая естественно принадлежит имъ по количеству родственниковъ и состоянію. Въ большей части случаевъ власть дистаночныхъ крайне слаба и всегда оспаривается либо претендентами, достаточно сильными, чтобы соперничать съ ними, либо тѣми, которые принадлежатъ къ партіи, оппозиціонной султану и его сподручникамъ. Лѣтомъ, когда султанъ-правитель трогается въ свой объѣздъ, сторонники его, равно какъ богатые и знатные киргизы спѣшатъ на встрѣчу къ своему повелителю. Чтобы успѣть рѣшить огромное количество жалобъ, накопившихся въ теченіе зимы, султанъ-правитель разсылаетъ всѣхъ должностныхъ и знатныхъ лицъ, съѣхавшихся къ нему, для производства слѣдствій, разбирательствъ, примиренія ссорящихся родовъ и т. д. Другихъ онъ удерживаетъ при себѣ для блеска или рѣшенія болѣе важныхъ дѣлъ. Въ результатѣ оказывается, что ни одинъ дистаночный не бываетъ лѣтомъ при своей дистанціи.

Зная, такимъ образомъ, только трехъ султановъ-правителей, наша власть и не вмѣшивается въ ихъ распоряженія, если въ степи покойно. Сила, честность, энергія управленія, даже то или другое направленіе умовъ зависить, слѣдовательно, не отъ обдуманыхъ учрежденій, а отъ личныхъ качествъ султана. Вѣроятно, потому въ степи происходятъ иногда случаи, объяснить которые можно только неуваженіемъ киргизовъ къ власти и постояннымъ страхомъ послѣдней, чтобы не взволновать степь.

Въ 1855 году султанъ-правитель средней части Арсланъ Джантюринъ, исполняя приказанія начальства, потребовалъ у Чеклинскаго рода выдачи извѣстнаго разбойника Исетя Кутебарова. Но едва онъ двинулся на Чеклинцевъ съ линіи, какъ былъ окруженъ ими и убитъ съ десятию почетными біями. Вслѣдъ за тѣмъ въ степи

обнаружилось волненіе. Хотя наши войска и возстановили порядокъ, но организація степи не обновлена и султаны-правители оставлены, какъ нужное учрежденіе. Предводитель убійць, Исетъ Кутебаровъ, разбойникъ совершенно простого разбора, не только безусловно прощенъ, не только назначенъ начальникомъ Чеклинскаго рода, какъ *влиятельное* лицо, но и удостоился чести быть представленнымъ Его Величеству.

Логическимъ результатомъ безнаказанности такого преступленія былъ новый административный скандалъ. Вскорѣ послѣ описаннаго случая, султанъ-правитель западной части, подполковникъ Тяфкинъ, двинулся на Тазовцевъ, которые не хотѣли выдавать убійць одного знатнаго киргиза. Улучивъ удобную минуту, Тазовцы напали на Тяфкина и разогнали его свиту и конвой (50 казаковъ), причеиъ убито нѣсколько киргизовъ и одинъ казакъ. Областное правленіе рѣшило все дѣло мировою сдѣлкою, а оскорбленіе власти, скандалъ случая, а убитый казакъ показали въ Оренбургѣ до того ничтожными обстоятельствами, что на это не обратили вниманія.

При сосредоточеніи всѣхъ властей въ рукахъ султановъ-правителей, судъ долженъ былъ стереться и смѣшаться съ администраціей. Такъ и случилось. Теперь всѣ тяжбы и иски рѣшаются либо самими султанами, либо біями, по ихъ назначенію, либо, наконецъ, дистаночными. Слѣдовательно, всѣ судебныя дѣла рѣшаются административнымъ порядкомъ.

Въ законахъ существуютъ постановленія, которыми опредѣлено, какія судебныя дѣла подлежатъ русской юрисдикціи; но еще Перовскій весьма часто приказывалъ передавать подобныя дѣла на разбирательство дистаночныхъ начальниковъ. Съ тѣхъ поръ это принято за правило подъ тѣмъ предлогомъ, что судебные слѣдователи, состоящіе при областномъ правленіи, не знаютъ языка

и обычаевъ киргизовъ, и что въ распоряженіи областного правленія нѣтъ достаточно средствъ для командированія чиновниковъ въ степи. Начиная съ генералъ-губернатора и до болѣе добросовѣстныхъ султановъ-правителей, всѣ начинаютъ сознавать, что большинство безпорядковъ, происходящихъ въ степи Оренбургскаго вѣдомства, зависитъ отъ несуществованія здѣсь суда. Однако; возстановленіе древняго суда биевъ понимается тутъ особеннымъ образомъ. Назначенный генераломъ Крыжановскимъ новый султанъ-правитель западной части, Али-Магометъ Сейдалинь, говорилъ намъ, что онъ возстановилъ судъ биевъ. Послѣ мы видѣли засѣданія этого суда. Самъ Сейдалинь сидѣлъ на коврѣ и разбиралъ жалобы, направо и налѣво сидѣли бии, безмолвно смотрѣвшіе въ свои «брады». Они-то и должны были представлять воскресенную независимость суда биевъ.

Административная дезорганизация, вмѣстѣ съ неопредѣлившимся судомъ, произвела полный хаосъ въ поземельномъ пользованіи. Такъ какъ всѣ власти сосредоточены въ рукахъ султановъ-правителей, то они присвоили себѣ право раздавать зимовки. Не зная или не желая знать поземельныя нужды родовъ, султаны-правители раздавали зимовки изъ числа мѣстъ, обильныхъ травами и незанятыхъ до тѣхъ поръ, можетъ быть, именно потому, что они лежали на пути лѣтниковъ кочевовъ. Оттого затруднялось кочеваніе и зимовыя стойбища, лежащія на пути лѣтовокъ, стали травиться проходящими киргизами. Владѣльцы зимовокъ, охраняя свои луга отъ потравъ, часто становились въ необходимость оборонять силою свое имущество, отчего поземельные споры чрезвычайно усложнились. Дистаночные начальники не принимаютъ жалобъ по спорамъ за земли, такъ какъ они не въ состояніи удовлетворить ихъ. Сами султаны-правители чрезвычайно затрудняются этими спо-

рами, главнымъ образомъ потому, что истцы жалуются на цѣлые роды и ихъ подраздѣленія.

Какъ только явилась возможность нарушать безнаказанно поземельныя права, хозяевами степи сдѣлались богатые и сильные. Богатые люди сгоняли бѣдныхъ съ ихъ мѣстъ; сильные роды тѣснили болѣе слабыхъ. Адаевцы, Чумышъ-Табынцы, Чеклинцы, однимъ словомъ сильные роды не стали обращать вниманія на неприкосновенность не имъ принадлежащихъ зимовокъ. Оттого перекочевки этихъ родовъ съ юга, производимыя обыкновенно цѣлымъ родомъ или сильною его частью, сопровождаются потравою зимовокъ и кровопролитными драками, остановить которыя можно только приведя въ порядокъ поземельное пользованіе.

Вслѣдствіе системы управленія степью помощью богатыхъ людей, подать выразилась въ формѣ кибиточнаго сбора, одинаковаго для бѣдныхъ и состоятельныхъ. Но независимо отъ $1\frac{1}{2}$ руб., собираемыхъ съ каждой юрты, здѣсь, какъ и въ степи сибирскаго вѣдомства, существуетъ чегынъ или денежный сборъ на покрытіе негласныхъ расходовъ. Величина его приблизительно равняется $1\frac{1}{2}$ р. с. на каждую юрту, слѣдовательно, здѣшній чегынъ почти равняется сибирскому. Назначеніе чегына въ Оренбургской степи состоитъ въ кормленіи султановъ-правителей, чиновниковъ и вліятельныхъ лицъ; въ Сибири же, кромѣ того, онъ покрываетъ и натуральныя земскія повинности.

Укрѣпленія, находящіяся въ степи, имѣютъ исключительно оборонительный характеръ, и коменданты ихъ, безъ приказанія султана-правителя, не имѣютъ права дѣйствовать силою, для возстановленія порядка, даже тогда, еслибы недалеко отъ стѣны шла бы баранта. Во внутреннія дѣла киргизовъ комендантамъ запрещено вмѣшиваться еще обстоятельнѣе. Слѣдовательно, назначеніе укрѣпленій состоитъ въ томъ, чтобы служить

этапомъ проходящимъ воинскимъ командамъ и складомъ продовольственныхъ запасовъ. Такая цѣль выразилась въ выборѣ пунктовъ подъ укрѣпленія. Эти пункты лишены всякихъ хозяйственныхъ удобствъ, зато представляютъ выгоды для обороны противъ сильнаго непріятеля. Положеніе комендантовъ дѣлаетъ ихъ смѣшными въ глазахъ киргизовъ. Послѣдніе не только не слушаютъ ихъ, но при малѣйшемъ вмѣшательствѣ въ ордынскія дѣла жалуются на нихъ въ областное правленіе. Коменданты, видя неуваженіе къ себѣ киргизовъ и крайнюю робость, съ которою обращаются съ ними высшія власти, стали бояться какихъ-то опасностей, ожидать нападений и вообще часто сердечно обманывать себя и начальство, какъ это, съ другой стороны, дѣлали тоже, но съ намѣреніемъ, султаны-правители.

При укрѣпленіяхъ, можно сказать, нѣтъ поселеній.

Вмѣсто того, чтобы служить соединительными звеньями съ Россіей, существующія здѣсь укрѣпленія сосредоточились сами въ себѣ и приняли весь особенный складъ чисто-военныхъ учреждений. Мы видѣли въ Эмбенскомъ посту, какъ каждый киргизъ, пріѣзжающій туда, долженъ привязывать свою лошадь къ шесту, вбитому на картечный выстрѣлъ отъ вала, и ждать, покуда ему разрѣшатъ войти въ укрѣпленіе. Большія же толпы киргизовъ не подпускались къ посту вовсе.

Русскія поселенія въ степи сибирскаго вѣдомства дали возможность правительству стать здѣсь твердою ногою. До тѣхъ поръ она была въ томъ же положеніи, какъ и оренбургская степь. Послѣ колонизаціи степи значительные беспорядки стали тамъ невозможны, и нѣкоторыя изъ поселеній обратились въ центры степной торговли, которая, съ тѣхъ поръ, и развивается съ каждымъ годомъ. Здѣсь, при укрѣпленіяхъ, не существуетъ торговли. Небольшое число купцовъ, рискующихъ посылать свои товары въ степь, нанимаютъ такъ-назы-

ваемых кутеремщиковъ, т. е. киргизовъ, сбывающихъ своимъ одноплеменникамъ товаръ на бараны и получающихъ отъ купца одиннадцатаго барана комиссіонерской платы. Кредита не существуетъ и расплата производится немедленно за куплею, между тѣмъ какъ въ Сибирской степи она вся основана на довѣрїи купцовъ къ киргизамъ.

Купцы, отправляющіе въ степи свой товаръ, составляютъ, впрочемъ, исключеніе; весь же торговый оборотъ оренбургскаго края производится самымъ невыгоднымъ для насъ образомъ. Киргизы разныхъ родовъ каждое лѣто посылаютъ на линію довѣренныхъ лицъ, которыя гонятъ туда барановъ, везутъ войлоки, армячину, верблюжью шерсть и прочіе предметы кочевого хозяйства и на мѣновыхъ дворахъ приобрѣтаютъ на нихъ необходимые товары. Иначе: Оренбургъ и Троицкъ ведутъ со степью пассивную торговлю. Какъ ни неприятно звучитъ такое слово, однако, оно вѣрно передаетъ положеніе здѣшней торговли.

Чтобы приучить киргизовъ къ потребленію нашихъ произведеній и навязывать имъ то, что у насъ есть лишняго (какъ это дѣлаетъ съ нами западная Европа), намъ слѣдуетъ возить свои товары въ степи. Тогда мы будемъ хозяевами цѣнъ на скотъ; тогда мы будемъ отправлять въ степь то, что дѣйствительно не нужно намъ самимъ и станемъ руководителями киргизскихъ потребностей.

Если же будетъ наоборотъ; если киргизы станутъ продолжать пригонять свой скотъ на линію, то они должны открывать базарныя цѣны и покупать въ то же время только то, что имъ крайне необходимо.

Всѣ невыгоды пассивной торговли замѣчаются въ здѣшней степи совершенно отчетливо. Цѣна на скотъ болѣе, чѣмъ вдвое выше цѣнъ сибирскихъ; съ линіи вывозится очень много монеты; бумажки принимаются

неохотно; колебанія цѣнъ огромныя и часто поражаютъ своею нелѣпостью. Въ настоящемъ году въ степи покупался взрослый баранъ по 2 р. 50 к. или 3 р. сер.; въ Оренбургѣ же, въ разстояніи какихъ-нибудь 200 или 300 верстъ отъ этой цѣны, тотъ же баранъ стоилъ 5 р. и 5 р. 15 к. сер., а потомъ неожиданно упалъ на 3 р. Оренбургская степь представляется на глазъ европейца бѣдною пустынею, едва покрытою скудною растительностью. Исключеніе составитъ сѣверо-восточная ея часть, снабженная въ изобиліи всѣмъ необходимымъ даже для осѣдлаго населенія. Въ сущности же оренбургская степь не такъ бѣдна. Если въ степи сибирскаго вѣдомства, вслѣдствіе обилія луговыхъ травъ, болѣе лошадей и рогатой скотины, то здѣсь очень много верблюдовъ и овецъ, любящихъ травы, растущія на пескахъ и солонцеватой почвѣ. Въ итогѣ, какъ кажется, Оренбургскіе киргизы не бѣднѣе сибирскихъ, несмотря на отсутствіе администраціи и суда, несмотря на дурную систему податей и запутанность поземельнаго права. При всемъ томъ, потребности здѣшнихъ киргизовъ, благодаря пассивной торговлѣ нашей и отсутствію въ степи русскихъ колоній, чрезвычайно ограничены. Обстановка ихъ домашней жизни и нравы рѣзко отличаются къ худшему отъ Сибирскихъ киргизовъ. Если тамъ я видѣлъ у киргизовъ оружіе только на границѣ Китая, то здѣсь почти нѣтъ юрты, въ которой бы не было сабли и винтовки. Необходимость быть вооруженнымъ естественна тамъ, гдѣ права человѣка не обезпечены и гдѣ сила должна замѣнять право.

Изъ сдѣланнаго очерка слѣдуетъ:

1) Прочной администраціи въ оренбургской степи не существуетъ. Султаны-правители, поставленные надъ киргизами со властью хановъ, ведутъ на поводу правительство, которое, по сущности господствующей здѣсь системы, должно исполнять большинство ихъ желаній.

Благодаря ненадежности султановъ-правителей, чрезвычайно обширной власти, предоставленной имъ, и тому, что они непостоянно живутъ среди порученнаго имъ народа, правительственная власть въ степи Оренбургскаго вѣдомства не прочна и возможны серьезные безпорядки.

2) Второстепенныя власти назначаются изъ числа лицъ, преданныхъ султану, и потому не болѣе, какъ его сподручники. Всѣ киргизскія власти вообще заботятся только о поддержаніи видимаго спокойствія, часто насчетъ кредита русскаго правительства и пользы народа.

3) Судъ замѣненъ административнымъ разбирательствомъ, зависящимъ отъ султана-правителя.

4) Поземельныя отношенія не опредѣлены и право пользованія зимовками и лѣтовками не обезпечено.

5) Кибиточный сборъ, невыгодный для бѣдныхъ, слишкомъ уже легокъ для людей состоятельныхъ. Чегынь идетъ только на покрытіе расходовъ по злоупотребленіямъ.

6) Укрѣпленія, находящіяся въ степи, не способствуютъ къ возстановленію порядка и бесполезны для развитія торговли.

7) Военныя власти, находящіяся въ степи, подчинены киргизамъ, отчего здѣсь не могло быть возстановлено спокойствіе энергичными мѣрами.

8) Всѣ недостатки управленія степью зависятъ отъ традиціоннаго взгляда оренбургской администраціи, которая держится правилъ, выработанныхъ Сухтеленемъ, Генсомъ и Перовскимъ. Личный взглядъ генералъ-губернатора не имѣетъ никакого значенія для управленія, и весьма скоро послѣ его назначенія онъ подчиняется точкѣ зрѣнія, усвоенной администраціею.

Резюмируя все сказанное о русскомъ управленіи въ киргизскихъ степяхъ, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ:

Оренбургская степь управляется, какъ вассальное государство. Характеристика управленія состоитъ въ отсутствіи твердой администраціи и въ системѣ уступокъ, которыя, вмѣстѣ съ пассивною торговлею, и называются на мѣстномъ техническомъ языкѣ «пріурочиваніемъ» киргизъ къ Россіи.

Въ Сибирской степи правительство управляетъ страною фактически. Если киргизы не развиваются желательнымъ образомъ, тому причиною сложность администраціи и недостатокъ энергіи, зависящій отъ преждевременнаго раздвоенія власти на двѣ части: гражданскую и военную.

Слѣдовательно, Оренбургская степь требуетъ управленія русскими людьми, снабженными достаточною властью для возстановленія полнаго порядка и спокойствія въ степи Сибирская—видоизмѣненія слабыхъ приказовъ въ сильную просто организованную власть и освобожденіе народа отъ русскаго вліянія на тѣ условія киргизской жизни, которыми мы не можемъ управлять.

Такимъ образомъ, не смотря на совершенно различныя условія, въ которыхъ находятся обѣ степи, приходимъ къ одинаковымъ окончательнымъ результатамъ:

1) Въ киргизскихъ степяхъ необходимо уничтожить всѣ крупныя выборныя должности. Степь Оренбургскаго вѣдомства раздѣлить на области (вѣроятно на двѣ, по меридіану Мугоджарскихъ горъ), которыя раздробить на территоріальные округа, на волости и аулы.

2) Власти, исполнительную, военную и полицейскую, сосредоточить, относительно области, въ рукахъ губернатора; относительно округа, — у окружныхъ начальниковъ, опредѣливъ строго ихъ права и обязанности.

3) Волостные и аульные старшины должны быть избираемы всѣми взрослыми киргизами, безо всякаго ценза. По всѣмъ внутреннимъ дѣламъ предоставить народу полное самоуправленіе.

4) Дать наибольшее развитіе суду біевъ, освобожденному отъ правительственнаго вліянія по всѣмъ дѣламъ, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ подчинены русской юрисдикціи. Исполнительная власть должна требовать точнаго исполненія приговора суда біевъ.

5) Разрѣшить поземельный вопросъ закрѣпленіемъ зимовокъ на правѣ собственности, либо за лицами, либо, что, кажется, будетъ хуже, за семействами или подразделениями родовъ. При этомъ мѣста лѣтнихъ кочевокъ каждаго рода должны быть ясно опредѣлены. Поземельные споры по области рѣшать выборными біями, подъ предсѣдательствомъ губернатора; частные споры по округу и нарѣзку зимовокъ окончивать біями же подъ предсѣдательствомъ окружнаго начальника.

6) Сбирать усиленный противъ прежняго ясакъ (отъ 2 р. 50 к. до 3 р. с.), дѣлая валовой расчетъ по числу кибитокъ и предоставляя киргизамъ внутреннюю раскладку по состоянію. Раскладка должна производиться выборными, въ которыхъ былъ бы больше представленъ бѣдный элементъ. Раскладка по области между округами можетъ производиться подъ предсѣдательствомъ губернатора; по округу, между волостями, — подъ предсѣдательствомъ окружнаго начальника; по волости, между аулами и по ауламъ между лицами — подъ предсѣдательствомъ выборныхъ киргизовъ.

7) Мѣстопробываніе окружныхъ полагается въ станицѣ, для чего необходимо поселить около семи казачьихъ колоній въ степи Оренбургскаго вѣдомства ¹⁾.

¹⁾ Даже въ западной части, безспорно самой пустынной въ киргизскихъ степяхъ, есть мѣста, удобныя для поселеній, т. е. такія, гдѣ находится изобильная

Послѣ того принять въ основу принципъ свободной колонизаціи людьми разныхъ сословіи.

Полагаемъ, что труднѣйшая сторона дѣла, при устройствѣ киргизовъ, будетъ состоять не въ выработкѣ основныхъ положеній, даже не въ кодификаціи законовъ, а въ строгой послѣдовательности и большой волѣ, съ которою нужно будетъ примѣнять къ степи реформы. Безо всякаго сомнѣнія, оренбургская и сибирская власти будутъ находить тысячу затрудненій при введеніи того или другого закона.

Прежде чѣмъ выработать основныя начала, необходимо, какъ мнѣ кажется, стать хозяиномъ Оренбургской степи. Этого можно достигнуть смиреніемъ нѣкоторыхъ родовъ, которые не боятся до сихъ поръ русскихъ и не даютъ покоя степи.

Восточный берегъ Каспійскаго моря, отъ Гурьева городка до форта Александровскаго, называемый у киргизовъ Отрау, весь Усть-Уртъ и пески Барсуки служатъ зимовками большей части киргизовъ западной и средней частей. Изъ нихъ Отрау и Усть-Уртъ въ особенности считаются удобными мѣстами для зимовокъ, почему сюда съ появленіемъ снѣга начинаютъ стекаться разные роды, размѣщающіеся по берегу моря и по многочисленнымъ колодцамъ, находящимся на Усть-Уртѣ. Изъ числа родовъ, зимующихъ здѣсь, между устьемъ Урала и урочищемъ Тентекъ-Соромъ, располагаются Бершевцы, Иссыковцы, Черкесовцы, Тазларовцы и части другихъ родовъ. Отъ устьевъ Эмбы и урочища Тен-

---

прѣсная вода, луга, а кое гдѣ и камышь на топливо. По показаніямъ киргизовъ, эти мѣста слѣдующія: рѣка Верхній Илекъ, Большая Ходба, Утва, Калдагайты, озеро Челкаръ, мѣста по Уилу, мѣста, на которыхъ во время похода Перовскаго были построены вреленныя укрѣпленія Эмбенское и Чушка-Кульское; группа прѣсныхъ озеръ къ сѣверо-востоку отъ Иссенъ-Берды и гора Джиль-Тау, посредникъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, у сѣвернаго склона Усть-Урта. По поводу недостатка топлива можно замѣтить, что все Оренбургское казачье войско топить кизякомъ.

текъ-Соръ до трухменской земли зимуеть многочисленный Адаевскій родъ, распространяясь на Мангышлакъ и западную часть Усть-Урта ¹⁾. Въ восточной же части послѣдняго и по западному побережью Аральскаго моря зимують Чумышь-Табынцы.

Усть-Уртъ поросъ почти исключительно черною полынью, которая питаетъ не только верблюдовъ и овецъ, но и приученныхъ къ ней адаевскихъ лошадей. Невкусная вода очень глубокихъ колодцевъ, оставшихся отъ ногайскихъ временъ, служитъ людямъ; скоть же на тебеневкахъ ѣсть полынъ со снѣгомъ. Вслѣдствіе скудности кормовъ, киргизы, зимующие на Усть-Уртѣ, принуждены бываютъ кочевать все время отъ осени и до весны, когда трава, годная скоту, окончательно вытравливается. Съ таяньемъ снѣговъ всѣ роды, зимовавшие по Отрау и на Усть-Уртѣ, начинаютъ двигаться на сѣверъ и, останавливаясь на мѣстахъ, обильныхъ кормами, доходятъ до истоковъ Илека и Ори. При этомъ Адаевцы, по искони заведенному обычаю, переходятъ Эмбу между Иссенъ-Берды и урочищемъ Акъ-тамъ-Уй-мутъ; Чумышь-Табынцы же движутся съ зимовокъ въ пространствѣ между Акъ-тамъ-Уй-мутъ и Большими Барсуками. Если бы которая нибудь часть изъ двухъ поименованныхъ родовъ двинулась на сѣверъ въ пространствѣ, принадлежащемъ другому роду, она бы потравила чужіе корма и произошло-бы неминуемое столкновение. Къ веснѣ Адаевцамъ и Чумышь-Табынцамъ необходимо двигаться на сѣверъ по мѣрѣ появленія свѣжей травы на Эмбѣ, Сагизѣ и Уилѣ, потому что на Усть-Уртѣ оставаться нельзя, а южнѣ послѣдняго живутъ вѣчные киргизскіе враги—сильные Трухмены.

¹⁾ Тентекъ-Соромъ называется урочище, въ которомъ теряется Сагизъ. Это урочище состоитъ изъ непроходимыхъ солонцевъ и грязей, соединяющихся съ солонцами устьевъ Эмбы и тянущихся до моря. Потому адаевцы, двигаясь на зимовку къ Усть-Урту, должны непременно проходить съ восточной стороны Тентекъ-Сора.

Отрау и Усть-Уртъ лишены всякой правительственной опеки и надзора. Хотя на крайней западной точкѣ Мангышлака и существуетъ фортъ Александровскій, но ни по своему положенію, ни по законному отношенію коменданта къ киргизамъ онъ не имѣетъ политическаго значенія. Такимъ образомъ, Адаевцы и Чумышъ-Табынцы зимуютъ за предѣлами дѣйствія русской власти. Весну они проводятъ на Эмбѣ и Сагизѣ, когда султанъ-правитель, только что выѣзжающій тогда съ линіи, не можетъ съ ними встрѣтиться. Къ срединѣ лѣта султанъ-правитель можетъ спуститься къ Уилу, но тогда они начинаютъ уже откочевывать къ Усть-Урту. Во всякомъ случаѣ, весною, лѣтомъ и осенью, слышавъ объ экстренномъ приближеніи султана-правителя русскаго отряда, они начинаютъ откочевывать къ своимъ зимовымъ стойбищамъ, покрывшимся уже травою, и живутъ тутъ, при колодцахъ, пока не минуетъ гроза.

Сознавая, что они недосыгаемы для русскихъ, Адаевцы и Чумышъ-Табынцы, послѣдніе, впрочемъ, меньше, при лѣтнихъ перекочевкахъ позволяютъ себѣ производить всевозможные безпорядки, травятъ зимовки, грабятъ и не слушаютъ никакихъ увѣщаній. Кибиточный сборъ платится ими едва ли за половину дѣйствительной цифры юртъ. Наконецъ, къ этимъ племенамъ бѣгутъ и находятъ пріютъ всѣ желающіе производить безпорядки въ степяхъ, всѣ тѣ, которыхъ оренбургское начальство называетъ послѣ вліятельными киргизами.

Единственное средство обуздать Адаевцевъ и Чумышъ-Табынцевъ состоитъ въ томъ, чтобы поставить на Усть-Уртѣ власть, достаточно сильную для смиренія непокорныхъ.

Этого можно достигнуть образованіемъ на Усть-Уртѣ военнаго округа, по примѣру Алатавскаго, который бы занималъ все пространство отъ Тентекъ-Сора по Эмбѣ до песковъ Барсуки и трухменской земли, съ

цѣлю обузданія Адаевцевъ и Чумышъ-Табынцевъ и утвержденія спокойствія на Усть-Уртѣ.

Окружному начальнику могли бы быть даны права начальника Алатавскаго округа и его непосредственному вѣдѣнію поручены двѣ сотни казаковъ и два орудія.

У.

Хозяйство, рукодѣлія и промышленность киргизъ.

Такъ какъ главнѣйшее занятіе киргизъ состоитъ въ скотоводствѣ, то и благосостояніе ихъ слѣдуетъ опредѣлять количествомъ табуновъ. Это богатство не одинаково въ различныхъ частяхъ степи; оно зависитъ отъ выгоды пастбищъ, качества произрастающихъ на нихъ травъ и т. п.; однимъ словомъ, отъ качества почвы и климатическихъ условій, въ которыя поставлены самою природою различныя части киргизскихъ степей.

Въ южной, песчаной, части степи съ особеннымъ успѣхомъ разводятся верблюды и овцы, отличающіеся ростомъ и тучностью; теплый климатъ и природная склонность этихъ породъ скота питаться соляными травами, степною полынью и верхушками разныхъ свойственныхъ этой части степи кустарниковъ много способствуетъ ихъ размноженію, не взирая на недостатокъ водопоевъ, такъ какъ отъ недостатка воды они нисколько не страдаютъ. Напротивъ, въ сѣверной степи, снабженной во множествѣ ручьями и озерами, хорошими лугами и растущей по равнинамъ ковыль-травой, любимую пищу степныхъ коней, особенно удобно раз-

водить лошадей и крупный рогатый скотъ, который, при томъ, безъ большого призражня переносить зиму, укрываясь въ лѣсахъ и кустарникахъ сѣверной полосы степей. Много барановъ и овецъ можно найти и въ сѣверныхъ степяхъ, но за то верблюдовъ замѣтно меньше, такъ какъ они дурно переносятъ сильные и продолжительные холода, и на зиму обыкновенно имѣющихся здѣсь верблюдовъ обшиваютъ кошмою или войлокомъ. Для барановъ на зиму запасаютъ сѣно или же, за недостаткомъ его, бывають вынуждены разгребать сугробы снѣга, чтобъ имъ можно было питаться подснѣжною травою; но и при такихъ предосторожностяхъ въ сѣверной степи во время жестокихъ холодовъ погибаетъ множество верблюдовъ и барановъ.

Между киргизскими табунами особенныхъ эпидемическихъ и повсемѣстныхъ болѣзней не бываетъ, но взаимнѣ того много погибаетъ скота отъ недостатка кормовъ и суровости погоды. Впрочемъ иногда появляется среди степей такъ называемая сибирская язва, по мнѣнію киргизъ заходящая къ нимъ съ Барабинской степи; тогда гибнетъ скота безчисленное множество. Но еще болѣе того истреблялось киргизскаго скота во время продолжительнаго неустройства степей, когда междоусобіе господствовало изъ конца въ конецъ по всей степи.

И, дѣйствительно, прежде признавали бѣднымъ киргиза, который не могъ насчитать у себя тысячи барановъ и ста лошадей, у людей же достаточныхъ барановъ, какъ говорятъ киргизы, «счету нѣтъ», и табуны лошадей бывали у такихъ въ десять тысячъ и болѣе головъ; нынѣ же глава семьи, обладающій двумя тысячами барановъ и сотнею, другой лошадей, считается величайшимъ богачемъ, но и такихъ въ настоящее время считается мало. Впрочемъ на такое видимое уменьшеніе скота, вѣроятно, имѣло вліяніе и болѣе равномѣрное его

распредѣленіе между киргизами, послѣ прекращенія въ степи безпокойствъ и насилія, а также, по всей вѣроятности, и вскорѣ затѣмъ открывшаяся усиленная мѣна скота за границу степи.

Въ послѣднее время, судя по таможеннымъ отчетамъ, средняя цифра сбыта киргизскаго скота въ Россію простирается отъ 500 до 800 т. барановъ и отъ 20 до 40 т. лошадей; около того же количества выходитъ изъ Киргизской степи и за прочія границы. Рогатаго скота отпускается за границу отъ Оренбургскихъ киргизъ сравнительно незначительное количество.

Лошади киргизскія (жилки) немного менѣе средняго роста, сложенія крѣпкаго, бываютъ иногда довольно статныя, но по большей части некрасивыя, чрезвычайно способныя къ перенесенію всякихъ трудностей и къ продолжительному бѣгу, легки, быстры. Даже при дурномъ кормѣ и при недостаткѣ водопоя, во время долгаго пути, лошади эти не теряютъ силъ и бодрости, но онѣ болѣе всего годны подъ верхъ и съ большимъ трудомъ пріучаются къ упряжи.

У киргизской лошади есть какъ бы собственный свой алюръ, что-то среднее между галопомъ и карьеромъ; этимъ алюромъ лошадь можетъ идти очень долгое время и послѣ небольшого отдыха продолжать тоже самое; такъ что рѣдкая киргизская лошадь не можетъ проскакать до восьмидесяти верстъ въ сутки безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Табуны киргизскихъ лошадей раздѣляются по большей части на три разряда или косяка: въ первомъ ходятъ дойныя матки (байталъ), пасомыя отборнымъ жеребцомъ (алгырь), который по природному побужденію охраняетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, защищаетъ отъ хищныхъ звѣрей, перегоняетъ на выгоднѣйшія пастбища и къ водопою; двухъ жеребцовъ въ одномъ такомъ табунѣ быть не можетъ, ибо въ противномъ случаѣ, почуввъ

другъ друга, они бросаются съ остервененіемъ въ драку, грызутъ другъ друга и одинъ непременно долженъ погибнуть. Другой табунъ составляется изъ однихъ коней (атъ), начиная съ трехлѣтнихъ и далѣе; эти рѣдко пасутся съ самками; а въ третьяго рода табунахъ пасутся одногодки и жеребята до двухъ лѣтъ (куланъ). Двухлѣтокъ обыкновенно начинаютъ объѣзжать и это почти всегда предоставляется дѣтямъ. Можетъ быть отъ такого ранняго употребленія въ работу киргизскія лошади остаются малорослыми, какъ бы не вполне развившимися, но за то вполне развившагося степного коня не безопасно и выѣзжать.

Киргизскіе овцы и бараны отличаются отъ всѣхъ другихъ породъ; главное отличіе состоитъ въ значительно развитомъ горбѣ носа и въ хвостѣ, который обыкновенно называется русскими «курдюкъ» а киргизами «куйрю», и состоитъ изъ огромной, кругловатой, снизу нѣсколько раздваивающейся массы чистаго жиру (вѣсомъ отъ 10 до 45 фунтовъ), смотря по возрасту и степени сытости барана; такъ что иногда чистаго и довольно нѣжнаго безъ всякаго запаха сала можно вытопить изъ одного хвоста до 30 ф. Кромѣ того, киргизскія овцы довольно большаго роста и очень сильны и выносливы. Шерсть у нихъ, хотя и довольно длинная и волнистая, но грубая; цвѣтъ ея большею частію бываетъ темно-рыжій, а бѣлый и черный цвѣта попадаются какъ рѣдкое исключеніе. Киргизскія овцы хорошо переносятъ зной, холодъ и недостатокъ воды. Большіе переходы овцы также выносятъ исправно и могутъ довольствоваться круглый годъ самою скудною пищею; кромѣ того, молоко и мясо ихъ составляетъ главнѣйшую пищу киргизъ, а кожа и шерсть идутъ на одежду, а потому киргизы на разведеніе овецъ и обращаютъ главное вниманіе.

Козы у киргизъ (ишке) видомъ своимъ мало отли-

чаются отъ общеизвѣстнаго своего типа. Онѣ вообще бываютъ бѣлыя и рѣдко черныя или пестрыя. Длинную бѣлую шерсть ихъ стригутъ, но подъ этою шерстью у здѣшнихъ козъ растеть еще другая, легкая и нѣжная шерсть или козій пухъ.

Верблюды принадлежатъ также къ числу полезнѣйшихъ породъ скота, разводимыхъ киргизами; они здѣсь часто замѣняютъ лошадей и приносятъ величайшую пользу, особенно въ южной степи: на нихъ киргизы совершаютъ свои странствованія по безводнымъ и пустыннымъ степямъ, на нихъ везется при перекочевкахъ весь домъ (кибитка со всѣми домашними принадлежностями) и вся семья; шерсть верблюда идетъ на приготовленіе одежды, а густое вкусное молоко на пропитаніе; мясо ихъ въ крайности также употребляется въ пищу, а кожа идетъ на обувь и сѣдельныя уборы.

У киргизъ водится двухгорбая порода верблюдовъ, которыхъ они называютъ «тюйя»; эта порода предпочитается здѣсь одnogорбымъ дромадерамъ (по киргизски «наръ»), такъ какъ по густотѣ и величинѣ шерсти своей они болѣе способны къ перенесенію холоднаго степного кжимата; впрочемъ около Аральскаго моря не рѣдко можно встрѣтить и наровъ. Расплодъ верблюдовъ идетъ очень медленно; верблюдица носить ровно годъ, и, сверхъ того, необходимымъ бываетъ продолжительный и внимательный уходъ за молодыми. Всѣ самцы верблюды, исключая весьма немногихъ, оставляемыхъ для приплода, холостятся. Верблюжатамъ (бата) въ самой ранней молодости прокалываютъ ноздри и продѣваютъ туда обдѣланную кость или палочку такъ, что на одномъ концѣ оной имѣется родъ широкой шапочки, которою эта палочка и задерживается въ носу верблюда; къ другому же концу палочки привязывается поводъ для управленія верблюдомъ. Къ переноскѣ тяжестей ихъ приучаютъ постепенно; вообще же при кочеваніи на

большія разстоянія принято навьючивать не болѣе 16 пуд. на одного верблюда и только особенно сильные могутъ выносить въ такомъ случаѣ до 22 и 25 пуд.

Верблюды животное очень тихое, послушное и чрезвычайно терпѣливое; но оставляемое долгое время на свободѣ, дичаетъ, дѣлается упрямымъ и строптивымъ. Они не могутъ ходить табунами, а всегда пасутся одиноко, расходясь на далекія разстоянія; любимую ихъ пищу составляютъ соленыя колючія травы и кустарники, никакимъ другимъ скотомъ не употребляемые; безъ воды же, какъ всѣмъ извѣстно, могутъ обходиться весьма долгое время. Топкихъ мѣстъ и грязи верблюды не любятъ, такъ какъ, имѣя легкія ступни, скользятъ по топкому мѣсту какъ по льду, и падаютъ, повреждая сильно ноги; по той же причинѣ, вѣроятно, они боятся и воды, въ которую входятъ съ большимъ трудомъ.

Коровъ (саиръ) у киргизовъ менѣе, чѣмъ прочаго скота, какъ потому, что молоко и мясо ихъ вполне замѣняются охотнѣе употребляемымъ лошадинымъ, овечьимъ и верблюжьимъ, такъ и потому, что ихъ признаютъ неспособными къ перенесенію продолжительныхъ и дальнихъ перекочеваній; зимою же онѣ менѣе прочаго скота способны добывать себѣ кормъ изъ подъ снѣга. Коровы киргизскія роста низкаго, но довольно удоины; ихъ начали держать и разводить киргизы съ недавняго времени, именно со времени извѣстнаго бѣгства калмыковъ изъ Россіи въ Джунгарію въ 1771 году, когда отбитые калмыцкіе табуны разсѣялись по всей степи и укоренилось разведеніе рогатаго скота. Быковъ еще меньше у киргизъ, они называются «огузь», а телята «бада»; вообще же скотъ называется словомъ «маль».

Скотъ киргизскій пасется по степи, иногда вблизи ауловъ, а по большей части очень далеко отъ нихъ, и въ послѣднемъ случаѣ при табунахъ находится одинъ, много два пастуха; чаще же всего скотъ оставляется

безъ всякаго надзора. Если около пастбища мало воды или она имѣется только въ колодцахъ, то лошадей и рогатый скотъ сгоняютъ на водопой разъ въ день, а барановъ два раза и разъ въ недѣлю; когда же воды много, то о водопой никто и не заботится и скоту предоставляется пить когда ему угодно. Весь уходъ за скотомъ ограничивается тѣмъ, что его перегоняютъ изрѣдка на другое мѣсто пастбища, пока кругомъ не будетъ потравленъ весь подножный кормъ; послѣ этого киргизы перекочевываютъ на новое мѣсто, причемъ рѣдко посылается кто-либо впередъ для осмотра новыхъ пастбищъ, такъ какъ мѣста кочевокъ всѣ извѣстны; развѣ только ѣздятъ для того, чтобъ удостовѣриться не прошелъ ли кто прежде по этому направленію и не потравилъ ли кормовъ. Но и это обстоятельство не останавливаетъ кочеванія, которое имѣетъ вообще два главныхъ направленія: къ лѣту—на сѣверъ и къ зимѣ—обратно на югъ.

Въ зимнее время скотъ остается подъ открытымъ небомъ. Обыкновенно въ это время на извѣстное пастбище сначала пускаютъ лошадей; впереди ихъ идетъ табунный жеребецъ, за нимъ слѣдуютъ кобылы, потомъ всѣ прочія лошади; онѣ, разгребая снѣгъ копытами, съѣдаютъ верхушки находимыхъ подъ снѣгомъ травъ. За лошадьми на то же мѣсто гоняютъ верблюдовъ и рогатый скотъ, а за ними уже барановъ и козъ, которые довольствуются остатками корня, легко добывая его изъ подъ размятаго передними стадами снѣга. Этотъ способъ прокормленія скота называется «тебеневкою» и былъ бы для киргизскаго привычнаго къ тому скота довольно сноснымъ, если бы не сильные холода или, что еще хуже, гололедица; въ послѣднемъ случаѣ гибель множества скота неизбежна, такъ какъ ему бываетъ трудно разбивать ледъ копытами. Нѣкоторые киргизы для молодого скота и на случай жестокихъ холо-

довъ, бурановъ и гололедицы запасаются сѣномъ или за недостаткомъ его зеленымъ камышемъ.

Пастбища для своего скота киргизы имѣютъ обыкновеніе въ началѣ весны и передъ зимою улучшать выжиганіемъ, пуская для того палы, и на мѣсто старой или погорѣвшей отъ солнца травы, быстро на выжженномъ пространствѣ показывается мягкая и свѣжая трава. Пожары или палы эти нерѣдко причиняютъ бѣдствія степнымъ лѣсамъ, а также и киргизскимъ пашнямъ; иногда палы переходятъ нашу границу и истребляютъ ближайшія къ ней селенія. Для произведенія пала киргизы выжидаютъ сильнаго вѣтра, а потомъ съ одного края того пространства, которое желаютъ выжечь, зажигаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ траву, и огонь, быстро распространяясь, составляетъ огненный валь, который несется съ быстротою по направленію вѣтра, уничтожая все на пути своемъ. Такіе пожары продолжаются до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до рѣки или какого-нибудь глубокаго оврага или же пока не погасятся дождемъ; въ противномъ случаѣ ихъ нѣтъ возможности остановить по чрезмѣрной обширности занимаемаго ими пространства.

Послѣ скотоводства другое важнѣйшее и любимое занятіе у киргизъ всегда составляла охота; волки, лисицы, зайцы, барсуки, барсы, дикія лошади, дикія козы, сайги, серны промышляются киргизами въ разныхъ мѣстахъ степи во множествѣ. Охота въ разныхъ мѣстахъ производится различно: иногда охотникъ верхомъ гонить звѣря во весь духъ; пока не загонитъ или же не убьетъ его; иногда для охоты употребляютъ собакъ; иногда же ловятъ звѣрей петлями, ловушками, капканами и выкапываютъ ихъ изъ норъ. Но болѣе всего киргизы любятъ охотиться съ соколами, ястребами и беркутами; послѣдніе бывають столь сильны и искусны, что бьютъ даже лисицъ и волковъ. Киргизы рѣдко пу-

скаютъ своихъ соколовъ и коршуновъ на птицъ—утокъ, гусей, фазановъ, куропатокъ и т. п., потому что они въ пищу птицъ не употребляютъ и потому что полагаютъ, будто соколы или коршуны, погонявшись нѣсколько разъ за птицами, перестаютъ бросаться на звѣрей. Беркутовъ и коршуновъ киргизы достаютъ большею частью съ русской границы и иногда за лучшихъ птицъ даютъ на промѣнъ по двѣ лошади со всѣмъ съдельнымъ приборомъ. Собакъ вездѣ употребляютъ по большей части простой породы; но въ южной степи не рѣдко можно встрѣтить у достаточныхъ киргизъ и превосходныхъ борзыхъ собакъ—туркменокъ необыкновенной красоты и легкости.

Киргизы нынѣ занимаются также и рыбною ловлею, ибо съ уменьшеніемъ скота въ степи, начали привыкать и къ рыбной пищѣ; рыбу ловятъ по рѣкамъ и озерамъ и употребляютъ преимущественно соленую и сушеную. Къ числу занятій принадлежатъ еще разныя рукодѣлія, какъ-то: приготовленіе войлоковъ, армячины, выдѣлка кожъ и изъ нихъ кожаной посуды, приготовленіе аркановъ и т. п. потребныхъ въ домашнемъ быту предметовъ. Важнѣйшее изъ этихъ производствъ—приготовленіе изъ овечьей шерсти войлока или кошмы, служащаго для покрытія кибитокъ, употребляемаго вмѣсто ковровъ на зимнія попоны верблюдовъ и т. п. нужды. Войлоки эти готовятъ слѣдующимъ образомъ: сначала шерсть разбивается палками на сухихъ кожахъ, потомъ разстилаютъ ее на старомъ войлокѣ или на камышѣ и разравниваютъ такъ; чтобы шерсть вездѣ лежала по возможности ровнымъ слоємъ, причемъ иногда разноцвѣтною шерстью выкладываются различные и затѣйливые узоры. Потомъ поливаютъ разложенную шерсть кипяткомъ и съ подложеннымъ внизу старымъ войлокомъ или камышевою подстилкою свертываютъ плотно и накрѣпко обвиваютъ веревками; наконецъ, нѣсколько

человѣкъ непрерывно поднимають къ верху такой свертокъ и со всею силою бросаютъ на землю, продолжая это до тѣхъ поръ, пока шерсть въ новомъ войлокѣ не собьется вмѣстѣ. Тогда раскладываютъ свертокъ на ровномъ мѣстѣ, накладываютъ по всѣмъ замѣченнымъ на новомъ войлокѣ неровностямъ, сколько потребуется шерсти, поливають снова кипяткомъ и продолжаютъ дѣйствовать по прежнему пока не получится вездѣ ровная и плотная кошма. Войлоки бываютъ различной ширины и длины; самая большая длина, однако, не простирается свыше 15 арш., а ширина до 5 арш.

Кромѣ войлока изъ овечьей шерсти многіе прядутъ еще нитки, окрашиваютъ ихъ въ разные цвѣта и ткутъ изъ нихъ довольно длинныя ткани, похожія болѣе на широкія тесмы; такія ткани употребляются вмѣсто ковровъ, а иногда сшиваются вмѣстѣ и употребляются для занавѣшиванія стѣнъ кибитки и устройства въ ней перегородокъ. Цвѣтными же нитками овечьей шерсти обиваютъ стебли сухого, тонкаго камыша или растенія «чіи» (имѣетъ видъ соломы, но длиннѣе, тоньше и значительно прочнѣе оной); потомъ, обвитые такимъ образомъ отдѣльные стебли сплетаютъ между собою столь искусно, что они походятъ на красивыя сѣтки или ковры; такими разукрашенными циновками обставляютъ по большей части внутреннія стѣны кибитки, но нерѣдко употребляютъ ихъ для покрытія земли въ кибиткахъ.

Изъ негодной на ткани шерсти, соединяя ее съ козью шерстью и конскимъ волосомъ, или же чаще изъ одной козьей шерсти и конскаго волоса, свиваютъ довольно прочныя веревки или «арканы»; причѣмъ они имѣютъ то удобство, что при легкости своей достаточно прочны и гибки, какъ въ сырую, такъ и въ холодную погоду; въ прочности однако жь они уступаютъ пеньковымъ веревкамъ, употребляемымъ при перевозкѣ товаровъ и другихъ значительныхъ тяжестей.

Изъ верблюжьей шерсти, которая вообще бываетъ лучше и тоньше овечьей, готовятъ прочную матерію, въ родѣ камлота, извѣстную у русскихъ подъ названіемъ армячины, а по киргизски «чуга»; изъ нея киргизы дѣлаютъ свою верхнюю одежду или халаты. Отъ неумѣнья хорошенько обработать эту ткань, она бываетъ почти всегда довольно груба и не шире поль-аршина; но близъ русской границы эту армячину выдѣлываютъ довольно тонкую и широкою, и тогда она, если бѣлаго цвѣта, имѣетъ видъ кашемира. Изъ козьяго пуху готовятъ весьма легкіе и красивые бѣлые и сѣрые войлоки на шляпы (колпаки). Самое тканье производится первобытнымъ способомъ; для этого растягиваютъ основу съ помощью колышковъ на ровномъ мѣстѣ на землѣ и приступаютъ къ работѣ.

Зимнюю одежду киргизамъ доставляютъ опять же бараны; впрочемъ большинство киргизъ, подобно нашимъ простолюдинамъ, не снимаютъ зимней одежды и лѣтомъ. Для шубъ своихъ или тулуповъ киргизы готовятъ овчины¹⁾, а для шапокъ мерлушки. Работа производится слѣдующимъ образомъ: сначала овчину моютъ въ теплой водѣ, скоблятъ тупымъ ножомъ, чтобъ очистить кожу отъ мясныхъ частей (мездру); потомъ, растянувъ посредствомъ колышковъ на землѣ, мажутъ дня три, по нѣсколько разъ въ день, кислымъ, нѣсколько посоленнымъ, коровьимъ молокомъ, а потомъ, высушивъ, мнутъ руками до тѣхъ поръ, пока кожа не сдѣлается опять мягкой. Послѣ этого ее коптятъ въ дыму, зажигая для того овечій и коровій пометь, чѣмъ производится дубленіе; въ заключеніе кожу снова мнутъ, натираютъ мѣломъ и шерсть чешутъ гребнями

Кожи баряни и козьи, собственно для легкой

¹⁾ Богатые употребляютъ и ергаки, т. е. шубы изъ жеребьячьихъ кожъ, шерстью вверхъ; кожи жеребятъ выдѣлываются точно также, какъ и овчиньи вообще.

одежды, приготовляются другимъ образомъ: сперва даютъ имъ прѣть въ сыромъ и тепломъ мѣстѣ, пока волоса не начнутъ сами собою вылѣзать; тогда кожи обскабливаютъ съ обѣихъ сторонъ и на нѣсколько дней кладутъ въ кислое молоко; потомъ очищаются и развѣшиваются въ тѣни для просушки. Послѣ этого, выкоптивъ въ дыму, ихъ красятъ въ краснобурый, темножелтый, желтый и черный цвѣта, и, когда краска высохнетъ, мнутъ руками, дабы доставить имъ надлежащую мягкость. Такого рода кожи очень прочны, мягки, напоминаютъ замшу и легко моются; изъ нихъ приготовляются богатые халаты и шаровары, расшитые шелками; причѣмъ за такіе халаты любители платятъ до 40 р. с., а за шаровары до 12 и 20 руб.

Конскія, верблюжьи и бычачьи кожи идутъ на приготовленіе особенной кожаной киргизской посуды, обуви, сѣдельныхъ уборовъ и т. п. издѣлій, гдѣ требуется особенная прочность кожи. Для выдѣлки кожаной посуды хребтовая часть кожъ по своей толстотѣ признается лучшею; иногда изъ цѣлой кожи сшиваютъ большіе сосуды, такъ напримѣръ «сабы», ведеръ въ восемь вмѣстительностью.

Выбранную для сосуда кожу варятъ или оставляютъ прѣть, чтобы очистить отъ волосъ; потомъ моютъ въ чистой водѣ и квасятъ довольно долго въ кисломъ и соленомъ молокѣ; вынувъ изъ молока, кожу растягиваютъ на кольяхъ и, выкроивъ по желанію, тотчасъ же сшиваютъ сосудъ жилами, послѣ чего сушатъ его исподоволь на огнѣ, выправляя руками и придавая желаемую форму. Приготовленная посуда коптится въ дыму, но гораздо продолжительнѣе и тщательнѣе всякихъ другихъ кожъ; отъ этого она дѣлается совершенно непроницаательною для влажности.

Крашеніе кожъ производится корнями разныхъ степныхъ растеній, а окраска шерсти производится вареніемъ

ихъ въ красильномъ составѣ, куда прибавляется нѣсколько квасцовъ.

Женщины занимаются вышиваніемъ золотыми и серебряными нитками, шелками, разноцвѣтными бумажными и шерстяными нитками по кисеѣ, сукну, атласу, бархату и выдѣланнымъ на подобіе замши бараньимъ и козьимъ козамъ. Вышивки ихъ представляютъ смѣшеніе цвѣтовъ и разныхъ линейныхъ и кругообразныхъ фигуръ, пестроты необыкновенной, не лишенныхъ, однако же, нѣкоторой симметріи и оригинальности, а нерѣдко и довольно красиваго рисунка. Впрочемъ иногда вышиваніемъ занимаются и мужчины, такъ напр., въ фортѣ Перовскомъ въ 1864 и 65 гг. находился коканецъ, превосходно и чрезвычайно быстро вышивавшій; ему можно было давать свои узоры, которымъ онъ подражалъ необыкновенно вѣрно; говорятъ также, что такихъ искусниковъ въ г. Ташкентѣ весьма достаточно. Вышиваніе производится весьма просто на натянутомъ на подобіе обруча изогнутомъ прутѣ и обыкновенными швейными иглами. Для шитья кожъ и кожаной посуды киргизы употребляютъ предпочтительно жилы животныхъ. Для этого ихъ толкутъ и разбиваютъ, дабы придать имъ гибкость и мягкость, потомъ разрываютъ жилы на нити разной толщины. Такія нити, по увѣренію киргизъ, отличаются необыкновенною прочностью.

Всѣ упомянутыя рукодѣля, а также приготовленіе сѣделъ и обуви. грубой деревянной посуды и т. п. извѣстны всѣмъ безъ исключенія киргизамъ по всей степи, такъ какъ необходимы въ ихъ домашнемъ быту; но за то другихъ какихъ либо ремеслъ они не знаютъ вовсе или же знакомы съ ними въ весьма ограниченной степени. Такъ, киргизы отчасти занимаются кузнечнымъ, мѣднымъ, паяльнымъ, золотымъ и серебрянымъ мастерствами, но весьма въ нихъ неискусны, не имѣя даже необходимыхъ для работы инструментовъ, кромѣ шип-

цовъ, молота и небольшой наковальни. Искусники въ этихъ мастерствахъ со всѣми своими припасами переходятъ изъ аула въ аулъ и повсюду дѣлаютъ, что могутъ. Выдѣлываются же ими обыкновенно украшенія и вообще приборы къ конской сбруѣ и сѣдламъ, а также къ пашкамъ, поясамъ, ножамъ и огнивамъ, имѣющимся у каждаго киргиза на поясѣ съ боку; могутъ дѣлать плохіе ножи и кинжалы, мотыги, сошки, головные женскіе уборы изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, а также плохіе мѣдные и серебряные кольца и браслеты. Полировка, приготовленіе иглъ, ножницъ, наперстковъ, винтовъ и т. п. вещей составляютъ для киргизъ невозможное.

Когда обыкновенное въ прежнія времена для бѣдняковъ средство снискивать себѣ пропитаніе хищничествомъ начало дѣлаться опаснымъ, то нѣкоторая часть киргизъ, желая вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться и отъ тяжелой зависимости отъ сильныхъ и богатыхъ соотечественниковъ, постепенно обратилась къ хлѣбопашеству; болѣе же частыя и дружелюбныя сношенія съ сосѣдями земледѣльцами способствовали къ возбужденію въ киргизахъ трудолюбія и къ уничтоженію въ этомъ народѣ вреднаго предрасудка противъ земледѣлія, которое и до сихъ поръ въ глазахъ многихъ обладателей большихъ стадъ кажется достойнымъ презрѣнія.

Среди степей, по лѣсамъ, въ верховьяхъ р. Тобола, на рѣкахъ Тургаѣ и Иргизѣ, на р. Эмбѣ и по многимъ другимъ незначительнымъ ручьямъ начали киргизы заниматься земледѣліемъ еще недавно. Но съ давнихъ поръ на берегахъ р. Сыръ-Дарьи оно производилось въ довольно обширныхъ размѣрахъ; однако имъ болѣе занимались каракалпаки. частью истребленные, частью же перешедшіе, вслѣдствіе вѣчной неурядицы въ степи, въ ханство хивинское. Земледѣльцы киргизы живутъ около своихъ пашенъ въ бѣдныхъ шалашахъ, землянкахъ и

плохихъ кибиткахъ; имъ иногда богатые кочевники, ихъ покровители, поручаютъ, за скоть и другую плату, сѣять хлѣбъ и на свою годовую потребность. Женщины почти никогда не занимаются земледѣліемъ. Киргизы сѣютъ только просо (тары), просянку (куналъ), пшеницу (бугдай), ячмень (арпа) и въ небольшомъ количествѣ и не вездѣ яровую рожь; кромѣ того разводятся ими дыни, арбузы и тыквы. Казалось бы, что при несовершенствѣ земледѣльческихъ орудій и природной беспечности киргизъ у нихъ урожаи должны бы быть не завидные, но, напротивъ, они почти всегда бываютъ удивительные и во многихъ мѣстахъ доходятъ до самъ тридцать и пятьдесятъ.

Для воздѣлыванія земли употребляютъ самыя первобытныя орудія, которыя состоятъ изъ кривой палки, называемой «егинъ-агачъ», сдѣланной изъ вѣтви или корня какого-нибудь вблизи произрастающаго дерева; эта палка бываетъ различной фигуры, соотвѣтствуя отысканному дереву, и на передній конецъ оной укрѣпляется сошникъ (по-киргизски «тись»), похожій на заостренный овалъ; къ верхнему концу его вставляется дышло, «угюнъ-огачъ», на переднемъ концѣ котораго приспособляется небольшой крюкъ или же деревянный гвоздь; къ этому гвоздю привязывается волосяной веревкою или ремнемъ ярмо съ заложенными въ него быками, коровами или верблюдами.

Во время паханія одинъ человѣкъ ведетъ животныхъ, а другой сзади управляетъ сохою, нарочно придѣланною для того рукояткою; сошникъ при этомъ дѣлаетъ борозду до двухъ вершковъ глубиною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прежде чѣмъ начать пахать, разбрасываютъ сѣмена, а иногда и сѣютъ по вспаханному уже полю; на другой годъ нерѣдко вовсе не сѣютъ, а только пахнутъ и это оказывается достаточнымъ для хорошаго урожая отъ тѣхъ сѣмянъ, которые разсыпались при

предъидущей жатвѣ. Бороненіе совершается различно, или толстою палкою, называемою «мала», къ концамъ которой привязаны ремни для запряжки воловъ, или же вмѣсто мала употребляются большіе пуки вѣтвей, которыя привязываютъ корнями къ лошадиному хвосту и вершинами разравниваютъ землю.

Посѣвы начинаются вообще въ началѣ и половинѣ мая, а въ южной степи и ранѣе. Какъ только посѣвъ конченъ, то земледѣльцы идутъ въ свои кочевья и возвращаются къ пашнямъ дней черезъ шестьдесятъ, т. е. ко времени жатвы; однако же и до этого срока они изрѣдка навѣщаютъ поля для наблюденія за ними, а въ южной части весьма знойной степи и для поливки полей. Жнутъ хлѣба небольшими плохими серпами (уракъ), а за неимѣніемъ ихъ вырываютъ просто руками и связываютъ въ снопы или даже просто складываютъ въ кучи. Молотьба совершается тотчасъ по снятіи хлѣба; для этого расчищается гладкое и твердое мѣсто, на немъ разставляется хлѣбъ, а для отдѣленія зеренъ коняютъ на веревкѣ лошадей, быковъ или верблюдовъ; потомъ зерна провѣиваютъ лопатами. По окончаніи уборки хлѣба часть его и всѣ овощи оставляютъ для употребленія; остальной же хлѣбъ тайно зарываютъ въ ямахъ, въ запасъ на зиму до будущаго года.

Киргизы научились поливкѣ полей у жившихъ нѣкогда среди нихъ Каракалпаковъ, а также отъ Бухарцевъ, Хивинцевъ и Коканцевъ, и въ этомъ отношеніи труды ихъ достойны всякой похвалы и уваженія. Пашотныя поля располагаются близъ озеръ и рѣкъ, на берегахъ низкихъ или углубленныхъ. Для удержанія воды отъ разлива обыкновенно насыпаютъ земляной валъ или плотину; такими плотинами уровень водъ поддерживается выше обработанныхъ пашенъ. Когда необходимо провести воду на пашни, то немного разрываютъ въ одномъ мѣстѣ плотину и по проведенной оттуда ка-

навкѣ проводятъ воду на пашню. Если пашни находятся далеко отъ воды, то хлѣбопашцы соглашаются между собою и общими силами устраиваютъ каналъ отъ плотины. Эти каналы бываютъ иногда до двухъ саж. глубиною и до четырехъ шириною и простираются на нѣсколько верстъ въ длину; по бокамъ такихъ каналовъ находятся также плотины и посредствомъ ихъ вода держится въ каналѣ выше уровня пашень, чтобы, по мѣрѣ надобности, разрывъ такую плотину на берегу канала, можно было затоплять пашни, какъ и въ первомъ случаѣ.

Наводненіе полей производится первый разъ, когда покажется на нивахъ зелень, а весенней влажности недостаточно; во второй разъ передъ тѣмъ временемъ, когда хлѣбъ начнетъ колоситься, дабы засуха не могла помѣшать налиwkѣ зеренъ; иногда поливаютъ хлѣба и третій разъ, передъ жатвою, въ случаѣ особенныхъ жаровъ, чтобы хлѣбъ не выгорѣлъ отъ зноя. Только устройство плотинъ и канавъ требуетъ неимовѣрныхъ трудовъ и заботъ объ ихъ исправленіи и поддержаніи въ порядкѣ; самое же орошеніе легко можетъ производиться двумя людьми, которые въ теченіе дня могутъ полить на огромномъ пространствѣ всю запаханную землю.

Еслибы не природное отвращеніе киргизъ вообще къ труду и не презрѣніе къ земледѣлію въ особенности, то хлѣбопашество у киргизъ могло бы давно уже развиться до значительной степени; однако же съ увѣренностію можно сказать, что оно между ними все болѣе и болѣе укореняется, особенно со времени вступленія русскихъ на постоянное жительство въ степь. Увеличенію производства хлѣбовъ въ послѣднія времена не мало способствовало очищеніе нѣкоторыхъ древнихъ канавъ близъ береговъ р. Сыра.

Просо, наиболѣе киргизами разводимое, болѣе всего

употребляется ими въ пищу въ видѣ пшена, для чего его сначала развариваютъ въ водѣ, потомъ, нѣсколько подсушивъ и поджаривъ въ чугунномъ котлѣ, толкутъ въ деревянныхъ сосудахъ или же въ ямахъ, выложенныхъ твердыми кожами. Изъ полученнаго такимъ образомъ пшена готовится жидкая каша, называемая «кужъ»; это обыкновенная, а для большинства и единственная пища у киргизъ зимою. Изъ пшеницы и ячменя также варятъ кашу или же заблаговременно намачиваютъ зерна водою, толкутъ и поджариваютъ ихъ, иногда съ саломъ, а то просто, и ѣдятъ сухія.

Вообще изъ всѣхъ зеренъ киргизы готовятъ различными способами муку (унъ), изъ которой дѣлаютъ прѣсныя лепешки (канъ) и кисель (баламыкъ); иные готовятъ родъ клѣцекъ или галушки, опускающая ихъ вариться въ мясную похлебку. Нѣкоторые киргизы вывозятъ изъ сосѣднихъ ханствъ кукурузу, а чаще всего кукурузную муку, смѣшанную съ гороховою и пшеничною. Впрочемъ кукуруза легко могла бы расти и во многихъ частяхъ степи и была бы для киргизъ весьма полезна, ибо кромѣ того, что доставляла бы зерна на пищу, остатки ея могли бы идти и на топливо; поэтому разведеніе кукурузы на берегахъ р. Сыра въ послѣднее время начало поощряться русскими властями. Въ новѣйшія же времена и вслѣдствіе поощреній нашихъ властей, киргизы начали производить опыты разведенія марены и хлопчатой бумаги; а нѣкоторые уже близъ Сыръ-Дарьинскихъ фортовъ съ успѣхомъ разводять лукъ, морковь, рѣдьку, табакъ и года съ два какъ приступили къ разведенію картофеля. Кромѣ того, киргизы издавна, подражая сосѣдямъ хивинцамъ, коканцамъ, и бухарцамъ, сѣютъ разныя травы, за которыми требуется такой же уходъ какъ и за хлѣбомъ. Травы эти, какъ напр. «дженушка» (тимофеева трава), разъ посѣянная, родится потомъ года три сряду и въ теченіе

каждаго лѣта жнуть ея раза по три, а иногда и болѣе. Сѣянная трава составляетъ весьма питательную пищу и ея дается не болѣе пяти сноповъ въ сутки лошади и коровѣ.

Къ промышленнымъ занятіямъ киргизъ принадлежитъ только одна торговля, которую можно подраздѣлить на торговлю, производящуюся на русской границѣ, на торговлю среднеазиатскую и торговлю въ самой степи киргизской.

На нашей границѣ для торговли съ киргизами опредѣлены особыя пограничныя мѣста, гдѣ издавна устроены для того мѣновыя дворы, при которыхъ располагаются и главныя таможи. Для мелочного же торга и особенно зимою открыта полная свобода во всѣхъ пограничныхъ селеніяхъ или станціяхъ; однакоже и при этомъ для наблюденія за порядкомъ торговли и сборомъ таможенной пошлины содержатся таможенные разъѣзды и смотрителя.

Главная мѣна, въ которой участвуетъ русское купечество, начинается въ іюнѣ, когда скотъ послѣ зимы успѣетъ вполне оправиться, и продолжается до октября, когда торговля постепенно ослабѣетъ. Эта мѣна по своей обширности и огромнымъ барышамъ, доставляемымъ русскимъ промышленникамъ, заслуживаетъ подробнаго съ нею знакомства.

Купцы и мѣщане и даже каждый желающій, одинъ, или соединясь съ товарищами, однимъ словомъ, всѣ безъ изъятія пользуются правомъ мѣновой торговли съ киргизами; необходимо только для начала имѣть небольшую сумму денегъ или хотя на такую же сумму кредитъ для закупки на первый случай нѣкотораго количества маловажныхъ товаровъ, употребляемыхъ киргизами. Передъ открытіемъ мѣны всѣ торгаши обыкновенно записываются въ таможи и берутъ на мѣновыхъ дворахъ лавку, а также нанимаютъ работниковъ изъ та-

тарь или русскихъ, хорошо знающихъ киргизскій языкъ. (Мѣновые дворы устроены въ видѣ крѣпостей, съ высокими каменными стѣнами, съ внутренней стороны которыхъ, равно какъ и внутри, устроено множество лавокъ, отдаваемыхъ въ наемъ на время мѣны. Мѣновой дворъ имѣетъ только двое воротъ, къ сторонѣ степи называемыя азіатскими, а къ сторонѣ русской границы—европейскими). Работники изъ лавокъ каждый день передъ восходомъ солнца собираются у азіатскихъ воротъ и дожидаются тамъ впуска киргизъ, которые къ этимъ воротамъ собираются партіями и имѣютъ при себѣ все, что желаютъ промѣнять. Въ шесть часовъ утра ворота отворяются и кочевники со своими стадами стремятся въ нихъ толпою, съ шумомъ и крикомъ, производя страшную пыль. Купеческіе работники тѣснятся со всѣхъ сторонъ въ толпу киргизъ, хватаютъ у хозяевъ за поводъ верховыхъ лошадей и съ крикомъ, а иногда и дракою, отнимаютъ хозяина киргиза другъ у друга; наконецъ побѣдитель ведетъ свою жертву къ лавкѣ своего купца. Наѣздникъ во все время этой суматохи остается совершенно невозмутимымъ и безъ сопротивленія отдается побѣдителю между работниками; одно только старое знакомство или пріязнь могутъ извлечь его изъ такого безучастія и заставляютъ отправляться, несмотря на стараніе работниковъ, въ лавку давно знакомаго ему купца.

За такими хозяевами киргизами гонятъ принадлежащій имъ скотъ, а иногда слѣдуетъ множество совершенно постороннихъ киргизъ, изъ одного любопытства. Лавочникъ всѣхъ принимаетъ какъ гостей, произноситъ имъ разныя привѣтствія, сажаетъ на коверъ на полу или на прилавкахъ и угощаетъ хлѣбомъ, молокомъ и мясомъ; работники въ то же время пригнанный за хозяиномъ—киргизомъ скотъ разстанавливаютъ въ ряды, привязывая къ нарочно растянутымъ для того веревкамъ

(кугунъ) а потомъ купецъ, осмотрѣвъ доброту скота, начинаетъ торговаться. Хозяинъ скота или старшій и опытный изъ присутствующихъ киргизъ требуетъ желаемые за весь скотъ товары, назначая ихъ по образцамъ, въ лавкѣ разставленнымъ и развѣшаннымъ, а иногда указываетъ при этомъ на лежашіе тутъ же разные свертки. Когда окончательно договорятся о мѣнѣ, то читаютъ общую молитву и тѣмъ скрѣпляется условіе.

Запросы киргизъ по большей части бываютъ разнообразны съ доставленнымъ ими на мѣну скотомъ, а потому имъ рѣдко приходится переходить изъ одной лавки въ другую; при томъ купцы всѣми мѣрами стараются не допускать ихъ къ переходу. Киргизы въ продолженіе всего торга, сидя въ кружкѣ и разсуждая плавно и скромно, выхваляютъ также свой скотъ и прибѣгаютъ при этомъ къ сильнымъ и трогательнымъ убѣжденіямъ, желая поставить на своемъ; это впрочемъ имъ рѣдко удается. Недостаточные купцы, чтобъ разсчитаться съ киргизами за взятый скотъ, весь слѣдующій товаръ занимаютъ въ лавкахъ, гдѣ имѣется у нихъ кредитъ. Мелочные торговцы и даже женщины ходятъ, между тѣмъ, по площади мѣнового двора съ пуговицами, бусами, зеркальцами и прочими подобными вещицами и вымѣниваютъ у киргизъ на свои вещи всякую всячину. Такимъ образомъ продолжается повсюду мѣна съ совершенною свободою; а въ три часа пополудни барабанный бой извѣщаетъ о времени прекращенія торговли.

Киргизы тотчасъ же возвращаются въ степь, а всѣ торговцы вымѣненный скотъ и прочіе предметы доставляютъ къ европейскимъ воротомъ, изъ которыхъ ихъ выпускаютъ, постепенно, по уплатѣ пошлинъ. Вслѣдъ за тѣмъ начинается новая торговля. Приѣхавшіе изъ дальнихъ русскихъ городовъ, такъ называемые гуртовщики, баранщики и т. п., скупаютъ вымѣненный скотъ для отгона внутрь Россіи за наличныя деньги; такъ что

лавочники мѣноваго двора, продавая тутъ же на мѣстѣ вымѣнянный скотъ на взятые заимообразно товары, немедленно могутъ и расплатиться, получивъ при томъ, конечно, немаловажную прибыль.

Въ какую цѣну приходится при такой мѣнѣ киргизскій скотъ опредѣлить рѣшительно нѣтъ никакой возможности, ибо въ сотнѣ лавокъ къ ряду за одно и то же количество равноцѣннаго товара получается самое различное количество однороднаго скота; все зависитъ отъ искусства и терпѣнія торговцевъ.

Точно также нельзя сказать ничего опредѣленнаго и относительно цѣнъ, по которымъ вымѣненный скотъ сбывается гуртовщикамъ; — здѣсь съ одной стороны нужда въ деньгахъ, а съ другой желаніе поскорѣе приобрести необходимое количество скота ведетъ къ тѣмъ же результатамъ, т. е. иные выручаютъ больше, другіе меньше за совершенно одинаковый скотъ. Но за то, по крайней мѣрѣ, при взиманіи пошлины, есть возможность узнать количество приобретеннаго изъ степи скота; однако же и эти цифры, если принять въ соображеніе обширность границы и постоянную, въ теченіе всего года, мѣну и покупку скота у киргизъ по всей границѣ, также нельзя признать точными и опредѣленными; такія цифры даютъ только довольно близкое о томъ понятіе.

По другимъ границамъ степи, въ Хивѣ, Бухарѣ и Коканѣ, куда киргизы направляются также для мѣны своего скота и прочихъ произведеній степи, опредѣленныхъ мѣстъ для торговли нѣтъ; преимущественно же они отправляются для того въ города Хиву, Бухару, а прежде и въ г. Ташкентъ, большими караванами или партіями, такъ какъ даже до послѣднихъ дней пути туда были не безопасны отъ разбоевъ. Прибывъ на мѣсто, караваны располагаются въ окрестностяхъ означенныхъ городовъ кочевьями, куда къ нимъ выѣзжаютъ

жители, осматриваютъ скоть, договариваются о мѣнѣ и товары свои, слѣдующіе въ промѣнѣ, вывозятъ въ поле или же выдаютъ киргизамъ и въ городѣ; при этомъ не только взимаютъ съ киргизъ таможенные пошлины, но даже почти всегда берутъ и подати, на томъ основаніи, что киргизы, какъ мусульмане ни кому другому и не могутъ быть подчинены, какъ только мусульманамъ же. Само собою разумѣется, что киргизы непрекословно исполняютъ подобныя требованія.

Торговые пути, по которымъ киргизы отправляются въ ханства, слѣдующіе: изъ южной степи, чрезъ Усть-Уртъ, по западному берегу Аральскаго моря и отъ сѣверо-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря въ Хиву.

Съ низовій же р. Сыръ-Дарьи, по восточному берегу Аральскаго моря ходили въ Хиву рѣдко, но за то въ Бухару направлялись по всѣмъ путямъ, идущимъ близъ форта № 1, форта Перовскаго и отъ Туркестана черезъ переправу на Ушъ-Каюкъ, а также и вдоль р. Сыра черезъ г. Ташкентъ, на Коканъ. Сбывъ тамъ свои произведенія, киргизы запасались среднеазиатскими товарами частью сами, а частью отдавали своихъ верблюдовъ въ наемъ азиатскимъ купцамъ, отправляющимся для торговли въ Россію.

Сказать что-либо опредѣленное объ оборотахъ киргизской торговли въ этомъ направленіи можно еще мѣнѣе и потому остается довольствоваться приблизительными понятіями о томъ самихъ киргизъ.

Внутренняя торговля въ степи составляетъ прежде всего, такъ сказать, продолженіе пограничной мѣны. Товары, вымѣниваемые на русской границѣ, расходятся постепенно на западной и сѣверной части степи, а полученные изъ сосѣднихъ ханствъ — въ восточной и южной ея части; при перекочевкахъ киргизъ съ юга на сѣверъ и обратно товары эти, безъ сомнѣнія, переходятъ черезъ множество рукъ. Кромѣ того, киргизы изъ

южной степи запасаются лѣсомъ для кибитокъ, деревянною посудою и арчеками на сѣдла отъ родовъ, кочующихъ близъ лѣсовъ, въ сѣверной полосѣ степи; здѣсь же они приобрѣтаютъ лошадей и рогатый скотъ. У южныхъ же киргизъ сѣверными приобрѣтаются овцы, верблюды и кошмы. Кромѣ того настоящая торговля внутри степи производится еще и по всѣмъ нашимъ степнымъ укрѣпленіямъ, гдѣ имѣется нѣсколько купцовъ, какъ русскихъ, такъ и среднеазіатцевъ.

Такимъ образомъ внутренняя торговля въ степи состоитъ въ промѣнѣ скота и другихъ домашнихъ издѣлій на товары, полученные съ азіатской или европейской границы; потомъ вымѣниваютъ хлѣбъ, какъ отъ своихъ земледѣльцевъ, такъ и привозимый съ границы, и, наконецъ, промѣниваютъ скотъ на скотъ и собственныя домашнія издѣлія. Само собою разумѣется, что опредѣлить при этомъ цѣнность и направленіе внутренней торговли нѣтъ никакой возможности; нѣкоторое понятіе о томъ можно было бы составить, если бы внутренняя торговля, по возможности, была сосредоточена при нашихъ укрѣпленіяхъ, чего, къ сожалѣнію, еще нѣтъ.

Къ числу важнѣйшихъ предметовъ, получаемыхъ въ Россіи отъ киргизъ, принадлежатъ лошади, бараны и козы, которые большими табунами отгоняются въ Россію, постепенно переходя съ ярмарки на ярмарку. Потомъ слѣдуютъ сырыя кожи, овечья и верблюжья шерсть, изъ которой приготавливаются простыя сукна на нашихъ фабрикахъ; но, къ сожалѣнію, русскіе торговцы не обратили еще надлежащаго вниманія на вывозъ козьяго пуху, котораго поэтому идетъ довольно много въ Бухару, а оттуда въ Кабуль и прочіе города Афганистана, гдѣ изъ него приготавливаются превосходныя шали, мало уступающія кашемирскимъ. Только незначительное количество козьяго пуху приобрѣтается въ пограничныя казачьи станицы Оренбургскаго вѣдомства, гдѣ изъ него

приготавливаются казачками (вяжутся) также довольно хорошіе, легкіе и тонкіе платки и шали, обратившіе уже на себя вниманіе на многихъ выставкахъ. Отъ киргизъ же мы получаемъ и множество выдѣланныхъ овчинъ, употребляемыхъ на тулупы, а также мерлушекъ, идущихъ на шапки. Киргизская армячина разныхъ сортовъ въ пограничной полосѣ доставляетъ русскимъ рабочимъ людямъ прочную и недорогую одежду; а получаемые же изъ степи кошмы или войлоки идутъ на обивку сѣделъ, потники и подстилку вмѣсто ковровъ; волосяныя веревки и ремни вымѣниваются для домашняго обихода также во всей пограничной полосѣ. Сверхъ того очень выгодно получаютъ изъ степи и звѣриныя мѣха, волчьи, заячьи, лисьи, хорьковые, горностаевые и т. п., за которыми рускіе татары въ прежнее время сами ѣздили по степи. Рогатаго скота идетъ, мало въ Россію изъ степи, а верблюдовъ и того меньше; весь этотъ скотъ наиболѣе сбывается въ сосѣднія ханства.

Изъ Россіи киргизы получаютъ товары вообще самаго низкаго сорта, т. е. все то, что уже въ своихъ предѣлахъ перебивало на всѣхъ ярмаркахъ и положительно не имѣетъ никакого ходу дома. Между тѣмъ весь этотъ хламъ сбывается въ степяхъ киргизскихъ очень выгодно при мѣнѣ на скотъ, а потому надо удивляться русскимъ промышленникамъ, что они не развиваютъ до большихъ размѣровъ свою среднеазиатскую торговлю. Вездѣ наша промышленность находитъ опасныхъ соперниковъ и только въ срединѣ Азіи ей открыты рынки и они-то должны бы по настоящему поглотить все вниманіе нашихъ торговцевъ. Надо сознаться, впрочемъ, что много препятствовала этому продолжительная неопредѣленность нашего положенія относительно среднеазиатскихъ ханствъ и, какъ слѣдствіе этого, частые грабежи, и вообще небезопасность всякихъ торговыхъ начинаній въ средней Азіи. Въ настоящее время

всѣ препятствія въ этомъ отношеніи устранены и можно надѣяться, что русская промышленность воспользуется этимъ воспользоваться.

Товары, обыкновенно отпускаемые въ Киргизскую степь и далѣе, состоятъ изъ простыхъ суконъ, приготовленныхъ изъ киргизской же овечьей и верблюжьей шерсти; встрѣчаются также и сукна нѣсколько лучшаго разбора, разные выдѣланные мѣха и кожи; желѣзная и мѣдная посуда, особенно большіе чугунные котлы для приготовленія пищи, которые не только въ употребленіи по всей степи, но много ихъ вывозится и въ сосѣднія ханства. Далѣе въ степь вывозится деревянная и фаянсовая посуда, полосовое желѣзо, сбура, табакъ, преимущественно нюхательный, и не слишкомъ много хлѣба, такъ какъ большую часть его киргизы получаютъ изъ сосѣднихъ ханствъ, гдѣ онъ бываетъ почти постоянно дешевле. Чрезвычайная дешевизна среднеазиатскаго хлѣба болѣе всего и служитъ причиною незначительнаго вывоза киргизами хлѣба изъ Россіи, что было бы для нихъ и ближе и удобнѣе; нельзя однако, не сознаться, что другою причиною къ тому послужило и случившееся по временамъ запрещеніе отпуска хлѣба въ степь, тогда какъ въ сосѣднихъ ханствахъ киргизамъ вывозить хлѣбъ для себя никогда не воспрещалось. Между тѣмъ постоянная цѣль посѣщенія киргизами сосѣднихъ ханствъ есть именно хлѣбъ; а частыя туда поѣздки служатъ къ укорененію въ степяхъ мусульманскаго изуверствѣ, о чемъ сосѣди магометане постоянно и усердно заботятся. На эту зависимость нашихъ киргизъ отъ среднеазиатскаго хлѣба необходимо обратить особенное вниманіе при перенесеніи таможенной линіи на р. Сыръ, когда за перевозомъ его изъ ханствъ представится возможность правильно и постоянно слѣдить.

Затѣмъ изъ Россіи въ степь вывозится въ большомъ

количествѣ разнаго рода ситецѣ, употребляемый киргизами на рубахи, шаровары, халаты и одѣяла; при этомъ, чтобы лучше угодить вкусу киргизѣ, нашими купцами долгое время перепродавались разныя бумажныя ткани, получаемыя отъ хивинскихъ и бухарскихъ торговцевъ и только въ новѣйшія времена наши промышленники стали принаравливать свои произведенія ко вкусу и потребностямъ киргизѣ.

Достаточныя киргизы приобрѣтаютъ у насъ также парчу, разныя шелковыя матеріи, бархатъ, а чаще плисъ, и разныя предметы для женскихъ уборовъ, какъ-то: золотыя, серебряныя и позолоченныя украшенія, кольца (самыя плохія), бусы, пуговицы всевозможныхъ видовъ, иглы, ножницы, шелкъ въ ниткахъ, платки, ленты, тесемки и проч. Изъ кожъ идетъ преимущественно сафьянъ, служащій для приговленія мужской и женской обуви, которая, впрочемъ во множествѣ, вывозится и готовая какъ отъ насъ, такъ и изъ сосѣднихъ ханствъ.

Изъ этихъ послѣднихъ киргизы получаютъ, по большей части, бумажныя матеріи, а также готовые шелковые (канаусовыя), бумажныя и полшелковые халаты, разныя женскія украшенія въ восточномъ вкусѣ, оружіе, свинецъ и порохъ или же сѣру и селитру. Значительный торгъ съ ханствами киргизы вели еще не такъ давно и невольниками и съ помощью такой торговли весьма многіе изъ нихъ разбогатѣли. Киргизы ловили этихъ несчастныхъ во время своихъ хищническихъ набѣговъ, захватывали русскихъ, калмыковъ, перепродавали персіянь, джунгарцевъ и китайцевъ. Невольниковъ, исповѣдующихъ магометанство одного съ ними сунитскаго толка, киргизы не продавали, а прочихъ промѣнивали въ Среднюю Азію, гдѣ съ ними обращались всегда самымъ жестокимъ образомъ, склоняя побоями и другими мученіями къ принятію магометанства. Невольниковъ своихъ киргизы приводили въ прежнія

времена и на наши мѣновыя дворы, гдѣ дозволялось покупать ихъ русскимъ съ цѣлью избавить отъ жестокаго рабства, а на выкупъ изъ неволи русскихъ плѣнныхъ отпускались даже пограничному начальству особыя суммы изъ казны.

Въ послѣднее время киргизы, кромѣ постоянной отдачи въ наемъ своихъ верблюдовъ подъ караваны русскихъ и азіатскихъ купцовъ, много промышляютъ и наймомъ ихъ для перевозки множества разныхъ тяжестей по степнымъ нашимъ укрѣпленіямъ.